

Надежда Волгина

ПОЕЗД ДО СТАНЦИИ
ДЕТСТВО

Современный женский роман

Надежда Волгина

Поезд до станции детство

Жизнь детей, лишенных родительского тепла и ласки, сама по себе непроста. Единственное, что у них есть, — это дружба, крепкая, нерушимая. Они называли себя «обоймой», в которой семь патронов сидят вплотную друг к другу, и никакая сила не может их разлучить. Кроме магии...

Под впечатлением таинственного рассказа и влекомые любопытством, семеро друзей отправляются на поиски неизвестного, где трое из них бесследно исчезают.

Лишь через пятнадцать долгих лет четверо оставшихся друзей решают отправиться на поиски пропавших. Этих людей, которых жизнь раскидала по всему свету, впереди ждут приключения, магия и, конечно же, любовь!

Содержание

Глава 1 Дорога в прошлое.....	0005
Глава 2 Прошлое встречается с настоящим.....	0010
Глава 3 Враг становится другом.....	0015
Глава 4 Пана.....	0021
Глава 5 Отряд укомплектован.....	0027
Глава 6 Туман начинает рассеиваться, появляется план.....	0033
Глава 7 Друзья узнают о дяде Федоре.....	0037
Глава 8 У Алины и Андрея появляется общая тайна.....	0042
Глава 9 Завеса над тайной приподнимается.....	0047
Глава 10 Что-то там впереди?.....	0052
Глава 11 Оазис жизни.....	0057
Глава 12 Непостижимая реальность.....	0062
Глава 13 Источник жизни.....	0068
Глава 14 Исчезновение Паны и Ивана.....	0074
Глава 15 Приготовления.....	0080
Глава 16 Матушка Анастасия.....	0085
Глава 17 Никакой географии.....	0092
Глава 18 Гибельная беспросветность.....	0098
Глава 19 Ада из ада.....	0105
Глава 20 Настоящий рай.....	0111
Глава 21 Модель, далекая от совершенства.....	0117
Глава 22 Светлана.....	0124
Глава 23 Неожиданная помощь.....	0130
Глава 24 Иван.....	0137
Глава 25 Мужская башня.....	0142
Глава 26 Мать Ивана.....	0148
Глава 27 Одержимость Светланы.....	0155
Глава 28 Спасение.....	0161
Глава 29 Призыв о помощи и снисхождении.....	0168
Глава 30 Возвращение.....	0174
Эпилог.....	0179
#32.....	0180
#33.....	0182

Современный женский роман

Надежда Волгина

**ПОЕЗД до станции
ДЕТСТВО**

Минск
«Букмастер»

Надежда Волгина
ПОЕЗД до станции ДЕТСТВО

Глава 1

Дорога в прошлое

Андрей очнулся от того, что поезд сильно дернулся, притормаживая на какой-то станции. Опять этот сон! Одно время он часто снился, врываясь в сознание непрошеными воспоминаниями. Но примерно с год Андрей уже спал спокойно, практически без сновидений. Так, иногда мелькнет какая-то нелепица, как отражение дневных переживаний и эмоций.

Рядом зычно, с причмокиваниями, храпел сосед по купе. Вот кому все ни почем — спит себе, зарывшись головой в подушку, и не ворочается. Возможно, если бы Андрей согласился выпить с ним коньячку накануне вечером, то тоже спал бы всю ночь напролет.

Лицо Андрея исказила гримаса боли. Ну почему эти воспоминания, которые он так старательно гнал от себя, все время возвращаются? Не связано ли это с его поездкой? А сама поездка, не похожа ли она на авантюру?

Зачем тогда, пятнадцать лет назад, старая кастелянша, рассказала им ту историю? Андрей отчетливо вспомнил крашеные стены лазаретной палаты, их семерых, дрожащих под одеялами, и сморщенное лицо бабы Марфы — кастелянши детдома. Ему даже почудилось, что по вагону гуляет ветер, как в тот вечер, и завывает, проникая в щели. И ладно ему, все-таки тогда ему уже исполнилось пятнадцать. Взрослый. Но остальные-то — ведь сопляками были еще! Да и вранье все это, скорее всего... Только привело оно к страшным последствиям. Откуда вообще кастелянша, которая родилась через много-много лет после тех событий, могла знать про них? Тогда он посчитал, что не стоит даже голову забивать этой ерундой. Но через пару дней пожалел о своем легкомыслии. И жалеет до сих пор.

Спустя столько лет предстоит опять увидеть место, где прошли пятнадцать лет его жизни. Удивительно! Ровно полжизни до и полжизни после. Что это символизирует? Есть ли в этом какой-нибудь смысл?

Тридцатого сентября директриса Зинаида Сидоровна вызвала Андрея к себе в кабинет.

— Собирай вещи! — сказала она без предисловий. — Ты сегодня уезжаешь. Твои документы уже в ПТУ. Будешь учиться на электрика. Они тебя ждут.

— Но, я... — начал было Андрей.

— Это не обсуждается! — строго прикрикнула женщина, которая даже в хорошем расположении духа внушала опасение грозным видом. А в тот момент и подавно. — Решение принято! Я не хочу видеть тебя тут ни дня больше. В том, что произошло, только твоя вина. Это пятно на репутации нашего заведения, — она никогда не называла детдом иначе, как заведением. Это создавало налет казенности, и мешало детям считать приют домом. — Собирайся и уезжай. Двенадцатичасовой электричкой. Вот тут все инструкции и деньги с твоего счета, — она протянула тонкий конверт и отвернулась к окну, всем видом показывая, что разговор окончен.

Через два часа Андрей навсегда покидал это место, с душой, переполненной обидой, с мыслями в голове одна мрачнее другой. Друзья вышли проводить, но он даже не обернулся. Его путь лежал в новую жизнь, в которой не осталось для них места.

— Встретимся возле часовни, в час дня, ровно через пятнадцать лет, — услышал он голос Ивана, прокричавший ему в спину.

Тогда он не обернулся, просто ушел, не собираясь возвращаться ни через год, ни через два, никогда.

Завтра наступит этот день. Завтра он увидит тех, кого поклялся никогда больше не видеть. А может встречи и не состоится. Столько лет прошло. Кто знает, что с ними стало.

Воспоминания разбудили в Андрее потребность закурить. Привычка, от которой он пытался избавиться почти полгода, резко заявила о себе. Никотинового голода он не испытывал, хотелось просто постоять с дымящейся палочкой меж пальцев и подумать о жизни, как он делал на протяжении многих лет, пока не осознал, что становится рабом этой пагубной зависимости. Но поддаваться нельзя! Стоит только раз уступить, и все начнется опять, как будто и не было этих шести месяцев тяжелой борьбы.

Танюшка — сиротка, поступившая к ним в детдом пяти лет отроду, когда ее мать алкоголичку лишили родительских прав. Удочерить ее никто не смог, поскольку родня была вся, как на подбор, малоимущая. Весь первый день она провела, забившись в угол в игровой комнате, все время плача и зовя мать. Ту, которая периодически поколачивала девочку, держала ее голодной по нескольку дней, пропивая всю зарплату продавицы овощей в уличной лавке, водя домой посторонних мужиков. Ее малышка считала самым дорогим в мире человеком.

Столько горя в тихом зове, столько любви и отчаяния в голосе. Андрею хотелось подойти к ней и встряхнуть как следует, спросить, что такого хорошего в ее матери-пропойце? За что можно любить ту, которую и человеком-то с натяжкой можно назвать? Как и собственную мать, которую он вовсе не знал. Женщина, что родила его, поступила еще проще — не надрывалась, до пяти лет не воспитывала. Она просто подбросила его, трехмесячного, к дверям детского дома ночью поздней осенью, когда вероятности, что кто-то услышит жалобный писк, не было. Спасибо бабке Марфе — нашла пищащий сверток на пороге, возвращаясь после ночных бдений в часовенке. Если б не она, не лежал бы Андрей сейчас в купе поезда, который вез его из Берлина в Москву.

Поезд дернулся, покидая пустынную ночную станцию. Вокзальные фонари остались позади. Вагон погрузился во мрак, лишь едва угадываемые очертания деревьев мелькали за окном ускоряющегося ход поезда.

Андрей отвернулся от окна и вновь улегся на спину, положив руки под голову, пытаясь отогнать воспоминания, настойчиво заползающие в мысли.

Вот, Зинаида Сидоровна подходит к заплаканной девчонке и по-серьезному с ней говорит. Все слова такие правильные, тщательно подобранные, умные:

— Ты уже взрослая девочка, должна понимать все правильно. Твоя мама разрешила пожить тебе здесь, с нами. Посмотри, сколько у тебя друзей. Нас тут много, и никто тебя не обидит...

Девочка смотрит на суровую женщину большими голубыми глазами, до самых краев наполненными слезами. Она ровным счетом ничего не понимает. Ее губы бесшумно шепчут «мама», а из глаз катятся крупные прозрачные капли. Какие друзья? Все здесь чужие. Она просто хочет домой, к маме.

Андрей не может больше наблюдать нечеловеческое горе этого беззащитного ребенка. Он подходит к ней, приседает рядом, берет за руку и говорит

как можно мягче:

— Пойдем, я покажу тебе нашего кролика, а еще хомячка и канарейку.

Девочка изумленно смотрит на рослого подростка, держащего ее маленькую ручку в своей надежной, большой и теплой ладони. Робкая улыбка появляется на конопатом личике. Она доверчиво идет за новым другом, который внезапно показался ей лучше всех, что находятся в этой комнате. Теперь ей уже не так страшно.

— Как тебя зовут? — спрашивает Андрей.

— Танька, — отвечает девочка.

Андрей удивляется — разве таких маленьких могут звать «Таньками»?

— Я буду звать тебя Танюха, идет? — она молча кивает, и на лице появляется жалкое подобие улыбки. — Мы будем дружить с тобой. Хочешь? И я познакомлю тебя со всеми остальными.

А девочка уже почти счастлива, забыв о своей потере, о недавнем горе.

Андрей улыбается в темноте купе. Детство — оно не помнит плохого. Его сердце сразу прикипело к этой малышке. Захотелось оградить ее от всех несчастий. Дальше вспоминать не стоит, слишком больно. Он перевернулся на бок в тщетной попытке уснуть. Даже сосед перестал храпеть. Все располагало к спокойному и крепкому сну. Ритмичный стук колес и покачивания поезда должны убаюкивать сознание, а не наталкивать на ненужные мысли...

Вот каша из мальчишеских тел и грязи, мелькание рук и ног. Андрей вытаскивает из общей кучи смеющегося пацаненка с разбитой губой и кровоточащим носом.

— Мишка, глупый, ты же не справишься один со всеми, — ругается Андрей, оттаскивая мальчишку в сторону. — Чего ты набросился на них?

— А чего они меня дразнят цыганом? — продолжая смеяться, говорит Мишка.

— Так ты и есть цыган, — улыбается Андрей.

— Знаю, — заливается малец смехом, — но дразниться не дам.

— Ты хоть иногда можешь быть серьезным? Больно же?..

— Больно, но еще больше смешно, — пританцовывает пацан.

Его нашли два года назад возле проезжей части, в кустах. Грязный и оборванный, он грыз черствую корку хлеба. Добрые люди привели его в детдом, где он и остался.

Директрисе так и не удалось выяснить, где и с кем он жил раньше. Единственный вопрос, на который ответил смеющийся замухрышка, что зовут его Мишкой. С появлением цыганенка, драки в детдоме, которые и без того случались нередко, участились в два раза. И почти во всех инициатором и заводилой выступал Мишка. Зинаида Сидоровна так часто, как его, никого еще не сажала под замок в комнату, которую дети называли карцером за тесноту и мрачность. Но, несмотря на кажущуюся строгость, директриса всем сердцем привязалась к чернявому и кудрявому мальчишке, в щедрой и широкой душе которого хватало места для всех. А когда он пел цыганские песни чистым залиvistым голосом, даже самые маленькие переставали играть и слушали его, раскрыв рты.

«Ну, давай, накатывай, — обреченно подумал Андрей, — следующий ведь Кирилл? Без него картинка в голове будет неполной, как пазл, у которого не хватает нескольких деталей».

Кирилл — настоящий друг. Почти ровесник Андрею, всего на год младше. И в детдоме появился новорожденным. Мать отказалась от него в роддоме. У нее уже было четверо по лавкам, и пятый — явная обуза. Лучше повесить заботу о нем на государство, чем пытаться самой вырастить из него человека.

Мальчишки все время были вместе. Маленький, тщедушный Кирилл, с философским отношением к жизни, являлся как бы думающей половиной сильного и храброго Андрея. У него всегда ловко получалось находить ответы на самые сложные вопросы. Изворотливый и гибкий ум помогал выпутываться из сложных ситуаций. Например, когда Андрей заразился триппером, впервые переспав с женщиной, оказавшейся всеобщей «давалкой», к тому же абсолютно беспринципной, раз не пожалела подростка, жаждущего удовлетворить сексуальное влечение. В тот раз он думал, что сойдет с ума. Идти в лазарет и честно во всем признаваться — значит сделаться посмешищем в глазах всех детей и воспитателей.

Еще неизвестно закончилась бы вообще история добром для Андрея, если бы не Кирилл, мгновенно сориентировавшийся в ситуации. Чудесным образом он раздобыл деньги, нашел платного врача, который согласился провести анонимное лечение. Через десять дней от болезни не осталось и следа, и страшная история забылась, как будто ее и не было вовсе. Кирилл так и не признался Андрею, где взял деньги. «Это не твоя забота, — улыбнулся тогда парень. — Живи себе дальше, не забивай голову пустяками. Друзья для того и нужны, чтобы помогать друг другу».

Нужно поспать. Рано утром пограничный контроль, потом начнется территория России. Родина! А считал ли Андрей ее родиной? Или его родина Бельгия, где он живет уже восемь лет? Ответа на этот вопрос нет. Патриотических чувств он не испытывал, ностальгии тоже. Его даже ни разу не потянуло в Россию с тех пор, как навсегда покинул ее.

Сначала ПТУ, потом институт, диплом с отличием и выгодный контракт на работу в Брюсселе. Не очень богатый событиями жизненный путь. Причем настоящую жизнь он узнал только в Бельгии. До этого была вечная борьба с нуждой, тщетные попытки нормально существовать в обществе, где несформировавшихся подростков выбрасывают во взрослую жизнь, назначая мизерное пособие, на которое прожить практически невозможно. Даже если прибавить к этому стипендию, получается чуть больше, чем мизер.

Все время приходилось заниматься «грязной» работой. Он побывал и грузчиком, и уборщиком, и санитаром, и посудомойщиком... В самой такой работе Андрей ничего зазорного не видел, только отнимала она все свободное время. После занятий, едва успев перекусить, он мчался на какое-нибудь дежурство. И так каждый день, год за годом... А еще была учеба, которая тоже требовала его внимания. На сон оставалось часов пять в сутки. И так на протяжении семи долгих лет.

Из той жизни Андрей помнил только постоянную усталость от недосыпания и чувство голода. Еще перед глазами стояли обшарпанные стены комнаты в общежитии, которую он делил с четверьмя парнями. Общая кухня с вечно грязной плитой и полным смердящим мусорным ведром, и загаженный санузел с напольными унитазами.

Подобную среду обитания с трудом можно назвать родиной. Да и какая разница? Стоит ли искать определение понятию, которое не играет никакой роли

в твоей жизни? Гораздо важнее сама жизнь, такая, какой ты сумел ее сделать. Но и с этим у Андрея тоже проблемы. Сейчас у него есть все: собственный бизнес, приличный капитал в банке, большой особняк за городом, куча прислуги. А самого главного нет: любимой женщины, детей, одним словом семьи. Какое-то постоянное стремление добиться большего, погоня за благополучием, в то время как жизнь пролетает мимо — стремительно и бесповоротно.

Андрей вздохнул. Каждый раз он видел все свои промахи и ошибки, но продолжал жить так же, не в силах что-либо изменить. Камень, давивший на душу, мешал наслаждаться жизнью, не давал получать удовольствия, которые он мог себе позволить.

Ведь, тогда, пятнадцать лет назад он просто ушел, не оглядываясь, не думая, что будет с теми, кто остается. Обида вытеснила ответственность, которую он нес за других. Даже сейчас он физически ощущал спиной взгляды друзей, когда уходил, унося в небольшом чемоданчике всю свою жизнь. Он не хотел думать о них. Все переживания, воспоминания, тайны оставил в детдоме, не желая брать их во взрослую жизнь. Вместе с ними оставил людей, которым был нужен. А они ведь гордились им. Для них он являлся опорой и надеждой в течение многих лет.

Даже сейчас, лежа в темноте купе, он отказывался вспоминать тех, на встречу с которыми ехал. Сомневался, что поступает правильно, но поворачивать назад не в его характере. Он выбрал направление и старается четко следовать ему, не сворачивая и не уваливая. И путь его лежит в Москву.

Андрей снова закрыл глаза. Усталость брала свое, да и мысли вымотали до предела. Не заметил, как провалился в сон.

Он видел красивую девушку. Почему-то волосы у нее были ярко рыжие, как у Танюхи. Вот она стоит в развевающейся тонкой сорочке на краю разрытой могилы. На дне ямы угадывается очертание гроба. Скрип... протяжный, унылый. Крышка гроба начинает сдвигаться. Андрей смотрит вниз глазами девушки. Он ощущает ее страх. Холодный пот покрывает тело. Рот открывается в попытке закричать, но ничего не получается. Лишь приглушенное мычание вырывается из горла.

Андрей вздрагивает и открывает глаза. Взгляд упирается в потолок купе. Слава богу, это всего лишь только сон. Веки снова смыкаются, и он окончательно засыпает — крепко, без сновидений.

Глава 2

Прошлое встречается с настоящим

Поезд прибывал рано утром. Андрей заранее вышел в тамбур, простившись с соседом-храпуном, который на протяжении двух ночей мешал ему спать. Опустив объемную спортивную сумку в ноги, он прильнул к грязному стеклу, рассматривая окрестности, медленно проплывающие за окном. Вот и Москва. Ее окраины практически не изменились за то время, что его здесь не было. Поезд очень медленно подползал к Белорусскому вокзалу. Рельсов было так много, что, пересекаясь, они напоминали паутину, в которой легко заблудиться. Но труженик-тепловоз медленно и уверенно тащил одиннадцать вагонов за собой, четко зная, куда ему нужно.

Выскочила проводница, заспанная и взлохмаченная. Она ловко отпихнула плечом могучую фигуру Андрея, отодвинув ногой его сумку. Стоило отнестись с пониманием и не реагировать на грубость. Проспала девушка, бывает. Но волна возмущения поднялась в душе Андрея, лишней раз напоминая о том, куда он едет. Здесь грубость — явление привычное, как прием пищи. Симпатичная девушка, ждущая, когда поезд полностью остановится, чтобы открыть дверь и выпустить пассажиров, казалась Андрею монстром. Она типичный представитель той жизни, к которой совсем недавно и он сам относился и из которой с таким трудом вырвался.

Поезд прибыл на первый путь. Выйдя к зданию вокзала, Андрей оказался под мелким морозящим дождем. Он застегнул рыжую кожаную куртку, надел кепку, защищая непослушные темно-русые волосы от влаги, и зашагал вдоль поезда к входу в вокзал.

Для тридцатого сентября холодновато. «Даже погода сурова ко мне, — усмехнувшись, подумал Андрей, — встречает холодом и дождем, как нежеланного гостя. Хотя, глупости все это. Наверное и остальные пассажиры тоже нежеланные. Что-то я вконец расклеился». Он сам себя не узнавал. Откуда такая враждебность? Ведь, в сущности, он оказался дома, в том месте, где родился и вырос. Здесь у него нет врагов, как, впрочем, и друзей.

Андрей в общих чертах был в курсе всего, что происходит в России. Даже живя в Бельгии, можно регулярно слушать новости о любом уголке земли. Так, например, он знал, что на Белорусском вокзале построили новый терминал, который стал одним из центральных звеньев в железнодорожном сообщении между Москвой и аэропортом «Шереметьево».

А вокзал-то стал намного чище и осовременился с тех пор, как Андрей последний раз был здесь. Сколько же лет прошло? Шестнадцать? Точно, тогда ему исполнилось четырнадцать. Большую группу воспитанников детдома отправили на экскурсию в город-герой Брест. В жизни Андрея это была первая поездка на поезде. Он помнил, как пытался тогда скрыть бешеный восторг, как ему все нравилось: переполненный плацкартный вагон, влажная постель, пыльные одеяла, грязные занавески на окнах... И стук колес — ритмичный, уютный, успокаивающий.

После того случая прошло еще много лет, прежде чем он опять отправился в путешествие. В Бельгию он улетал на самолете. С тех пор решил по возможности больше никогда не летать, а передвигаться на поезде или на машине.

Висеть на высоте десяти тысяч метров, находясь в замкнутом пространстве, слушать гул турбин, который навевал лишь опасения — все это не рождало в душе романтику. Даже великолепная панорама, открывающаяся взору из иллюминатора, и колоссальная экономия времени не могли склонить его на сторону чуда техники.

Андрей вспомнил, что у него нет русских денег. Он направился к пункту обмена валюты, работающему круглосуточно, и обменял всю наличность на рубли. А дальше что? Времени в запасе предостаточно, встреча назначена на час дня, а сейчас только восемь утра. Можно пойти позавтракать.

В это время работало только тесное вокзальное кафе с двумя круглыми столиками. Из съедобного они могли предложить гамбургеры, хот-доги и бутерброды. Сурового вида продавщица плюхнула на тарелку два бутерброда с маслом и сыром и высыпала в стакан с кипятком пакетик кофе «три в одном». «Ну, хоть так, — вздохнул Андрей, слегка пожав плечами, — еще раз здравствуй, Родина».

Заканчивая поглощать нехитрый завтрак, Андрей посмотрел на часы и с удовлетворением отметил, что убил еще полчаса лишнего времени. Тетка за барной стойкой бросала на него убийственные взгляды, будто ей не терпелось избавиться от единственного утреннего посетителя. Казалось, она даже вздохнула с облегчением, когда он, наконец, встал из-за столика и направился к выходу.

Андрей задумался, что же делать дальше? Гулять по Москве нет ни малейшего желания. Да и погода к этому не располагает. Он решил поехать туда, куда направлялся уже почти двое суток. Не видел смысла тянуть время, если в конечном итоге все равно окажется там. Тем более что путь предстоял неблизкий: перебраться на Казанский вокзал, станция метро «Комсомольская», сесть на пригородный поезд и полтора часа ехать к конечному пункту путешествия.

Уже сидя в электричке, и, глядя на проплывающий за окном по осеннему унылый пейзаж, Андрей задумался, что же больше всего отравляет ему настроение? То, что саму поездку в Россию он считал авантюрой? То, что ему, возможно, предстоит встретить людей, которых в течение долгих лет пытался забыть? Или то, что предстоит увидеть место, где прошло детство, с которым связано столько воспоминаний? Чем больше он думал, тем сильнее склонялся к мысли, что не каждая причина по отдельности, а их совокупность вносит дискомфорт в спокойную, уравновешенную жизнь, полную достатка и удобства.

Станция, так хорошо знакомая Андрею, где он мальчишкой облазил каждый закуток, практически пустовала. Тучная женщина с большими клетчатými сумками, которые так любят «челночники», едва не смяла его, втискиваясь именно в ту дверь, из которой он пытался выйти. «Еще один закон подлости» — усмехнулся Андрей, едва выскочив на платформу в уже закрывающиеся двери электрички.

Дождь перестал, небо заметно посветлело. Запахло чем-то до боли знакомым. Наверное, детством, у которого есть свой неповторимый аромат. Это как вернуться в родной дом после многих лет отсутствия и вдохнуть его запах, такой знакомый, присущий только ему.

Через сто метров по узенькой тропинке, ведущей через лесопосадку, взору Андрея открылось двухэтажное здание, построенное буквой «Г», с небольшим,

гектаров двадцать, участком вокруг. «Ничего не изменилось, — пронеслась мысль, — немного более обшарпанный, чем раньше, но все тот же. А вот сад раньше казался гораздо больше. Наверное, потому что сами мы были меньше».

Слева от того места, где стоял Андрей, виднелось небольшое кладбище, с ветхой покосившейся часовенкой. Туда он и направился, вспоминая, как в детстве они бегали подсматривать за бабой Марфой, часами простаивающей на коленях перед иконой, замаливая непонятно какие грехи. Она монотонно бормотала молитвы, периодически припадая лбом к полу. Уходя, оставляла одиноко горящую свечу. На следующий день все повторялось с маниакальной точностью в ритуале и времени его проведения.

Подойдя ближе, Андрей заметил, что не один здесь. На сиротливо стоящей возле часовни деревянной лавочке, закинув ногу на ногу, сидел причудливо одетый парень. Обтягивающие светло-голубые джинсы и рыжие сапоги с острыми носами, делали его похожим на ковбоя, что плохо сочеталось с черной кожаной курткой, в молниях и заклепках, как у заправского рокера. Довершал картину стриженный коротким ежиком затылок и некрасивые круглые очки на переносице, больше похожие на пенсне с дужками. Парень увлеченно читал книгу, не замечая ничего вокруг. Манера плевать на указательный палец, прежде чем перевернуть страницу, показалась Андрею до боли знакомой.

— Иван? — негромко позвал он.

Парень оторвал взгляд от книги и уставился поверх очков на Андрея детскими небесно-голубыми глазами. Секундное замешательство сменилось робкой надеждой, а потом радостным узнаванием. Парень аккуратно загнул уголок страницы в книге, положил ее на лавку и встал, демонстрируя нелепость своего наряда.

— Андрей? — произнес он глубоким баритоном. — Честно говоря, до конца и не верил, что ты приедешь. — Подошел ближе и, не выдержав, бросился обнимать Андрея, который в первый миг опешил. Он не сразу сообразил, что нужно делать с руками, как плети висящими вдоль тела, в то время как его тискали в крепких объятьях.

— Я думал, что единственный, как дурак, приехал так рано, — сказал Андрей, когда смог высвободиться, — а тут ты...

— Да я тут с самого утра, — усмехнулся Иван. — Дома не сиделось, вот и приехал на первой электричке. Дай-ка посмотреть на тебя как следует... — Он с любопытством и без ложной скромности начал осматривать Андрея со всех сторон. — Ну, ты... ты стал таким... Как бы это сказать? Классным! — в его глазах плескался откровенный восторг. — Ты просто красавец!

— Скажешь тоже?! — засмеялся Андрей. Кем-кем, а красавцем он никогда себя не считал. — А ты все такой же... немного странный. Поди, сейчас ты настоящий предсказатель?

— Что ты, — смутился Иван, вмиг посерьезнев. — Теперь я это скрываю. Люди, понимаешь... они очень странные. Когда узнают, кто я, начинают шараться, как от огня. А я что?.. Ведь я никогда не говорю ничего плохого, даже если вижу это. Ну... короче, скрываю свой дар, или проклятие... — Он усмехнулся. — Да ерунда все это. Про меня неинтересно. Как ты живешь?

— Нормально живу. Работа, дом... Как все люди живу.

— Понятно... — протянул Иван. — Жена, дети?

— Да, нет. Как-то не получилось. Семья — это очень серьезно, а на серьезное у меня нет времени.

— Но сюда-то приехал, — усмехнулся Иван. — Или ты считаешь наше предприятие несерьезным?

— Честно говоря, сомнений было великое множество, — ответил Андрей, глядя в удивительные глаза Ивана — детские и одновременно мудрые. — Решение ехать пришло в последний момент.

— Я знал, что ты приедешь, но все-таки... А вон и Алина идет. — Иван смотрел в сторону детдома, откуда к ним направлялась высокая женская фигура.

— Это Алинка? Та самая девчонка-отличница, которая нас вечно воспитывала? — удивился Андрей, разглядывая приближающуюся к ним симпатичную женщину в стильном бежевом пальто, в лакированных черных сапожках и с маленькой сумочкой в руках. Только вот гладко зачесанные волосы, собранные в пучок на затылке, делали ее чересчур строгой. Дополняли картину очки в дорогой оправе, которые удивительно шли к овалу лица. Сквозь затемненные стекла на Андрея смотрели серьезные карие глаза.

— Привет, Вань, — сказала девушка, мазнув быстрым взглядом по Ивану, и тут же возвращаясь к Андрею.

— Я тоже рад тебя видеть, — немного обиженно произнес Иван.

— Ты приехал? — строго обратилась она к Андрею. — Снизошел? Что так? Мы бы и без тебя справились.

— Алин, перестань... — встрял было Иван.

— Не лезь! — оборвала его девушка. — В другом месте будешь выступать в роли адвоката. Так зачем же ты приехал? — она, не мигая, смотрела прямо в глаза Андрею. — Ты пропал ровно пятнадцать лет. С тех пор, как ты ушел, обиженный на весь белый свет, мы ничего о тебе не слышали. А сейчас что приехал?

Андрей опешил в первый момент. Не думал он, что столкнется с такой явной враждебностью. А чего он, собственно, ждал? Что он мог ответить сейчас Алине, чем оправдать свое поведение? Ничем. Если он даже мимолетные воспоминания гнал от себя.

— Молчишь? — девушка пристально наблюдала за реакцией Андрея. — Значит, осознаешь, — в голосе немного прибавилось тепла. — Ладно, добро пожаловать домой. Я, несмотря ни на что, рада тебя видеть, — она нерешительно подошла ближе. И, лишь когда Андрей развел руки в стороны, робко улыбась, крепко обняла его, прижав ровно на мгновение.

— Смотрите! — весело воскликнул Иван. — Какой дурак погнал сюда машину?

В их сторону, подсакивая на лесных кочках, рискуя перевернуться или врезаться в дерево, грозно рыча, ехало такси. Все молча стояли, с любопытством наблюдая, чем же закончится это необычное ралли. Машина подъехала прямо к часовне, резко замолчав. Создавалось впечатление, что она уже никогда не сможет зазвучать снова. Распахнулась передняя дверца, и выскочил пижонски одетый парень: в кожаном блестящем пальто почти до пят, лакированных ботинках, с длинным шарфом на шее, завязанным на французский манер поверх воротника. Тряхнув длинными волосами и улыбнувшись полными губами во всю ширь, обнажая при этом белые зубы со щербинками между ними, он весело произнес:

— Ребята, добавьте две тысячи. Не хватает.

Андрей, не задумываясь, протянул деньги, все еще находясь под впечатлением картинного появления. Парень отдал их водителю, громко хлопнул дверцей, отчего старая семерка едва не развалилась. Последнее, что заметили молодые люди, это как водитель выругался в адрес пассажира, и машина начала с трудом выкруливаться, направляясь в обратный путь.

— Ты что, с самого Питера едешь на такси? — весело, вместо приветствия спросил у парня Иван.

— О чем ты думал, вообще? — набросилась Алина. — По-твоему, мы кто, миллионеры? А если бы денег ни у кого не было? Что бы ты тогда делал?

— Вау-вау, успокойтесь! Я еду из Москвы. А на такси потому, что опаздывал на встречу и не хотел, чтобы вы ушли без меня. Откуда же я знал, что он заломит цену? Раскричались тут в два голоса!

— Здравствуй, Виктор, — весело сказал Андрей, протягивая парню руку. — Ты совсем не изменился. Все такой же любитель эффектных появлений.

— Привет, Андрюха! — Виктор пожал протянутую руку с таким видом, будто они только вчера расстались. На мгновение Андрею показалось, что он все еще ребенок, что не было всех этих лет, и он никуда не уезжал. Перед ним стоял все тот же вечно выпендривающийся Виктор, просто немного подросший и возмужавший.

Оглянувшись, он посмотрел на Ивана с Алиной и узнал в них мальчика с девочкой, с которыми вместе лазал по деревьям и играл в прятки. Время повернуло вспять, лихорадочно откручивая пятнадцать лет назад, давая ему мысленную возможность уйти по-другому, простившись со всеми и пообещав никогда не забывать о них, встречаться периодически, как они и делали все эти годы, только без него. Но это была иллюзия, лишь его внезапно возникшее желание. А действительность не изменилась. Ему еще только предстояло получить прощение.

Глава 3

Враг становится другом

— Ну что, пошли! Все в сборе, пора действовать. — Виктор направился в сторону кладбища.

— Куда ты? — услышался удивленный голос Ивана.

— Как куда? Туда, — указал Виктор на кладбище, резко затормозив. — Разве мы не для этого здесь?

— Для чего, для этого? — спросил Иван.

— Ты что, резко отупел? — рассердился Виктор. — Мы же собрались для поисков, я правильно понимаю?

— Да, но идти туда нет смысла, — довольно спокойно пояснил Иван. — Все попытки, что мы предпринимали до этого, оказались безрезультатны. Мы даже не нашли вход в старую часть кладбища.

— Послушай, — подала голос Алина, — ты же зачем-то собрал нас здесь. Правда? Зачем? Какие у тебя были мысли?

— Никаких, — растерялся Иван. — Я просто знал, что нам нужно встретиться здесь ровно через пятнадцать лет, всем вместе. Больше ничего.

— Ничего? — изумилась Алина. — И это все, что ты можешь сказать?!

— Совершенно верно.

— Стоп, стоп, стоп... Я зачем вообще сюда приехал? — возмутился Виктор. — Я бросил все дела в Питере, потратил кучу денег на дорогу. И все это зря? Ты раньше мог сказать, что плана никакого и нет?

— Какие ты такие дела бросил? — в тон ему ответил Иван. — Сидеть перед телевизором, пить пиво и ковырять в носу? Нет у тебя никаких дел!

— Так, стоп, — остановила их Алина. — Не хватает нам тут еще поссориться. Не горячись, Витя. Ты, ведь, не работаешь? Скажи честно, есть ли у тебя срочные дела, которые требуют твоего присутствия?

— Мало ли... — упрямо ответил тот, — дела всегда есть. Но при наличии крайней необходимости их можно на время отложить.

— Значит, считай, что такая необходимость назрела, — продолжала рассуждать Алина. — Как у тебя со временем? — обратилась она к Андрею.

— У меня отпуск — целый месяц, — ответил он.

— А ты? — посмотрела она на Ивана.

— Я совершенно свободен, — улыбнулся тот. — На моем творческом пути опять период поиска. И, как показывает практика, длится он не один день.

— Я тоже в отпуске, за свой счет, — подытожила Алина. — Получается, мы все свободны в ближайшую неделю. Осталось решить, что нам делать дальше? — она замолчала, глядя на парней по очереди.

Андрей задумался. Собственно, чего-то в этом роде он и ожидал. Поэтому и не удивился особенно. Даже не позаботился остановиться в какой-нибудь гостинице. В голове созрело решение.

— Предлагаю подумать о ночлеге. Всем вместе, — сказал он. — Может быть, какой-нибудь санаторий неподалеку? Или еще что? Как вам такой вариант?

— Ага! — возмущенно возразил Виктор. — За проживание нужно платить. А я все деньги спустил на дорогу.

— Как же ты собирался ехать обратно? — съехидничал Иван.

— На счет денег не волнуйтесь, — прервал их Андрей, — я плачу за всех. Во-первых, у меня есть такая возможность, — прервал, начавшую возмущаться Алину, — а во-вторых, я старше вас всех, забыли? — он с улыбкой оглядел троих друзей, опять вспоминая их маленькими. — Раз принято единогласно, предлагаю выбрать место.

— Может, «Русский бор»? — неуверенно предложила Алина. — Тут рядом и недорого, насколько я знаю.

— Нет, нет, постойте... — Иван внезапно прижал руку ко лбу, напрягая мысли, — не то... не то... Нам нужен санаторий «Чародейка», точно! — он не очень уверенно посмотрел на друзей. — И все равно чего-то не хватает. Только, не пойму чего?..

— Извилин у тебя не хватает, вот чего. И где эта «Чародейка»? — сварливо спросил Виктор. — Сроду о такой не слышал.

— Да это новый санаторий, тоже недалеко отсюда, — ответила Алина, — только... я слышала, что он со всякими там новомодными наворотами, аквапарком и все такое... Говорят, там очень дорого.

— Об этом не думайте, — прервал ее Андрей. — Цена не имеет значения.

— Аквапарк — это супер! Наверное, с подогревом, — мечтательно произнес Виктор.

— Ты что на курорт приехал? — возмутилась Алина. — У тебя только развлечения на уме!

— У нас есть, кому думать, — парировал Виктор. — Только вот мыслей маловато, да? — он многозначительно посмотрел на Ивана.

— Ну что, я виноват, что ли, что они приходят внезапно? — взмолился Иван, глядя на всех трогательными детскими глазами. От такого взгляда даже каменное сердце не выдержит и смягчится. — Я только знаю, что нужно делать так, и все. Я вас когда-нибудь обманывал?

— Верим, верим, — успокоил его Андрей, похлопав по плечу. — Пошли. Пешком далеко?

— Рядом. Только, мои вещи в детдоме. Я приехала вчера, и Зинаида Сидорова разрешила мне переночевать у нее, — Андрей вздрогнул при упоминании этого имени. Алина виновато на него посмотрела. — Послушай, я знаю, что ты очень на нее обижен, — медленно проговорила она, — но, может, пора примириться с прошлым? Она ведь не со зла так поступила, а потому что не видела другого выхода на тот момент. Тем более что ее начальство требовало виновного в происшествии. Вот и выбрала тебя. Кроме того, Зинаида Сидорова была очень привязана к Мише. Слышал бы ты, как она о нем вспоминает, с каким теплом в голосе. Поверь мне, она не злодейка.

— Она выкинула меня, как ненужный хлам, — первый раз Андрей заговорил с кем-то о тех событиях. Давалось это с трудом.

— Послушай... — Алина сглотнула комок, — ведь, и нам тоже пришлось нелегко. Немного позже от Зинаиды Сидоровны потребовали, чтобы нас всех расселили по разным детдомам, изолировали друг от друга. Так что после твоего ухода мы оставались там недолго. Меня отправили в Москву, Виктора — в Питер, а Ивана — в другой подмосковный приют. Думаешь, легко было? Пора зарыть в землю топор войны. Просто посмотри ей в глаза и ты сам все поймешь.

Ничего этого Андрей не знал, да и не интересовался, что там происходило

после его изгнания. Сейчас он впервые задумался, а каково пришлось им?

— Я не знал... — с примесью стыда в голосе пробормотал Андрей.

— Не знал, или не хотел знать? — Алина без злости смотрела на него. Во взгляде читалось понимание и желание все исправить.

— Ты кем работаешь? — спросил у девушки Андрей.

— Учителем, однако, — рассмеялась она, — русский язык и литература.

— Теперь понятно, почему у тебя так ловко получается уговаривать. А почему не бухгалтером? Из детдома ведь ведут две дороги: в училище или в бухгалтерию.

— А я с ними боролась, — ответила Алина, — когда они подготовили мне документы для поступления в училище после восьмого класса, я пригрозила, что буду писать в вышестоящие инстанции. И победила. Они разрешили мне закончить десять классов и поступать в пединститут.

— Ты всегда была настойчивой. Ладно, пошли. Наверное, пора забыть детские обиды.

Андрей засомневался, а правильно ли он вел себя все эти годы? И при чем тут его друзья? Они-то в чем виноваты? Он почувствовал, как в душу заползают угрызения совести, что так долго считал директора детдома настоящей злодейкой. Как ни странно, немного полегчало. Он уже не считал ошибкой свой приезд в Россию.

Когда друзья подходили к детдому, Андрей разглядел вдалеке небольшой белый домик. Баня! Образы, навеянные воспоминаниями, отвлекли его от действительности.

Пятница — банный день. В четыре часа моются девочки, а в пять — время мальчиков. До бани идти метров двести. В любую погоду, зима ли, лето, нужно идти. Тесный предбанник, где оставляешь вещи, потом небольшая комнатка с кранами в стенах и длинным рядом деревянных скользких лавок. Набираешь воду в тазик, ставишь на лавку и начинаешь мыться. Куча одинаково голых мальчишек, разного возраста, сосредоточенно намыливают себя мочалками, трут друг дружке спины, окатывают водой из тазиков...

Андрей даже сейчас помнил то ощущение, когда проводишь пальцем по чистой коже и слышишь характерный скрип. И запах простого дешевого мыла — запах чистоты.

И вот они чистые и распаренные мчатся обратно. Даже зимой умудрялись бегать с непокрытой мокрой головой. Натянешь пальто на голое тело, на босые ноги обуешь теплые бурки. На голову, в лучшем случае, накинешь полотенце. И бежишь, только ветер в ушах свистит, да под мышкой чувствуешь вещи, которые крепко прижимаешь к себе, чтобы не растерять. Мишка с покрытыми инеем черными кудрями и распекающая его Алинка, за то что бегают по морозу без шапки. А он только смеется, трясая головой, и мелкие кристаллики разлетаются в разные стороны...

Андрей посмотрел на Алину, которая молча шла рядом. А ведь ей тоже пришлось тяжело. Уже тогда он замечал, что любит она Мишку, по-детски самолюбвенно, но любит. Сколько слез пролила после его исчезновения? Никто не знает. Скрытная очень. Наверное, только подушка стала свидетелем ее горя. Почему именно сейчас подобная мысль пришла в голову? Как он раньше мог думать, что другие не испытывают ничего подобного? Какой слепой мальчишеский эгоизм!

— Послушай, — обратился Андрей к Алине, — а баба Марфа жива?

— Что ты?! Умерла через два года после той истории. Прямо в часовенке ее и нашли. Лежала в обнимку с иконкой. Знаешь, говорят, с улыбкой на губах умерла. Видать, счастлива была в момент смерти.

— А ты, значит, часто сюда приезжала?

— Сначала очень часто. Первые два года — каждую пятницу. Ездила на одном и том же автобусе. Водитель уже знал меня и денег не брал за проезд. Зинаида Сидоровна разрешала оставаться ночевать здесь. Мы тогда с ней много разговаривали, обо всем. Не знала я ее раньше, какая она была. У нее ведь нет семьи. Ее семья — это детдом. Им и живет. А строгая такая потому, что людей хочет вырастить из своих воспитанников. Конечно, иногда мне кажется, что чересчур строга, но это ее методика. Значит, по-другому не умеет.

— А у тебя есть семья? — аккуратно поинтересовался Андрей.

— Нет, — легко ответила Алина, — была замужем, но недолго. Через год после свадьбы поняла, что совершила ошибку, что разные мы слишком. Да даже и не в этом дело. А сердце мое, понимаешь, не захотело оно впустить его, держало на расстоянии. — Она посмотрела на Андрея, словно извиняясь. — Чужим он был, и семья его тоже. Чего ради было мучить друг друга? Вот и развелись, прожив год вместе. Хорошо, хоть, детей завести не успели, — с грустной улыбкой закончила она. — А ты?

— Я тоже один, — честно ответил Андрей. — Были женщины, конечно, и не одна. Но это все было... как-то просто так, несерьезно. Не встретил я ту, чтобы прожить с ней всю жизнь.

Он замолчал, задумался. Перед мысленным взором всплыл образ рыжеволосой и голубоглазой девчушки. Как прочно он засел в сердце, заставляя его кровоточить. Так долго... Только вот, она осталась семилетней девочкой, в то время как Андрей вырос. Иногда, он пытался представить, какой бы она была сейчас? Но выходило все время как-то по-дурацки. У тела взрослой женщины всегда почему-то голова ребенка со смеющимися или испуганными глазами. Порой, ему снились рыжеволосые женщины, но он знал точно, что ни одна из них не может быть Таней. Его Таней...

— Чего вы там застряли? — услышали они недовольный голос Виктора. — О чем замечтались?

Андрей с Алиной даже не заметили, как сильно отстали от Ивана и Виктора. Те уже стояли возле двери и ждали их приближения, чтобы вместе войти внутрь.

Детдом их встретил запахом детства — готовящейся еды. Пахло так сильно из-за того, что кухня и столовая находились на первом этаже. Сейчас, как раз наступило время обеда. Андрей почувствовал, как желудок жалобно пискнул, вспоминая скудный завтрак в вокзальном кафе. Проходя мимо столовой, он заметил, что народу здесь стало гораздо больше. Человек пятьдесят детишек разного возраста сидели за столами, непрерывно стуча ложками по тарелкам, поглощая суп. А рядом уже стояли порции второго, ожидая своей очереди. И, конечно же, компот, как вечный атрибут любой столовой. Иногда его заменяли соком, но это был праздник.

Зинаида Сидоровна расплакалась, когда увидела их на пороге кабинета.

— Я вас еще из окна заметила и ужасно волновалась, пока ждала. Даже не могла от волнения выйти навстречу, — сказала женщина, рассматривая влаж-

ными глазами друзей. Андрей обратил внимание, что она почти не изменилась. Все такая же строгая и подтянутая, только седины в волосах прибавилось. — А ты, значит, приехал? — посмотрела на Андрея. — Я ведь помню, что крикнул тебе Иван. Честно говоря, думала, что никто из вас и не вспомнит. А вы... вы просто молодцы! — Она опять откровенно плакала, не стесняясь слез.

Андрей смотрел на стареющую женщину и чувствовал, как что-то оттаивает в душе. Медленно, неуверенно, но лед дает трещину. Осознание, что ни одному ему было плохо, все глубже запускает корни. Сможет ли он забыть обиды, простить ей все, на что так долго злился?

Зинаида Сидоровна засуетилась, приглашая их в комнату, смежную с кабинетом. Усадила за стол, чтобы накормить обедом. Она не желала слышать никаких возражений, и сама сбегала на кухню. Андрей с удовольствием хлебал кислые щи, точь-в-точь такие, как в детстве. А картофельное пюре с котлетой — самое вкусное из всего того, что он пробовал в последнее время.

— Какие же вы все взрослые, — проговорила Зинаида Сидоровна, когда первый голод был утолен.

— Вот именно! — подхватил Виктор, хитро поглядывая на посуду в серванте. — А вы нам компот предлагаете.

— А и правда! Что это я? — всплеснула руками Зинаида Сидоровна. Она резво подбежала к серванту и достала пять рюмок, а из бара начатую бутылку армянского коньяка. — Можно же немного выпить за встречу, — она налила всем по маленькой рюмочке. — Рада, что увидела вас всех еще раз. Вы все выросли. И в то же время в вас без труда можно узнать тех самых детей. Как вы себя называли? Кажется, обоймой? — она улыбнулась, заметив удивленные взгляды на себе. — Думаете, никто не знал об этом? Я-то знала, и не только я. А почему обойма?

— Потому что, в обойме семь патронов. Есть пистолет такой — кольт. Каждый из нас был одним из семи, — тихо ответил за всех Иван.

— Понятно. А сейчас, значит, осталось только четыре? — после секундного молчания она продолжила: — Прошло уже столько времени... Я понимаю, как вам тяжело вспоминать те дни. Но все-таки, хотела бы спросить. Что заставило вас тогда искать старое кладбище? Откуда вы про него узнали?

— Так вы не знаете? — удивилась Алина. — Мы узнали про него от бабы Марфы.

— Баба Марфа? — всплеснула руками Зинаида Сидоровна. — Как же так? А мне ничего и не говорила! Царство ей небесное! Почему скрыла-то?..

— Она нам рассказала историю об исчезновении людей на кладбище, — продолжила Алина. — Из рассказа-то мы все и узнали. Ну, а потом...

— Вот злодейка, прости меня господи! — нахмурилась Зинаида Сидоровна. — Разве ж можно такое детям рассказывать? А почему не призналась потом? Ведь не раз говорила с ней, спрашивала?..

— Может быть, боялась? — предположил Андрей.

— Боялась чего? — не поняла директриса. — Ведь, не она же заставила вас идти туда. И зачем она только рассказала вам ту историю? — в голосе Зинаиды Сидоровны было столько сожаления и горя.

— Сейчас, как и тогда, мне показалось, что сделала она это не просто так, — подал голос Иван, вид которого опять стал таинственным, как в те моменты, когда на него снисходило озарение.

— Ты опять что-то почувствовал? — спросил Виктор, скептически нахмурившись.

— Да, теперь я знаю, что следует делать дальше. Я понял, какой детали не хватало в паззле.

— Ты бредишь, Ваня? Какие еще детали, какого паззла? — нахмурился Виктор. — Хочешь сказать, что мы не остановимся в «Чародейке»? — заранее расстроился он.

— Остановимся, — успокоил его Иван, с улыбкой заметив, как разгладилось напрягшееся лицо друга, — только не сразу.

— В каком смысле? — уточнила Алина. — Говори уже, не тяни резину.

— Помните, я говорил, что чего-то не хватает, ну, когда мы только встретились и решили остановиться в «Чародейке»? Так вот, теперь я точно знаю, что делать дальше. Нам нужен еще один человек!

— Какой человек? — не понял Андрей.

— Это девушка, — ответил Иван, как бы прислушиваясь к себе, — девушка в красной шапке.

— В красной шапке? И это все? Ты знаешь, сколько вокруг бродят девушек в красных шапках? — сердито воскликнула Алина.

— Нам следует выбрать нужную девушку на станции метро Чертановская.

— Что?! Когда? — недовольство Алины росло.

— Сегодня, — спокойно ответил Иван, — нужно ехать прямо сейчас. И ни минутой позже. Иначе, мы рискуем ее упустить.

— Да что ты несешь? Как ты себе это представляешь? Мы похищаем девушку в красной шапке, связываем и тащим сюда? — Алина закипала все сильнее.

— Не знаю. Нужно что-то придумать, чтобы заставить ее ехать с нами. Я больше ничего не могу сказать. Это все, что я знаю. Одно заявляю с уверенностью: без нее мы ничего не сможем сделать.

— Тогда, поехали, — поспешно встал Андрей, чувствуя приближение скандала. — Зинаида Сидоровна, можно мы оставим у вас пока вещи? Вечером заберем.

Уже на улице Андрей спросил у Ивана:

— Как мы узнаем девушку?

— Пока не знаю точно, — пожал тот плечами, чем ввел троих друзей в крайнее изумление. — Да вы и сами скоро все узнаете.

— Ну ты даешь! — усмехнулся Андрей. — Мы должны встретить неизвестно кого, неизвестно как. Каким-то образом мы должны уговорить ее ехать с нами, толком не зная зачем. Если бы на ее месте был я, то принял бы нас за банду сумасшедших, сбежавших из психушки. И уж точно я бы никуда с нами не поехал.

— Слава богу, ты не тот, кого нам предстоит разыскать на станции метро, — философски изрек Иван, забегая в вагон электрички, на которую они чудом успели, подойдя к станции.

Глава 4

Пана

Приближался час-пик в московском метро. Потоки людей, прибывающих с улицы и выходящих из поезда, становились все гуще. Прошел уже целый час, как четверо друзей выискивали подходящую девушку среди суетящейся толпы.

Поначалу Алина принимала в процессе деятельное участие, сводящееся, правда, к указыванию на возможную кандидатуру. Теперь она просто безучастно стояла возле стены, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя невероятную усталость.

Виктор тоже перестал проявлять признаки активности, после того как получил сумкой по голове от очередной девушки, к которой подлетел, невзирая на предупреждения Ивана. Положение усугублялось еще и тем, что росту в нем было не больше, чем в Алине. Они оба уже ничего не могли разглядеть в густом потоке людей. Оставалось надеяться только на Андрея и Ивана, которые возвышались над толпой на целую голову.

Время шло, а нужная девушка все не находилась.

— Мне кажется, я сейчас просто упаду, — с мучением в голосе произнесла Алина. — Ноги ломит нещадно и сильно болит спина. Я хоть по роду своей деятельности и провожу много времени на ногах, но сегодня, по-моему, переборщила. — Она виновато улыбнулась друзьям, как бы извиняясь за собственную слабость.

— Я тоже больше не могу, — заныл Виктор, как будто только и ждал команды. — Пойдем, присядем. Там есть скамейки, — он указал в сторону платформы. Там вдоль столбов действительно стояли лавочки. — Эти верзилы и без нас справятся, — раздраженно зыркнул на Ивана и Андрея.

Алина, не сопротивляясь, дала себя увести. Андрей с Иваном только молча переглянулись. Они, конечно, тоже устали, но дело нужно довести до конца, и кроме них больше некому это сделать.

— А ты уверен, что она появится? — обратился к другу Андрей, пытаюсь замаскировать недоверие в голосе.

— Ну конечно! Мои предчувствия еще никогда не обманывали, — уверил его Иван. — Жаль только, что они достаточно расплывчатые. Нет четкости, понимаешь. Даже когда я пытаюсь сильнее сконцентрироваться, четче не становится. Как будто я получаю самую минимальную порцию из того, что кто-то или что-то могут предоставить в мое распоряжение.

— А ты пытался развивать этот дар?

— Я всегда это делаю, — кивнул Иван. — И у меня наметился явный прогресс. Теперь получается вызывать видения, когда захочу. Только вот, желание такое меня редко посещает.

— Что так? — удивился Андрей, различив нотки грусти в голосе друга.

— Да, понимаешь, с этим даром связаны все мои проблемы. Сколько мест работы уже поменял, не представляешь. Стоит только людям узнать, какой я, а выдаю я себя сам, как правило, они начинают сторониться. Даже не знаю, что их пугает больше — возможность узнать свое будущее или то, что с ними рядом находится человек, который может это сделать.

— А ты не пробовал скрывать свой дар?

— Я только этим и занимаюсь все время, — устало вздохнул Иван. — Не всегда получается. Есть моменты, в которые меня будто что-то заставляет сказать человеку, что я видел. Это происходит против воли. Дальше ты можешь себе представить. Чаще меня принимают за форменного придурка, реже пытаются дать в морду. А финал, как правило, одинаков всегда — я ищу новую работу, — он иронично усмехнулся. — Вот так я превратился в творческого человека, который находится в вечном поиске.

— Понятно, — протянул Андрей.

Что тут скажешь? Они и сами долгое время относились к Ивану, как к придурку. И желание набить морду не раз возникало. Особенно когда к нему приезжала какая-то женщина, вроде дальняя родственница, и привозила зефир, которым он угощал весь детдом, а еще пачку панировочных сухарей и детскую молочную смесь «Малютка». Этим он не делился. Это возилось по его личному заказу. Надо было видеть лицо Ивана в тот момент, когда он готовился к главной процедуре в своей жизни. Достав чистый лист бумаги, насыпал туда две одинаковые кучки: одну — смеси, другую — сухарей. Дальше события развивались еще необычнее. Держа листик в руках так аккуратно, как только мог, лез под кровать. Как вы думаете, зачем? А затем, чтобы в пыли и темноте замкнутого пространства слизывать языком две кучки поочередно, сначала одну, потом другую. И так до тех пор, пока на листе ничего не останется. Когда взъерошенный, весь в пыли, но невероятно счастливый Иван вылезал обратно, остальные спрашивали его, зачем он так делает? Ответом служило молчание, что сильно выводило из себя. Бывало, что и получал Иван за свое упорство.

Сейчас-то Андрей понимал, что был не прав. Но тогда считал, что делает все правильно. Лозунг детдома: отличаешься от всех — быть тебе битым. Старайся выглядеть, как все.

Только когда они повзрослели, Иван смог ответить на этот вопрос. Даже скорее поразмышлять вслух. Оказывается, он и сам не знает точно, зачем залезал под кровать. Просто это напоминало ему дом, которого никогда не было, запах мамы, которую он не знал.

— Вот она... — тихий голос Ивана вывел Андрея из задумчивости. — Вон, смотри, — он указал рукой на девушку, которая двигалась прямо на них. С пепельного цвета волосами, выглядывавшими из-под красного берета. Огромные серые глаза, под цвет волос, немного испуганно взирали на окружающий мир. Темно-серое приталенное пальто едва доходило до середины колена, открывая взору стройные ноги в красных ботиночках в тон берету.

— Что будем делать? — запаниковал Андрей.

— Не знаю, — ответил Иван, выступая вперед и преграждая дорогу девушке, глаза которой стали еще больше от испуга. — Здравствуйте, — поприветствовал он незнакомку как можно более ласково.

— Здравствуйте, — пискнула девушка, обеими руками вцепившись в сумочку, которую держала перед собой.

— Понимаете, тут такое дело... — неуверенно продолжил Иван, — не могли бы мы с вами поговорить?

— О чем? — испуганно спросила девушка, озираясь по сторонам в поисках защиты. Ее пухлые губки начали кривиться и подрагивать, как будто она со-

биралась заплакать.

— Вы только не пугайтесь, бога ради, — поспешил успокоить Андрей, видя состояние девушки. — Мы не преступники, мы просто люди, которые попали в трудное положение, — ясности это не внесло никакой. Девушка еще больше запаниковала. На помощь вовремя подросла Алина. Они с Виктором увидели, как Андрей и Иван заговорили с девушкой, и поспешили к ним.

— Меня зовут Алина, — бодро представилась она, — а вас?

— Пана, то есть Прасковья... то есть... ой... — она совсем растерялась. Алина улыбкой пыталась подбодрить, но ситуация Пану явно пугала. Она покраснела, чем вызвала улыбку на лице Ивана. Алина сурово посмотрела на него, как он беззастенчиво рассматривает новую знакомую, а потом и сама увлеклась сменой эмоций на симпатичном лице. Оно, казалось, жило само по себе, выдавало малейший перепад в настроении.

— Давайте отойдем в сторонку и просто поговорим. Хорошо? — предложила Алина.

— Хорошо, — не совсем уверенно, но уже более спокойно ответила девушка.

— Пана, можно я так буду вас называть? — получив согласие хозяйки имени в виде молчаливого кивка, Алина продолжила: — Нам нужна ваша помощь. Очень нужна. Но еще важнее, чтобы вы поняли это сами. А для этого вы должны выслушать нашу историю.

История Обоймы, рассказанная Алиной

Нас было семеро. Все разного возраста, характера, но одно у нас было общее — мы дружили. Дружили так, как говорится «не разлей вода». Друг за друга стояли горой. Таких больших компаний в детдоме, где мы росли, больше не было. Другие называли нас бандой, но мы были обоймой, где семь патронов сидят плотно друг к другу, и только так она считается полной.

Однажды так случилось, что четверо из нас отравились несвежим супом. Сами, конечно, виноваты — решили полакомиться остатками еды вечером. Но сути это не меняет. Тем четверым, а именно Андрею, вот этому, который стоит рядом с тобой в рыжей куртке, Ивану, вот этому хиппи, и еще двоим, которых сейчас нет с нами, было очень плохо. Их определили в лазарет. Троице из нас удалось избежать неприятности, не потому, что были умнее, а просто потому, что не любили суп.

Мы собирались в лазарете. На время он стал нашим местом, где мы проводили почти все свободное время. Незабываемые были деньки. Даже домашнее задание, которое получали в школе, мы выполняли там. И играли, и шалили, и никакие запреты не могли помешать нам этого делать. Директриса пыталась приструнить нас, запрещала все время проводить с больными. Действовала угрозами, уговорами, приводя различные доводы... Все было бесполезно, не могли мы друг без друга. Одним словом — обойма.

Самыми интересными были вечера. Детдомовская кастелянша рассказывала всякие истории из своей жизни. Это было так здорово: сидеть в полутемной палате, забравшись с ногами на кровать, и слушать дребезжащий старческий голос под аккомпанемент завывающего ветра в ночной таинственности.

Все истории, рассказанные старушкой, были веселыми и реалистичными, кроме одной... — страшной по сути своей, последствия которой преследуют нас по сей день. Она началась с любви, а закончилась колдовством, ковар-

ством и разлукой. Не в то время и не в том месте оказались парень с девушкой. Пришли сговориться о свадьбе, а попали на похороны злой ведьмы. Прокляла тогда девушку ведьмина дочь, а парень только потому избежал той же участи, что захотела внучка ведьмы, которая уже вошла в пору замужества, его для себя в мужья, значит. Не хочу пересказывать всю историю. Скажу только, что заинтриговало нас в ней таинственное исчезновение молодой девушки. Никто не знает, как это произошло. Догадок было великое множество, искали ее долго, но все тщетно.

Можете представить себе заинтригованных детей? Мы едва могли дождаться, когда выпишут наших больных из лазарета, чтобы отправиться на кладбище и найти ту самую могилу, возле которой пропала девушка. Лучше бы мы туда вовсе не ходили...

Очень примерно мы знали, где находится старая часть кладбища. Уже несколько столетий туда никто не ходил, она заросла лесом.

Собственно, я почти все и рассказала. Никто толком ничего и не понял, что там произошло. В какой-то момент, пока мы все были заняты поисками прохода в заброшенную часть кладбища, трое из нас таинственным образом исчезли, испарились. Каждый помнит, что видел их, а уже в следующий момент их просто не стало. Я до сих пор не могу поверить, что произошло это на самом деле. Это были семилетняя Танюшка, цыганенок Мишка десяти лет и Кирилл, которому тогда было четырнадцать. Одно могу добавить, но сразу предупреждаю, что это лично мое мнение, некоторые с ним могут не согласиться: думаю тот факт, что пропали именно они, является случайным. На их месте мог оказаться любой из нас. Просто они были рядом друг с дружкой, когда вдруг исчезли.

В заключение хочу сказать, что нас долго допрашивали, когда об исчезновении стало известно всем. Но что мы могли рассказать? Ничего. Случилось это ровно пятнадцать лет назад. Практически сразу после этого нас расселили по разным приютам. Короче, жизнь наша круто изменилась.

В тот день, когда из детдома уезжал Андрей, Иван, в самый последний момент, назначил встречу всем нам ровно через пятнадцать лет. Этот день наступил. Сегодня мы собрались возле кладбищенской часовни, чтобы попытаться еще раз разыскать наших друзей. Почему именно Иван, спросите вы? У него есть дар предвидения, и это не шутка. О самом даре мы вам расскажем позже. В тот момент его осенило, когда и что должно произойти. Собственно говоря, как и сегодня... Ивана тоже осенило, что без вас мы не справимся.

Алина замолчала, вглядываясь в серьезное лицо Паны.

— А как звали ту кастеляншу? — через какое-то время спросила та.

— Звали ее баба Марфа, — ответил Иван, не совсем понимая, что может значить для Паны имя незнакомой старушки.

— Тогда, вам, наверное, на самом деле, нужна именно я, — кивнув своим мыслям, произнесла она.

Четверо друзей уставились на нее во все глаза, не совсем понимая, к чему она клонит. Пана побледнела от такого пристального внимания и от серьезности момента в целом.

— Дело в том, что я прихожусь правнучкой той самой бабе Марфе, — прерывающимся от волнения голосом пояснила она. — Когда вы только начали

свой рассказ, я уже догадалась, что это она. Очень давно, когда я была еще совсем малышкой, баба Марфа строго настрого запретила мне даже приближаться к тому городу, где жила и работала сама. Она ничего не объясняла, просто запретила и все. Потом, со временем, мысль, что нельзя, стала для меня настолько привычной, что я уже и не думала об этом. Нельзя и нельзя. А после смерти бабы Марфы, я и вовсе забыла, что есть такой город, куда мне нельзя приезжать. Забыла... до сегодняшнего дня...

— Удивительное дело! — Иван обращался ни к кому и ко всем сразу. Он смотрел в пространство своими голубыми глазами, будто видел там что-то. — Она нам рассказала историю, а тебе запретила даже появляться там... Все пятнадцать лет меня мучает один вопрос: зачем она тогда завела речь именно об этом? И разгадка, скорее всего, таится в тебе, — он перевел взгляд на Пану.

— Но я... я ничего не знала об этом, — пролепетала она, борясь со слезами обиды и страха. — Я даже не была там никогда... Баба Марфа навещала меня всего пару раз, еще в раннем детстве. Я ее боялась очень, считала страшной, как злая колдунья. А когда подросла, и она умерла, постепенно страх начал превращаться в жалость. Ведь кроме меня у нее никого не было родных в целом мире. Когда-то, давным-давно у нее была дочка, моя бабушка, но она умерла вскоре после рождения моей матери. Тогда баба Марфа забрала маму на воспитание к себе. А когда мама вышла замуж за папу, они сразу же переехали в Москву. С тех самых пор они вообще не общались, до тех пор... до тех пор... — из глаз Паны полились слезы. Алина укоризненно посмотрела на Ивана. Он с досадой закатил глаза, мол, я-то тут причем?

— Успокойся, — Алина обняла Пану за плечи. — Не говори больше ничего, если не хочешь. Ты неправильно поняла Ивана. Тебя никто ни в чем не обвиняет, просто в такие моменты, когда на Ивана снисходит озарение, выглядит он, мягко говоря, не совсем обычно. Со временем, когда лучше его узнаешь, ты привыкнешь. Вот возьми и успокойся, — она протянула девушке чистый носовой платок, который та поспешно прижала к глазам, пытаясь унять всхлипы.

— Не хочется прерывать эту мокрую идиллию, — с заметным раздражением в голосе произнес Виктор. — Но, может, мы все-таки двинемся уже дальше. Время приближается к десяти, и последняя электричка вот-вот уйдет. Иначе, всем придется до утра куковать в Москве, на вокзале.

— Не ерничай, Витек. Все успеем, — миролюбиво произнес Иван, приняв свой обычный по-детски добродушный вид. — Сейчас определимся...

— Пана, ты сможешь нам? — обратилась Алина к девушке.

— Честно говоря, не знаю, чем смогу быть вам полезна, но постараюсь сделать все зависящее от меня, — кивнула та.

— Тогда, давай так. Сейчас мы обменяемся телефонами. Ты где работаешь?

— В библиотеке.

— Сможешь взять отпуск?

— Отпуск я уже отгуляла, но, думаю, договорюсь за свой счет.

— Тогда, если можешь, уладь завтра это дело и приезжай к нам, в санаторий «Чародейка», — Алина написала на листочке блокнота адрес и номер своего мобильного телефона, вырвала его и протянула девушке.

— А дальше? Что мы будем делать дальше? — растеряно спросила Пана.

— Сами пока не знаем, — улыбнувшись, ответил ей Андрей. — Все зависит от нашего пророка, — он посмотрел на Ивана, — или еще от чего-нибудь. Ре-

шать будем там и сообща.

Глава 5

Отряд укомплектован

Андрею было отчаянно стыдно. Опять это всеобщее оголение! Сколько можно терпеть! Разгуливать в таком виде нет ни сил, ни желания. Он скрылся в тени деревьев присел на корточки, чтобы спрятать стыдобу. С этого места отлично видно всех остальных, голышом разгуливающих по площадке без всякого стеснения. Кроме того, в тени гораздо легче дышать — горячий летний воздух не проникал в легкие, мгновенно высушивая нутро.

Впрочем, одно место на теле было надежно прикрыто: на макушке красовалась круглая панاما в цветочек, точь-в-точь такая же, как и на головах всех остальных. Андрей зло сорвал ее и смял в руках. Мало того, что голый, так еще и в женской шляпе! «Я тут самый старший, а обращаются со мной, как с малышкой! — возмущенно думал он. — Мне уже семь лет, и в этом возрасте стыдно разгуливать голым. Подумаешь, жарко! Я могу и потерпеть. А что там плетет Зинаида Сидоровна, что нам необходим витамин Д — глупости! Какие еще витамины? Витамины — это когда вкусно, а не стыдно».

Андрей дождался, когда на площадке не осталось ни одного воспитателя, и прошмыгнул в свою комнату, чтобы натянуть первые попавшиеся под руку трусы. Вот так-то лучше! Все надежно прикрыто. Он крадучись начал пробираться обратно. Сидеть в комнате дальше становилось невозможно. От духоты, царящей там, тело моментально покрывалось потом. Когда коридор и лестница благополучно остались позади, возле самой входной двери он неожиданно столкнулся с входящей в помещение директрисой...

Андрей резко проснулся, как от толчка. Несмотря на прохладу в номере, он был весь мокрый, как будто наяву побывал в жарком лете. Эти сны про детдом! В последнее время они снились каждый день. С чем это связано? Ведь он на протяжении многих лет не видел их. Да еще какие яркие, отчетливые, больше похожие на реальность.

Он тихонько выбрался из постели, подошел к холодильнику и достал бутылку минеральной воды. Нужно промочить горло, чтобы окончательно прогнать удушливый сон.

— Чего не спится? — Андрей вздрогнул. Голос Ивана неестественно громко прозвучал в тишине комнаты.

— Да, сон приснился дурацкий. А ты чего не спишь?

— Не могу, мысли всякие мешают, — ответил Иван. — Я вот думаю, что мы будем делать, если Пана, или как ее там Прасковья, не приедет? Ну, возьмет, и испугается в последний момент.

— Не должна, — не очень уверенно ответил Андрей. — Хотя, в принципе, может. А ты на сто процентов уверен, что без нее у нас ничего не получится?

— На тысячу! Это даже не уверенность, а знание. Она нам нужна.

— Тогда будем искать способ уговорить ее. Хотя, думаю, приедет. Не такой она человек, чтобы пообещать и не выполнить.

Андрей с Иваном разделили двухместный полулюкс. Номер чистый и довольно просторный, с двумя санузлами, спальней и гостиной с балконом, с которого открывался великолепный вид на осенний лес. Виктор выбрал одно-

местный люкс со всеми нужными и ненужными удобствами. Заручившись разрешением Андрея, не стесняться и ни в чем себе не отказывать, он сразу же начал пользоваться этим. Обговорил с администратором комплекс оздоровительных процедур, которые будет получать в санатории. «Дабы с пользой для здоровья провести время», — комментировал он.

Алина поселилась в таком же номере, как и Андрей с Иваном, рассчитывая, что на следующий день к ней присоединится Пана.

— А тебе часто снится наш детдом? — спросил у друга Андрей, когда опять забрался в кровать.

— Нет, не очень. Мне обычно снится другое место, куда меня перевели после того случая, — в голосе Ивана проскользнули суровые нотки.

— Что, несладко тебе пришлось там? — догадался Андрей.

— Там все было по-другому, — туманно ответил Иван, — совсем по-другому. Несмотря на то что пробыл я там всего два года, он сильно врезался мне в память.

— А после?.. — решил сменить неприятную для друга тему Андрей. — После что ты делал?

— Когда закончил девять классов, пошел в каблуху на плотника, — Иван усмехнулся. — Эта профессия показалась мне наиболее творческой. Отучился там, как положено. А потом... Потом работал, встречался с девушками... Да ничего особенного и не делал. Так иногда задумаюсь, чего я достиг к двадцати семи годам, и становится страшно. Потому что не достиг ничего. Какие-то сплошные скитания и жалкие трепыхания вместо нормальной человеческой жизни, — грустно закончил он.

— Зря ты так, — серьезно произнес Андрей. — Ты — особенный, и жизнь твоя не похожа на другие. У тебя есть дар, который направляет.

— Или управляет, — усмехнулся Иван. — Иногда мне кажется, что он мне дан специально, чтобы мешать жить, как наказание за что-то, какие-нибудь грехи прошлого.

— Глупости говоришь. Если бы не твой дар, то и нас бы тут сегодня не было. Не знаю, чем все это закончится, но я рад, что мы встретились. И все это благодаря тебе.

— Да уж, — промолвил Иван. — А знаешь, странно, что ни у одного из нас не сложилась личная жизнь, — через какое-то время, когда Андрей решил, что он уснул, произнес Иван. — Это тоже какой-то знак, я думаю.

Андрей еще долго задавал вопросы. Его как будто прорвало. Он хотел знать все, каждый момент жизни Ивана. Стремился заполнить все те пустующие ячейки души, что предназначались для каждого из друзей, которые он закрыл на ключ и оставил пылиться на многие годы. А сейчас ему хотелось навести там порядок, прибраться, отремонтировать, расставить воспоминания красиво и гармонично. Он чувствовал, как каждая его клеточка наполняется жизнью, как он опять становится прежним — самым старшим, несущим ответственность за близких ему людей, за членов своей семьи.

Иван добросовестно отвечал на все вопросы, чутко улавливая настроение Андрея. Но постепенно им одолела зевота. Паузы между вопросами и ответами становились все длиннее, пока очередной вопрос Андрея не повис в воздухе, а с кровати Ивана не донеслось ровное дыхание.

Андрей усмехнулся, представив себе спящего Ивана в его любимой позе: на

животе, раскинув руки в стороны, закинув голову назад и слегка приоткрыв рот, от чего его лицо приобретало немного туповатое выражение. В детстве у него был очень крепкий сон. Ребята любили подшучивать, связывая углы простыней узлами и прошивая боковины нитками. Затем они заводили будильник и подносили к уху спящего Ивана. От пронзительного звонка мальчик просыпался и, вскочив резко на кровати, тут же валился обратно, неуклюже барахтаясь в простынях, пытаясь выбраться из тесного плена, не понимая ничего спросонья и громко ругаясь, что получалось у него особенно смешно, так как природа наградила его интеллигентностью, не вязавшейся с руганью. Сейчас Андрей стыдился тогдашних поступков, но в детстве и отрочестве все воспринималось по-другому, сама жизнь была окрашена гораздо ярче.

Удивительная вещь воспоминания! Они всплывают в сознании человека, заставляя переживать события прошлого так же ярко, как это было наяву, пробуждая от сна в состоянии эмоционального подъема. Они продолжают удерживать хозяина в течение недлительного бодрствования, завладевая всеми мыслями, погружая в минувшее. Они же навевают сон, который постепенно сменяет бодрствование. Человек не замечает, как засыпает, находясь во власти все тех же воспоминаний.

Холодная и снежная зима сменила удушливое лето. Подвижные игры в часы досуга, отведенные на прогулку, не дают замерзнуть, разгоняют кровь во всем теле, окрашивая щеки в ярко-красный цвет.

— Сорок девять, пятьдесят. Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват, — Андрей открывает глаза, отнимая голову от согнутой в локте правой руки, прислоненной к стене здания, и поворачивается лицом ко двору. Бросив быстрый взгляд по сторонам, он не замечает никого из друзей. Все надежно спрятались. Зная их изобретательность, можно предположить, что найти будет не так просто.

С покатога, крытого шифером, козырька над крыльцом падает облачко снега, рассыпаясь в воздухе на мельчайшие кристаллики и плавно оседая на землю. Андрей успевает заметить, как поспешно исчезает нога в черной бурке, которая было свесилась со скользкого покрытия.

— Мишка, слезай! — кричит он. — Кроме тебя больше никто не способен на такое.

С веселым воплем с козырька скатывается серо-коричнево-черный лохматый комок и плюхается прямо в рыхлый сугроб, поднимая вокруг себя настоящую снежную бурю.

— Шею сломать хочешь, дурень? — набрасывается на парня Андрей, а тот лишь залиvisto хохочет в ответ.

Вот свежие следы около автобуса, который принадлежит детдому. Обойдя несколько раз вокруг, он никого не замечает. Однако следов становится больше. Вокруг уже прилично натоптано и не им одним. Андрей тихонько двигается в противоположную сторону, но и это не помогает — кроме следов никого. Тогда он заглядывает под автобус и видит ноги в стандартных бурках, которые замерли в ожидании продолжения хитрого движения.

— Витька, ты пойман, — кричит Андрей ногам. — Долго еще круги будешь наматывать?

— А здорово я тебя перехитрил, да? — из-за автобуса показывается доволь-

ная физиономия Виктора. — Мог бы и до вечера искать.

— Пока бы ты весь снег не утрамбовал вокруг? — хохотнул Андрей, на что друг его только озадаченно почесал голову под шапкой ушанкой, отчего она смешно съехала на бок, закрыв один глаз.

Алинку даже искать не пришлось. Она, как всегда, предсказуема. Выбрав самое толстое дерево, спряталась за ним и стоит, не шевелясь, боясь упасть в снег. Одно она не учла, что зима — не лето, одежда увеличивает объемы вдвое, и половина ее хорошо проглядывается с того места, где находится Андрей.

Кирилл Андрей вычислил по тоненькой струйке дыма из-за мусорного бака. В четырнадцать лет тот считал себя чересчур взрослым для детской игры. Он сидел прямо на снегу, пытая дешевой сигаретой. Вроде бы и спрятался, и в то же время делом занят. Ищите, кому не лень.

Эксцентричного Ивана, который даже зимой на улице умудрялся читать книги, выдал шелест страниц, замерзших и окостеневших на морозе. Он спрятался за углом дома и увлеченно читал книгу, забыв о морозе и игре.

Осталась одна Танюха. Куда подевался этот рыжий сорванец? Она отличалась изобретательностью. Найти ее всего труднее. Андрей уже обшарил весь двор, но ее нигде не было. Он начинал волноваться, когда заметил небольшое отверстие в сугробе между кустов. Подойдя поближе, наклонился, и глазам его открылась сказочная картина: в небольшой пещерке, обледеневшей от горячего детского дыхания, на корточках сидит комочек в белой шапочке, из-под которой выбиваются вьющиеся пряди волос. Голубые глаза встречают веселым взглядом.

— Ты не замерзла? — осторожно спрашивает Андрей, опасаясь, что она может простудиться.

— Что ты? Знаешь, как здесь тепло? — хихикает она. — Жалко ты такой большой, а то я бы пустила тебя в свой домик.

— Это не домик, а сказочный дворец! А ты — самая настоящая принцесса!

— А так как у принцессы всегда есть принц, то им будешь ты, — улыбается девочка. В следующее мгновение лицо ее становится серьезным, на глазах показываются слезы. Она произносит голосом взрослой женщины: — Я жду тебя... я так долго жду тебя...

Андрей проснулся от невероятных усилий ответить. Щеки намокли от слез, в окно светило яркое солнце, возвещая о начале нового дня. Из ванной доносился шум льющейся воды. Иван уже вовсю принимал утренние процедуры.

По пути в бар, где они договорились встретиться в девять часов, им попался Виктор в махровом халате и с полотенцем через плечо.

— Друзья, — восторженно произнес он, — бассейн просто класс! Зря вы не хотите. Я решил вести здоровый образ жизни, пока нахожусь тут. Тренажерный зал и бассейн с утра, что может быть лучше?

— Припозднился ты со своими процедурами, — подколот его Иван, — рискуешь пропустить завтрак. Не забыл, что кормят нас с девяти до десяти? Торопись, а то все съедят.

В небольшом баре, где к услугам отдыхающих предлагался фуршетный завтрак, довольнолюдно. Все столики заняты. Друзья увидели Алину, которая ма-

хала им рукой. Она выглядела как всегда свежей и подтянутой. Перед ней стояла чашка черного кофе, бутерброд с ветчиной и вареное яйцо. Налив по чашке кофе, и выбрав все необходимое для плотного завтрака, Андрей с Иваном присоединились к Алине. Почти одновременно с ними, к столику подбежал запыхавшийся Виктор с полной тарелкой всякой всячины, большим стаканом чая с лимоном и высоким бокалом свежавыжатого апельсинового сока.

— Ого! Ты побил все рекорды! — усмехнулся Иван. Посмотрев на его тарелку, не удержался и добавил: — Диета не входит в оздоровительный план?

— Не начинайте утро с перебранки, — поспешно приструнила Алина, пока Виктор не успел ответить колкостью на колкость. — Мы не для этого здесь собрались. А ты, Иван, тоже успокойся. Каждый из нас такой, какой есть, и ничего с этим не поделаешь. Лучше расскажите, как прошла ночь?

— Я спал как убитый до самого утра, — ответил Виктор с набитым ртом.

— У нас тоже ночь прошла хорошо, не считая того, что ровно половину ее мы проболтали о жизни, — сказал Иван.

Андрей предпочел промолчать. Рассказывать сны не входило в его планы.

— А я спала ужасно, какими-то урывками. Все время просыпалась. В какой-то момент даже решила пойти к вам, но потом уговорила себя подождать до утра.

— Что же тебя так мучило? — поинтересовался Иван.

— Мне не давал покоя один вопрос... — она сверлила его настойчивым взглядом. — Почему ты остановил выбор именно на этом санатории? Почему-то вчера мне не пришла в голову мысль поинтересоваться.

— А кто же знает-то? — пожал плечами Иван. — Уж точно, не я.

— Очередная загадка твоего предсказательства? — хмыкнул Виктор.

— Представь себе, — огрызнулся Иван. — Я же говорил вам, что иногда мне в голову приходят мысли, которым я не могу найти объяснения. Вот так же было и с санаторием. Но что-то мне подсказывает, что скоро тайное станет явным.

— Пана не звонила? — спросил Андрей у Алины, решив сменить тему, которая и его напрягала.

— Нет, честно говоря, я начинаю волноваться. Мне кажется, что она передумала и не приедет.

— Не передумала, — произнес Иван, сосредоточенно прихлебывая кофе. — Она уже приехала и идет сюда. Пойду, встречу, — он встал из-за стола, — чтобы она не плутала в поисках нас.

Трое друзей удивленно смотрели в спину удаляющемуся Ивану.

— Хм... его дар прогрессирует, — констатировал Виктор. — Раньше он не был способен на такое.

— Да... По-видимому, наступил период, когда его способности особенно обострились, — поддержала его Алина. — Теперь я верю, что мы на правильном пути.

Через несколько минут Иван с Паной вошли в бар. На девушке было то же пальто и берет. В руках она держала небольшой саквояж, удивительно дополнявший образ загадочной незнакомки.

— Это все твои вещи? — поприветствовав ее, спросила Алина.

— Я не очень требовательна, — улыбнулась Пана. — В путешествии мне много не надо. Тем более что это не развлекательная поездка. Трудно, навер-

ное, будет...

— Мы рады, что ты к нам присоединилась, — произнес Андрей, усаживая девушку за столик, о чем не догадался Иван, сразу же приступив к доеданию завтрака, — спасибо. Ты не обязана этого делать, а нам даже не пришлось уговаривать тебя. Могу сравнить это лишь с героическим поступком. Еще раз спасибо.

— Не стоит благодарности, — покраснела Пана. — Я и сама не могу объяснить причину. Только... только я чувствую, что не могу поступить по-другому.

При этих словах, Иван перестал жевать, и уставился на нее. Взгляд его выражал крайнюю степень изумления. Он почти физически ощутил многовековое бремя, которым окутана Пана, ее причастность к чему-то ужасному, о чем она даже не догадывалась. Никто не заметил его реакции, все были заняты беседой. Иван молча рассматривал Пану, чувствуя, как на голове волосы встают дыбом от необъяснимого ужаса, от ощущения глобальности происходящего. Впервые ему стало страшно от мысли о будущем.

Глава 6

Туман начинает рассеиваться, появляется план

Андрей наблюдал за играющими в настольный теннис. В спортзале кроме них пятерых больше никого из отдыхающих не было. Большинство отправились на природу. Первое октября выдалось теплым и солнечным — настоящее бабье лето. В такой день можно еще разок снять куртки и погреться в солнечных лучах, напитаться энергией и витаминами. Все это пригодится организму во время долгой и суровой зимы.

Алина с Виктором заняли места друг напротив друга за теннисным столом. Андрей помнил, как они играли, будучи еще пацаном и девчонкой. Особенно Алина. К обучению игре она подходила с той же тщательностью, как и ко всему остальному, за что бы ни бралась. Все учились непосредственно за теннисным столом, а она это делала по правилам — раздобыла книжное пособие. По долгу тренировалась, где бы ни находилась. Повсюду таскала с собой ракетку и мячик.

Уже тогда ей почти не было равных в их команде. У нее имелись коронные элементы, комбинации, приемы. Кроме того, ее выносливости и упорству можно было позавидовать. Многие боялись ее быстрых и точных крученых подач, накатов и срезок.

Среди всех воспитанников детдома только двое рисковали соревноваться в мастерстве с Алиной: Мишка и Виктор. Они добились успеха не по книгам, а постоянными тренировками в игре друг с другом.

Андрей же и тогда, как сейчас, предпочитал роль зрителя. Глядя, как мелькает мячик из стороны в сторону, как игроки ритмично отходят и подходят к столу, мысли в голове у него выстраивались в правильный логический ряд, становились отчетливыми.

Он перевел взгляд на Пану с Иваном. Раньше Пана никогда не играла в настольный теннис, и сейчас Иван учил ее азам. Он показывал ей, как правильно держать ракетку и отбивать мячик. Они весело смеялись, когда у Паны в очередной раз ничего не получалось.

Подошел Виктор и практически упал рядом с Андреем на скамейку.

— Фух... Загоняла совсем... Не женщина, а машина, — тяжело дыша, проговорил он. Алина осталась помогать ученице Ивана в ее первой игре в теннис.

— Забыл, как это? — усмехнулся Андрей. — Она всегда выжимала из вас с Мишкой все соки, а сама хоть бы хны, даже дышит спокойно, посмотри.

— Я же говорю, машина, — сварливо ответил Виктор.

— Расскажи про себя, — попросил Андрей через какое-то время, когда Виктор отдышался и мог разговаривать спокойно.

— Про себя? — удивился тот. — А что рассказывать?

— Да все. Как жил, что делал?

— Ну... после трех лет в питерском приюте, которые были для меня прямо курортными, — ностальгически улыбнувшись, начал Виктор, — годы в ПТУ вспоминать не очень приятно. Профессию маляра освоил с трудом. Еле выдержал обучение. Вечная вонь от лака и краски до головной боли. Нехватка денег... Подрабатывал реализатором на рынке. Короче, как у всех... Потом... ну, государство выделило комнату в малосемейке, которую я сразу же приватизи-

ровал. Устроился на работу в одну фирму по изготовлению и продаже пива. Дальше?.. А дальше все было просто здорово! Получилось у меня в этой фирме сколотить небольшой капиталец, правда... правда, проблемы были небольшие...

По выражению его лица, Андрей понял, что проблемы были не такие уж и пустяковые, какими представлял сейчас их Виктор. Видать, сжульничал парень. Просто так капиталец в России, работая на хозяина, не сколотишь. Если не воровать, то светит тебе мизерный заработок, которого хватает разве что на пропитание, не более.

— ...Но все уладилось, — продолжал Виктор. — А потом пошло как по накатанной. Приобрел небольшую площадь под магазин, торговал бытовой химией, пока... пока, в общем невыгодно стало этим заниматься. Купил однокомнатную квартиру в Питере, — в его голосе звучала неприкрытая гордость самим собой. — Ну, продал малосемейку, доплатил и купил апартаменты в старом доме в самом центре. Вот так и живу...

— А чем сейчас занимаешься?

— Сейчас? Да... собственно говоря, ничем. Торговать стало невыгодно, как я уже сказал. Сдаю площади в аренду. Платят хорошо, исправно. Денег хватает. Зачем работать? Не вижу смысла.

— Понятно, — Андрей посмотрел на Виктора и понял, что тот действительно счастлив, ничего не делая. И нужно ли его за это осуждать? Каждый устраивается, как может в этой жизни. Виктору такой путь больше всего пришелся по душе. Тем более что он никогда не отличался особой тягой к труду. В детстве всегда пытался увильнуть от любого порученного дела. — А семья? Живешь один?

— Да... — Виктор неуверенно пожал плечами и отвернулся в сторону. Андрею даже показалось, что он застеснялся. — Понимаешь, не могу я любить одну женщину сильнее остальных. Они мне все нравятся. Как тут выберешь самую подходящую? Да и выбрав, как я откажусь от других?

Андрей еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Вот так Виктор! Кто бы мог подумать, что из него вырастет настоящий бабник?

Через какое-то время к ним присоединилась запыхавшаяся, но веселая Алина.

— Что, Витек, загоняла я тебя? — победно глядя сверху вниз, спросила она. — Дыхалка у тебя никчемная. Куришь? Спортом не занимаешься? Я права? Наверное, пивом злоупотребляешь?

— Ой, вот только не надо нотаций! — возмутился Виктор. — Тоже мне, мать Тереза нашлась! Воспитывай своих школьников. Привыкла, что они сидят, раскрыв рты, и внимают каждому твоему слову, — он распалялся все сильнее. — Ох уж, эти учителя, воспитывают, воспитывают. Профессиональная привычка! А кто сказал, что вы все время правы? Что, мисс непогрешимость, молчишь, нечего сказать?

— Да ты и слова не даешь вставить! — воскликнула, защищаясь, Алина. — Никто тебя не воспитывает. Нужно больно! Взрослый уже мальчик. А насчет учеников, ты сильно заблуждаешься. С ними, знаешь, как тяжело сладить? — заметив насмешливо-недоверчивый взгляд Виктора, она всерьез рассердилась. — Нам учителям запрещается даже выгонять их с урока. А они... могут запросто есть, общаться между собой или по сотовому, смеяться, даже слу-

шать музыку. И все это, заметь, в то время как я пытаюсь объяснить им новую тему. Я даже научилась орать, — она усмехнулась.

Андрей не представлял Алину орущей. Она всегда была самая спокойная среди них. При ней даже стыдно было делать глупости, которые они выдумывали. Алина старалась все делать правильно, как положено. Поэтому тот факт, что она кричит на учеников, сам по себе шокировал. Это что же такое они должны вытворять?

— Хватит ссориться! — прервал гневный монолог Алины Андрей. — Вить, чего ты все время огрызаешься? Подумаешь, проиграл. С кем не бывает? Это же просто игра. А что с тобой будет, если ты в жизни проиграешь? Сойдешь с ума?

— Еще один наставник, — пробурчал себе под нос Виктор. — Не много вас на меня одного?

— Тебя никто не пытается воспитывать. Мы просто общаемся, а ты все время чем-то недоволен. Так нельзя, — Алина стала прежней — спокойной и рассудительной.

Подошли румяные и смеющиеся Пана с Иваном. Андрею даже показалось, что эти двое чем-то похожи. Может быть, по-детски наивным выражением глаз или одинаковым отношением к жизни?

— Чего насупились? — поинтересовался Иван. — Вить, у тебя такой вид, как будто ты собираешься с кем-то сразиться. Чего ноздри раздуваешь? — Пана захихикала, уловив сходство в лице Виктора с огнедышащим драконом, за что тот тут же наградил ее хмурым взглядом.

— Весело им, — пробормотал себе под нос Виктор. — Чего пристали? — обратился он ко всем сразу, надув губы, как ребенок. — Лучше подумайте, что дальше будем делать? Забыли о цели нашего здесь нахождения? У кого-нибудь есть хоть что-то, отдаленно напоминающее план?

— Я сегодня ночью много думал, — ответил ему Андрей, — и решил, что пропажа наших друзей каким-то образом напрямую связана с исчезновением той девушки из рассказа бабы Марфы. Но вот как — непонятно. Как думаете, не сохранилось ли каких-нибудь записей, может быть церковных книг с того времени?

— Если бы... — сокрушенно вздохнула Алина. — Много лет назад я задалась этим вопросом и узнала, что когда закрыли старую часть кладбища, всю документацию уничтожили, чтобы окончательно стереть память о тех временах и людях. Не осталось никакой зацепки, вообще ничего. Я спрашивала некоторых коренных жителей города, но они ничего не знают о событиях тех дней.

— Что-то наш пророк давно не высказывался, — опять подал голос Виктор. — Есть новые видения?

— А ты сам? Что дельного предложил ты за последние два дня? — возмущенно парировал Иван. — Я все время пытаюсь вызвать какие-нибудь видения, но они не являются. Я не знаю, что это должно означать. Возможно... — он замолчал, пораженный внезапной мыслью. Его глаза округлились от удивления. Четверо остальных застыли, с нетерпением ожидая продолжения. — ...Возможно, они специально ничего мне не показывают, — Иван поочередно переводил взгляд с одного на другого. — Возможно, теперь нам придется самим принимать решения, без подсказок, и от того правильным оно будет или нет, зависит исход всего предприятия.

— Тьфу ты, — Виктор возмущенно уставился на Ивана. — Что ты хочешь сказать? Что ты стал абсолютно бесполезен?

— Собственно, как и ты, — в тон ответил ему Иван.

— Как и мы все, — примирительно сказала Алина. — Пока мы зря сотрясаем воздух, никакие дельные мысли нам так и не придут в голову. Предлагаю уже успокоиться, хорошенько подумать и наметить хоть какой-нибудь план. А начать я думаю нужно с Зинаиды Сидоровны. Мы ведь никогда с ней толком не разговаривали на эту тему. Может, она даст какой совет или сама что расскажет полезного.

— Согласен с Алиной, — первым откликнулся Андрей. — Насчет Зинаиды Сидоровны — хорошая идея. Мы ведь даже в первую нашу встречу так внезапно ускакали, что не успели ее расспросить. А вечером уже было поздно, да и в санаторий мы торопились, чтобы заселиться до ночи. Так что, давайте попробуем. А сейчас мне не дает покоя один вопрос, — он серьезно уставился на друзей, сурово сдвинув брови.

— И что это за вопрос? — осторожно спросила Алина, когда молчание затянулось.

— Да, что ты имеешь в виду? — с опаской любопытствовал Иван.

Пана испуганно взирала на грозного Андрея. Виктор вообще на время потерял дар речи, испугавшись, что его лишат удовольствия пожить в комфорте и наслаждения от разного вида полезностей.

— Я теряюсь в догадках, — тянул Андрей, — никак не могу понять... Неужели в нашей компании только я один испытываю чувство... голода? — в этот момент его лицо из грозного мгновенно превратилось в лукавое, на губах заиграла улыбка. Поняв, наконец, о чем речь, друзья весело рассмеялись. — Если мы не поторопимся, то рискуем пропустить обед. Не знаю как у вас, а мой желудок очень требовательный, хочет, чтобы все, желательно съедобное, попадало в него своевременно.

Глава 7

Друзья узнают о дяде Федоре

Денек стоял замечательный! Солнце светило, как в разгар лета, но более ласково и менее напористо. Яркие лучи, касаясь тела, окутывали его приятным и уютным теплом, согревая ровно настолько, чтобы не замерзнуть. Они проникали под кожу и заставляли трепетать от наслаждения и деликатности прикосновения. Природа замерла в осеннем великолепии. Ни дуновения не ощущалось в воздухе, только птичий щебет, как реакция маленького живого организма на неожиданный подарок, разносился по всей округе, лаская нечуждый прекрасного слух.

В такие минуты случайно оброненное слово способно нарушить гармонию с окружающим миром. Человеческий голос, являясь более грубым и менее мелодичным, не вписывался в поэтичность текущего мгновения. А вот уютное шуршание травы под ногами и легкое, немного сбивчивое от быстрой ходьбы дыхание отлично дополняло общую картину, внося в нее очарование.

Дорога вела вдоль леса. Вернее, это была даже не дорога, а узенькая тропинка, где два человека с трудом могли разминуться. С другой стороны, на высокой насыпи тянулась железная дорога, по которой проходил пригородный электропоезд. Друзья шли друг за другом. Каждый из них был погружен в мысли. Андрей, который шел первый, думал о том, что ни разу, за восемь лет жизни в Бельгии, он не испытывал настолько полного погружения в природу. С левой стороны груди щемило и тянуло. Это было ощущение утраты, невосполнимости. Что-то, принадлежащее ему раньше, дало знать сейчас о себе, промелькнув, словно дразня и говоря, что никогда уже не вернется вновь. Воспоминания, как раньше каждый год он мог наслаждаться теплыми осенними деньками, подаренными напоследок природой перед холодной зимой, терзали душу. В уме крутились строчки из стихотворения Баратынского «Осень»:

*Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.*

Пройдя примерно с километр в молчании, они дошли до развилки. Андрей резко остановился, так что Алина едва не врезалась ему в спину.

— Ты чего? — удивленно спросила она.

— Здесь два пути, — задумчиво произнес Андрей. Тропинка делилась на два рукава, один сворачивал направо — к кладбищу, а другой упирался в калитку детдома. — Раз уж мы оказались в этом месте сейчас, не заглянуть ли нам на кладбище?

— С чего это вдруг? — хмыкнул Виктор, который шел за Алиной. — Когда я предлагал вам сделать это, вы все гордо отказались.

— Понимаешь, — не очень уверенно ответил Андрей, — я не был там ровно

пятнадцать лет. А раньше... раньше мы бегали туда почти каждый день, помните? Не могу объяснить, но меня вдруг потянуло именно в ту сторону...

— Вы что, поменялись местами с Ванькой? — хохотнул Виктор. — Теперь ты у нас предсказатель? Думаю, это заразно, как вирус — передается воздушно-капельным путем. Вот, живете в одном номере....

— Не мели ерунды! — оборвала вошедшего в раж Виктора Алина. — В желании Андрея нет ничего странного или необычного, это... это просто отголоски прошлого.

— Я могу сходить и один, — предложил Андрей. — Вы отправляйтесь дальше, а я присоединюсь попозже.

— Можно мне с тобой?.. — раздался робкий голосок Паны. — Я там ни разу не была, любопытно посмотреть...

— Раз дело оборачивается таким образом, — подытожил Иван, который был замыкающим в этой процессии, — предлагаю отправиться всем вместе. А вдруг, чего накопаем? В любом случае, плана у нас нет, значит, и нарушать нечего. Двигаем?

Не обращая внимания на ворчания Виктора, Андрей повернул направо. Пройдя еще с полкилометра вдоль леса, они оказались на небольшом кладбище, где было не очень много захоронений, так как городок, которому оно принадлежало, совсем малюсенький, даже не городок, а поселок городского типа с тремя главными улицами. Могилы так тесно соседствовали друг с другом, что между оградами практически не оставалось места. Кое где приходилось пробираться бочком.

Стоял будний день, в какие на кладбище не бывает много народу. Кроме них пятерых, еще несколько одиноких фигур сосредоточенно убирали могилы, где похоронены дорогие их сердцу люди. Привычно и молча они убирали мусор, выдергивали сухую траву, поливали осенние цветы, не обращая внимания на пришельцев.

— А где находится... ну, то место, о котором вы рассказывали? — тихо спросила Пана, борясь с суеверным страхом.

— Старое кладбище? — вопрос Ивана прозвучал неестественно громко. От неожиданности Пана споткнулась и чуть не упала, не успей он ее поддержать.

— Ну да, — испуганно ответила она, краснея за неловкость.

— Оно может быть в любом месте, вон там, — он указал рукой на лес, вдоль которого тянулась длинная сторона кладбища.

— Как там? — удивилась девушка. — И это все, что нам известно? Неужели никто не знает, где оно именно?

— Никто, — улыбнулся Иван, забавляясь ее наивным видом. — Очевидцев не осталось. Закрыли его несколько сотен лет назад. Кроме того, я предполагаю, место это заколдовано. Мощные заклятия наложены. Лес здесь такой густой, что не зайдешь вглубь дальше, чем на пять метров. Знала бы ты, сколько раз мы пытались это проделать. Но в награду получали лишь царапины и ссадины. — Пана, как зачарованная, смотрела в глаза Ивану, не смея поверить в правдивость его слов.

— Неужели так бывает? — она потрясенно перевела взгляд на остальных. — Я имею в виду, в наше время. Неужели, все это возможно сейчас и с нами?

— Ну не сказочники же мы, — сердито отозвался Виктор, заставив девушку

опять покраснеть, за что получил тычок локтем от Алины. — А что... что я сейчас такого сказал? — возмутился он, грозно уставившись на обидчицу. — Ее послушать, так мы все придумали.

— Я не это имела в виду, — оправдывалась Пана.

— Не волнуйся, все мы поняли тебя правильно, кроме этого ворчуна, — успокоил ее Андрей. — Возможно, любой из нас на твоём месте вел бы себя также, если бы не видели всего собственными глазами.

— Ты не обращай внимания на Виктора, — подбодрила девушку Алина. — Он у нас с детства такой, вечно всем не доволен. Если будешь расстраиваться из-за каждой его реплики, то долго не протянешь, — улыбнулась она. — Бери пример с нас.

Тем временем друзья уже вплотную подошли к лесу. Они начали медленно двигаться вдоль него, сами не зная, чего ищут. С этой стороны кладбища забора не было. Им служил густой и темный лес, выглядевший настолько злоецим, что страшно было туда всматриваться.

— Боже мой! — прошептала Алина. — Как мы раньше пытались проникнуть туда? Сейчас мне страшно даже смотреть в его сторону.

— Да уж, — вторил ей Андрей, и голос его, при этом, немного подрагивал, — в детстве все воспринимается по-другому. С возрастом начинаешь сильнее бояться за собственную жизнь, — стоило произнести, как лица коснулся ветерок, словно погладив по щеке, промелькнул и исчез так же быстро, как и появился. Андрей резко остановился, чем поверг всех в изумление.

— Что с тобой? — спросил Виктор, и в глазах его читался откровенный страх.

Глаза Андрея хоть и уставились на него, но самого Виктора он не видел. На мгновение он забыл, где находится. Что это? Ласка была настолько интимна. Он знал наверняка, что больше никто не почувствовал мимолетного дуновения. Уверенность пришла неизвестно откуда. Это предназначалось только ему.

— Але? Гараж?.. — Виктор помахал рукой перед глазами Андрея. — Чего вылупился, спрашиваю? У тебя что, столбняк?

— Андрюш, правда, что случилось? — задала вопрос Алина, старательно сдерживая дрожь в голосе.

Ну уж, нет. Рассказывать об этом он не намерен. Андрей тряхнул головой, восстанавливая плавное течение мысли. Потом спокойно ответил:

— Все нормально. Просто в голову пришла одна мысль, высказывать которую пока рано. Не обращайтесь внимания... — при этих словах он встретился взглядом с Иваном и прочитал явное недоверие и, одновременно, обещание молчать.

Как по команде все двинулись дальше вдоль леса. Когда они уже дошли практически до конца кладбища, Пана вдруг громко вскрикнула и задрожала всем телом. Она беспомощно размахивала руками, в ужасе глядя в темную чащу. Иван мгновенно подбежал к ней, обхватил руками и с силой оттащил от этого места. Девушка обмякла у него в руках.

— Что случилось? Что ты почувствовала? — допытывался Иван, одновременно стараясь привести ее в чувство, несильно встряхивая.

— Я... я... не знаю... Меня... будто что-то затягивало. Ох, как страшно, — из глаз ее закапали слезы. — Оно... оно было такое сильное. Я не могла сопротив-

ляться, — она припала к плечу Ивана и разрыдалась. Он слегка поглаживал ее по волосам, пытаясь успокоить. — Если бы не ты... — всхлипывала она, — если бы не ты... то меня бы засосало. Что там? — она смотрела на Ивана заплаканными глазами, молчаливо требуя ответа. Против воли Иван широко улыбнулся, чем шокировал всех остальных.

— Я не знаю, что там, и не узнаю, пока не побываю, — не переставая улыбаться, ответил он. — Но одно я теперь знаю точно. Мы нашли место. Это вход. Именно здесь мы попадем туда.

— А почему бы нам не сделать этого сегодня? — спросила Алина, пытаясь выглядеть храброй, хотя отчаянно боролась со страхом.

— Сегодня у нас ничего не получилось бы, как и раньше, — размышлял Иван. — Это было предупреждение. Пана, она связана как-то со всем этим. Место, или портал, чем он и является по своей сути, странным образом отреагировал на нее. Ни с одним из нас этого не случилось, несмотря на то, что мы миллион раз проходили здесь. Именно ты, — он посмотрел в глаза испуганной девушки, — поможешь нам попасть туда. Только как? Этого, пока, я не знаю.

— Дела... — пробормотал Андрей, запуская руку в волосы, как делал всегда в минуты смятения. — Так что нам остается? Пойдем к Зинаиде Сидоровне? Хотя, честно говоря, я сомневаюсь, что она что-то знает.

Зинаида Сидоровна обрадовалась, увидев друзей. Они познакомили ее с Паной. Потом последовало традиционное угощение. Директриса не принимала никаких возражений или отказов. Она почти силой усадила их за стол, налила каждому кофе, выставив при этом все, что было у нее из сладостей.

— Зинаида Сидоровна, — обратился к директрисе Андрей, когда все уютно расположились за столом, — нам нужна ваша помощь. У нас не хватает информации. Точнее говоря, ее совсем нет. Благодаря Пане мы теперь уверены, что произошедшее напрямую связано с рассказом бабы Марфы. Только вот, мы ничего не знаем о тех людях. Кто они были, как их звали, есть ли какие-нибудь прямые потомки? Какой-то информационный вакуум, просто. Мы точно знаем, что пришла пора действовать, но нет никакой возможности начать. Пока нас окружают одни загадки. Одна надежда на Ивана, но и он перестал что-либо чувствовать. Складывается впечатление, что кто-то или что-то пытается помешать нам узнать правду. Поэтому, вы для нас последняя надежда. Если что-то знаете, пусть даже самую малость, расскажите, пожалуйста.

— Родные мои! — всплеснула руками директриса. — Да я бы с радостью! Но, к сожалению, для вас я совершенно бесполезна. До того времени как меня назначили директором этого заведения, я жила далеко отсюда. Кроме того, я всегда вела до того правильный образ жизни, как сама считала, что отвергала любой оккультизм, о чем сейчас сожалею. Круг моих знакомств ограничен, практически не выходит за пределы территории детдома. Судите сами, насколько я бесполезна, если даже баба Марфа никогда не рассказывала мне ту историю, а у нас были неплохие отношения. Так что, простите меня... — Зинаида Сидоровна была предельно откровенна, это читалось в ее глазах. Она так сильно сжала руки, которые лежали перед ней на столе с переплетенными пальцами, что побелели костяшки.

— Значит, перед нами опять глухая стена, — с сожалением произнес Андрей. — Время летит, а мы топчемся на месте...

— Послушайте, — воскликнула директриса, осененная внезапной мыслью, — думаю, есть один человек, который может быть вам полезен. Если кто-то что-то и знает, то только он. Да вы, наверное, помните его. Это дядя Федя — кладбищенский сторож.

— И правда! Как мы сами не догадались поговорить с ним? — мгновенно отозвалась Алина. — Честно говоря, я совершенно забыла о нем. Вот если бы он нам встретился... Тогда, пойдемте. Нужно спешить, пока кладбище не закрыли...

— Пойдите, пойдите! — голос Зинаиды Сидоровны ворвался в общий гул и шум отодвигаемых стульев. — Дядя Федор уже лет пять, как не работает у нас, — друзья застыли в немом изумлении. Подобного поворота событий они не ожидали. Алина первая в полной растерянности опустилась обратно на свой стул, — я не успела вам сообщить этого.

— А где же он работает? — более требовательно, чем следовало, спросил Виктор.

— Не знаю, но сейчас попробую выяснить. Я вас оставлю ненадолго. Мне нужно сделать несколько звонков. А вы пока допивайте кофе.

Зинаида Сидоровна зашла в кабинет и плотно прикрыла дверь.

— А если она ничего не выяснит? Что тогда мы будем делать? — продолжал возмущаться Виктор.

— То же, что и раньше. Пытаться решить проблему, — ответил ему Иван.

— Пана! А твои родители не могут ничего знать? — обратилась Алина к девушке.

— Мои родители погибли, — услышав это, Алина от неожиданности зажала рот рукой. — Уже очень давно. Мне было пять лет. Они разбились на машине. Меня тогда взяли к себе соседи, с которыми мама с папой дружили. Бабе Марфе не разрешили оформить опеку, в силу преклонного возраста. Вот так и получилось, что я осталась жить в Москве, в том же доме, что с родителями, только, в соседней квартире. А по достижении совершеннолетия, я переехала в свою квартиру, где сейчас и живу.

— Прости меня, если можешь, — Алина пожала руку девушки. — Я вела себя, как твердолюбая.

— Ничего страшного, — улыбнулась ей девушка, — ты ни в чем не виновата. Все хорошо.

— Что хорошего?! Еще одна ниточка оборвалась, — как всегда возмущенно пробубнил Виктор.

— Ну, знаешь... — начала было Алина, но договорить не успела, в комнатку вошла улыбающаяся Зинаида Сидоровна.

— Ну вот. Я все выяснила. Дядя Федор работает неподалеку, завхозом.

— А где? Где именно он работает? — нетерпеливо допытывалась Алина.

— А вот это — самое интересное, — директриса хитро сощурилась и посмотрела на друзей. — Работает он в том самом санатории, где вы остановились, — победно закончила она.

— Так, ситуация постепенно проясняется... — размышлял Андрей. — Теперь понятен смысл предсказания, — он посмотрел на Ивана. — Ясно, почему мы выбрали именно санаторий «Чародейка».

Глава 8

У Алины и Андрея появляется общая тайна

Андрей вертел в руке ножку бокала, в который улыбчивый бармен плеснул щедрую порцию коньяка. Он по очереди наклонял его из стороны в сторону, наблюдая, как крепкая жидкость неровными подтеками возвращается в исходное положение, и поверхность ее вновь становится горизонтальной. Пальцы уже устали удерживать тоненькую ножку, похожую на стебелек экзотического цветка, но он никак не мог решить: выпить содержимое бокала или поставить его на пустой стол. Андрей искал мысль в закоулках сознания, ускользающую, как только он пытался за нее ухватиться.

Вернувшись в санаторий, они не застали дядю Федю на работе. В администрации выяснили, что завхоз отпросился сегодня пораньше, еще в обед. Получалось, что встреча со старым знакомым плавно переносилась на завтра. Предстояло решить, чем заполнить пустоту наступающего вечера. Иван с Паной надумали присоединиться к Виктору в его вечернем моционе — занятиям в тренажерном зале, плавно перетекающим в бассейн. Вернее, надумал Иван, а Пана пребывала в растерянности, так как Алина, решила окунуться в волшебство спа-процедур, доверив тело опытным рукам массажиста. Она и Пану звала с собой, но робкая и стеснительная от природы, та отказалась. Что не помешало ей, однако, принять приглашение Ивана составить ему компанию. А все потому, что он умел добиваться своего, чутко угадывая настроение другого и находя именно те слова, которые больше всего подходили к ситуации.

Вот так и получилось, что Андрей остался один, отказавшись от всех приглашений. Он сидел за пустым столиком, единственный посетитель в баре, думая пить коньяк или все-таки не стоит. Было около пяти часов. До семи — времени ужина, когда все договорились встретиться в столовой, — оставалось более двух часов. Предстояло заполнить чем-то пустоту. И этим чем-то должен был стать бокал с янтарной жидкостью, который он вертел в пальцах.

Тихая музыка, нежно звучащая под сводами небольшого и уютного помещения, должна навевать романтику, затрагивать тайные струны души, порождать фантазии. Но ничего из этого не было. Она раздражала Андрея, мешая сосредоточиться и уловить ускользающую мысль. «Что-то со мной происходит в последнее время, — размышлял он. — Все эти сны, голоса. Что это? Игра воображения? Ну, ладно, сны, хотя странно, что все они на одну тему. Но голос? Его я слышал несколько раз. И всегда один и тот же, говорящий почти одно и то же. А ветер? Это было, как прикосновение, мимолетное, но прикосновение».

Так и не решился выпить, вместо этого поставил бокал на стол, продолжая гипнотизировать его взглядом. Пить горячительное окончательно расхотелось. Желудок напомнил о себе легким шевелением, мол, пора закинуть в него что-нибудь съедобное.

Как назло в голову опять полезли непрошенные воспоминания. Детдом с его завтраками, обедами и ужинами по расписанию. На протяжении многих лет воспитанникам внушалась мысль, что так, как о них заботится государство, ни один родитель не заботится о своем ребенке. Был у них один наставник, который занимался исключительно организаторской работой. Так вот его лю-

бимыми словами были: «Домашние дети такого не едят, чем вас кормит государство». Андрей усмехнулся, вспоминая, как этот самый пузатый наставник прохаживался между рядами столов, сглатывая слюну, и заставлял всех опустошать тарелки.

Один случай особенно врезался в память. Был какой-то праздник, какой именно Андрей не помнил. В тот день, когда дети собрались в столовой на обед, Зинаида Сидоровна, зажав под мышкой большую металлическую банку, ходила от стола к столику и щедро одаривала всех, чем бы вы думали? Черной икрой! Настоящей черной икрой! Она зачерпывала полную столовую ложку и аккуратно вытряхивала ее на краешек тарелки, и так, пока не обошла всех. Нужно было видеть лицо того самого наставника, как тень следовавшего за директрисой: его взгляд был прикован к пресловутой банке, а когда ложка проделывала свой путь, он внимательно следил за ее траекторией, сглатывая усиленной обычного.

Детство — удивительная пора! Насколько просто все тогда воспринималось. Жизнь казалась легкой и незамысловатой. Несмотря на отсутствие любви со стороны воспитателей, дети тепло к ним относились. Они прощали любую строгость, нотации, наказания. Считали, что раз ругают, значит, так нужно, и они это заслужили. Не было обид, злости, только легкое огорчение иногда закрадывалось в душу.

Сейчас Андрей четко понимал, что многое зависело тогда от Зинаиды Сидоровны, что благодаря ей, в детдоме царила дружеская атмосфера. Она старалась вести себя честно и по совести. Один раз в месяц выдавала воспитанникам, достигшим десятилетнего возраста по десять рублей из денег, что государство каждый месяц перечисляло на индивидуальные счета сирот. Настоящий праздник! Можно было пойти и купить себе конфет, например пять-шесть ирисок всего лишь на пятнадцать копеек или для тех, кто был постарше, сигарет по шестьдесят копеек за пачку. В этот день дети чувствовали себя богачами.

Андрей опять улыбнулся. Он вспомнил, как однажды потратил все месячные деньги на глупости. Накупил несколько банок искусственного меда, разных конфет и пирожных. Они тогда всей компанией уплетали сладости за обе щеки, пока не съели все. Наказание за несдержанность не заставило себя ждать. Вечером все семеро друзей мучились болями в животе, но, несмотря на это, были очень довольны диким обжорством.

— Попался! — Андрей вздрогнул от неожиданности, услышав веселый голос Алины, подкравшейся сзади и ощутимо хлопнувшей по плечу. — Скучаешь?

— Пытаюсь думать, — улыбнулся он девушке. — Как массаж?

— Волшебно! — она мечтательно закатила глаза. — Мужичок такой сухонький, суровый, а творит волшебство. Каждую мышцу промял. Причем абсолютно без боли. Сорок минут блаженства! Не помню, когда последний раз получала такое удовольствие. Спасибо тебе...

— Мне-то за что? — удивился Андрей.

— Как за что? Если бы не ты, ничего бы и не было. Забыл, что являешься нашим всеобщим благодетелем? — она с улыбкой смотрела на него.

— Ох, перестань, пожалуйста, — возмущенно отмахнулся он. — Скажешь тоже, благодетель, — усмехнулся Андрей. — Был бы таковым... — он замолчал,

перестав улыбаться.

— То что? — спросила Алина, когда молчание затянулось.

— А то... Что не бросил бы вас всех, вот что, — Андрей сурово сдвинул брови. Слова дались с трудом.

— Мне кажется, мы это уже обсуждали, — спокойно ответила Алина. — Среди нас нет правых или виноватых. Случилось так, как должно было случиться. Понял? Все совершают ошибки. Да и не ошибки это вовсе. Я уверена, что эти пятнадцать лет мы должны были прожить именно так. Ты должен был стать удачным предпринимателем, я — учителькой, — она невесело усмехнулась, — Иван... ну ты понял меня.

Андрей кивнул, продолжая сосредоточенно думать.

— Что с тобой? — удивленно спросила Алина, когда повисшая пауза затянулась. — О чем так усиленно думаешь? У меня такое чувство, что я говорю со стенкой. Ты меня, вообще-то, слышишь?

— Слышу, — встрепнулся Андрей. — Послушай, раз уж так случилось, что мы с тобой сейчас одни, и нам никто не мешает, хочу спросить тебя кое о чем... Я больше не могу держать это в себе. И ты больше всех подходишь на роль исповедника.

— Говори, — без тени улыбки произнесла Алина. — В нашей ситуации, что еще мы можем сделать, кроме как говорить?

— С тобой в последнее время не происходит ничего необычного? — Андрей внимательно смотрел на девушку, пытаясь определить реакцию на вопрос по выражению ее лица. Взгляд Алины, который и до этого был достаточно серьезным, стал пугающе проникновенным.

— Значит, это происходит и с тобой? — утвердительно кивнула она, отвечая скорее своим мыслям, чем на вопрос Андрея. — Ты тоже видишь сны? Каждую ночь я возвращаюсь туда, в наше детство. У меня такое чувство, что я и не выросла. Ночью я вновь становлюсь маленькой девочкой. Я опять живу той жизнью, только в ускоренном темпе. Мои сны о том, что с нами было. Это больше похоже на воспоминания, только реалистичные, с ощущениями, мыслями... голосами...

— С голосами? — ухватился за высказанную мысль Андрей. — Ты их тоже слышишь?

— Только один, — губы Алины слегка задрожали. — Это мужской голос... — на глазах девушки выступили слезы. — Он... он зовет меня.

— И кому же принадлежит этот голос? — Андрей даже побледнел от напряжения.

— Это Мишка... — слезы уже текли по щекам девушки, но ни она, ни Андрей не обращали на них внимания. — Вернее, голос не его, а взрослого мужчины. Но... говорит им Мишка, — последние слова Алина произнесла практически шепотом. Какое-то время она пыталась остановить поток слез. Немного успокоившись, спросила: — А ты? Что слышишь и видишь ты?

— То же. Только голос... он женский, — при этих словах, Алина встрепнулась. — Это голос взрослой женщины, всегда один и тот же.

— А говорит?.. Говорит Танюха? — Андрей молча кивнул, судорожно сжав кулаки.

— У тебя тоже так? Маленькая девочка говорит голосом взрослой женщины? — они потрясенно смотрели друг на друга, не веря, что все происходит на

самом деле.

Рассказ Алины немного успокоил Андрея. Двое не могут сойти с ума одновременно. Значит, это что-то другое. Но что? Внезапно осененный, он спросил:

— А началось все?.. С чего у тебя началось?

— Ты имеешь в виду, с чего началась череда этих снов? — он кивнул. — После многолетнего перерыва первое, что я увидела во сне, — это то, как баба Марфа рассказывала нам ту историю в лазарете. С тех пор все и началось, и длится уже примерно месяц. А у тебя?

— Тоже. Только началось это совсем недавно, точнее, в поезде, когда я ехал сюда. Интенсивность снов просто бешеная. Сколько раз я просыпаюсь за ночь, столько эпизодов из нашей той жизни мне снится. А днем... днем меня преследуют все те же воспоминания. Это как наваждение. Все происходит против воли... Такое ощущение, как будто кто-то пытается заставить меня все вспомнить, еще раз прожить ту жизнь.

— Вот-вот, так и у меня, — во взгляде Алины появилась растерянность. — Что же все это значит? А еще... еще временами... я словно чувствую чье-то присутствие рядом.

Алина выглядела напуганной. Она с опаской смотрела на Андрея, пытаясь разглядеть следы насмешки на его лице. Но он только грустно взглянул на нее и тихо произнес:

— Не переживай, ты не сумасшедшая. Я тоже это ощущаю. И теперь я, кажется, догадываюсь, кто это...

— Ты хочешь сказать?..

— Да, это они... Они рядом с нами. Понимаешь? Думаю, они выбрали нас именно потому, что в те далекие времена мы были близки, — его голос подрагивал от едва сдерживаемых чувств. — Танюха, она была мне, как сестра, а Мишка... у вас с ним уже тогда зарождалось чувство.

Алина даже не пыталась возражать. Ее глаза опять увлажнились. Но сейчас это были слезы благодарности за понимание, за откровенность.

Чувства до такой степени захлестнули Андрея, что бороться с ними уже не было сил. Он схватил со стола бокал и в несколько глотков осушил его. Внутренности мгновенно обожгло, кровь быстрее заструилась по жилам, отрезвляя сознание, возвращая способность нормально мыслить.

— Послушай, — через какое-то время вновь заговорил он, — думаю, что время действительно настало. Поэтому они и проявили себя. Так хочется действовать! — он сцепил пальцы рук так сильно, что послышался хруст суставов. — Только как? Беспомощность убивает! Хоть иди с топором и вырубай тот лес. Если бы я был уверен в успехе, то так и поступил бы. Но это абсурд.

— Думаю, завтра мы будем знать намного больше, — поспешила успокоить его Алина. — В конце концов, не зря же мы выбрали именно этот санаторий, и именно здесь работает дядя Федор, который единственный может что-то рассказать.

Андрею захотелось выпить еще. На его призыв быстро откликнулся бармен и наполнил еще один бокал темной жидкостью. Алина отказалась составить компанию. Она предпочитала более легкие напитки. Но сейчас ей даже этого не хотелось. Впервые за долгое время сознание прояснилось настолько, что она могла упорядочить мысли. Терять такую возможность не хотелось.

По обоюдному согласию они решили не рассказывать остальным о сего-

дняшной беседе. Слишком интимным казалось происходящее.

В назначенное время Алина и Андрей пошли в столовую, чтобы присоединиться к друзьям и поужинать.

Когда они заходили в просторный зал, заставленный сервированными столами, Виктор, Иван и Пана уже поджидали их.

Виктор расслаблено развалился на стуле с довольной улыбкой на лице и потягивал аперитив через соломинку. Он весело помахал им рукой.

Андрей боялся взгляда Ивана, что тот может догадаться о разговоре между ним и Алиной. Старательно прятал глаза, пока не сообразил, что это лишнее. Иван лишь мельком взглянул на них, быстро кивнул и вернулся к разговору с Паной. Они сидели близко друг к другу и переговаривались в полголоса. Пана периодически хихикала, прижимая руку ко рту. Она раздумянулась. Большие серые глаза, не отрываясь, смотрели на Ивана, ловя каждое его слово. Андрею показалось, что она даже не заметила их приближения.

— Как прошли оздоровительные процедуры? — нарочито весело спросила Алина. — С пользой для организма?

— Это было просто супер! — довольно облизываясь, как сытый кот, ответил Виктор. — Тренажерный зал, где стоняешь сто потов, а потом освежающий бассейн — что может быть лучше?

— Может, клизма? — со смехом подколот его Иван. — Не хочешь воспользоваться всем списком процедур? — хмурый взгляд Виктора распалил его еще сильнее. — Что может быть лучше полного очищения организма. Клизмы утром и вечером, диетическое питание, фиточаи. Через недельку будешь как заново родившийся, чист, как младенец. А то, что немного будет сдувать ветром, так это ничего, положишь по камушку в каждый из карманов.

— Тебе завидно? — надулся Виктор. — Кто тебе мешает делать тоже самое? Но ты, кажется, нашел занятие поинтереснее, — он кивнул на Пану. — Вот и не отвлекайся, — продолжал он, не замечая обиды на лице девушки и сжатых кулаков Ивана. — Глядишь, поженитесь и нарожаете кучу детишек...

Андрей поспешил вмешаться, видя готовность Ивана броситься в драку:

— Перестаньте! Не ведите себя, как дети, — он посмотрел на Ивана. — Чего ты к нему привязался? Пусть делает что хочет...

— Не люблю халявщиков, — пробормотал себе под нос Иван.

— Такой же, как и ты, — не отставал от него Виктор.

— Ты забыл, что за все платишь не ты? — не унимался Иван.

— Хватит! — грозно рявкнул Андрей. — Еще раз я услышу упоминание о деньгах, развернусь и уйду отсюда. Дальше буду действовать один. Что с вами? Как дети! Вы мне сейчас особенно напоминаете тех пацанов, которых я знал пятнадцать лет назад. Такие же задиры. Не хватает еще Кирилла, который не отставал от вас ни на шаг. И не лень вам задирать друг друга? Лучше подумайте, как нам быть дальше?

К столику подошла официантка, толкая перед собой большую двухъярусную тележку, заставленную тарелками. Разговор на этом оборвался. Все занялись выбором блюд на ужин, которые были представлены в неплохом ассортименте.

Глава 9

Завеса над тайной приподнимается

На следующее утро, наспех позавтракав, друзья отправились на поиски дяди Федора — старого, хорошо забытого, знакомого. Дежурный администратор объяснила, как найти «каморку» завхоза, озадачив хитрой улыбкой. Но уже через несколько минут все стало ясно. Дело в том, что «каморка» представляла собой достаточно большую комнату с качественным евроремонтом. Вдоль обеих стен от входной двери тянулись металлические стеллажи, на которых чего только не было: и ветошь, и ведра, и швабры, и флаконы с разнообразными чистящими и моющими средствами, и спортивный инвентарь, в общем, все, что только могло понадобиться для нормального функционирования санатория.

Кроме стеллажей из всей мебели в комнате находился еще массивный деревянный стол, установленный в простенке между двумя огромными окнами, прямо напротив двери. Но самой замечательной была фигура мужчины — он с чинным видом сидел за столом и читал толстую книгу. Длинные абсолютно белые волосы и широкая того же цвета борода делали его похожим на батюшку Льва Толстого. Дополняли картину очки в коричневой оправе, водруженные на нос, и просторная белая рубашка с глубоким V-образным вырезом, открывавшая взору курчавые белые волосы на могучей груди.

В мужчине невозможно было узнать того самого дядю Федора, которого они когда-то знали. В бытность работы кладбищенским сторожем выглядел он иначе — намного худее, русые волосы, всегда коротко стриженные и редко причесываемые, вечно торчали в разные стороны, сохраняя ночные примятости. Одевался он небрежно, чаще в какой-то замусоленный ватник, причем неважно, зима ли, лето стояли на дворе.

При появлении друзей, мужчина опустил книгу и посмотрел на них поверх очков глазами философа.

— Чего замешкались в дверях? — произнес он зычным басом. — Проходите, я не кусаюсь.

— Вы Федор Семенович? — с сомнением в голосе спросил за всех Андрей.

— Ну, я... — с этими словами он отложил книгу и облокотился на стол. — А что, не похож? А вы, наверное, те самые, что искали меня давеча? — не обращая внимания на открывшего было рот Андрея, дядя Федор продолжал добродушно басить: — Внук у меня приболел, понимаете? Не с кем было вчера его оставить. Вот и вызвала дочка срочно. Пришлось отпроситься. А что делать? Детям помогать нужно. Жена уже померла, кроме меня помочь больше некому. Да и люблю я его шибко, внука то бишь. Пацаненок такой ладный получился, сообразительный... — он опять проигнорировал попытку Андрея заговорить. — Столько разных вещей знает, а годков-то ему всего пять. Дочка у нас с женой появилась поздно, понимаете. Уже и надеяться перестали. А она раз и родилась. Так что Егорка, так внука моего кличут, мне роднее всех. Конечно, боюсь избаловать. С пацаном-то нужно построже, да ничего не могу поделать, хочется во всем потакать, — тут он встрепенулся, заметив, что Виктор стал нетерпеливо елозить возле стенки. — Чей-то я разболтался? У вас, наверное, дело ко мне какое?

— А вы нас не узнаете? — для начала поинтересовался Андрей.

— А должен? — в удивлении вскинул брови дядя Федор.

— В общем-то, нет. Давно это было, мы тогда намного младше были. Мы-то вас тоже не сразу признали, — видя нерешительность в глазах старика, Андрей поспешил продолжить: — Воспитывались мы в том детдоме, где вы работали кладбищенским сторожем.

— А-а-а, вон оно что? — улыбнулся дядя Федор. — Так вас много там было. Разве упомнишь всех? Что же вам нужно от меня? Я уж годков двенадцать, как не работаю там.

— Дело в том, что на вас у нас последняя надежда, — переняла эстафету у Андрея Алина. — Только вы можете помочь нам в одном не совсем обычном деле.

— Как говорится, чем смогу... — дядя Федор участливо кивнул. — Да вы проходите, берите стулья, присаживайтесь. Чего с порога-то голосите? Да и я вас лучше видеть буду.

Друзья взяли по стулу, которые тоже являлись частью инвентаря, хранящегося тут, и были аккуратно составлены горкой по углам. Дядя Федор снял очки и приготовился слушать, ожидая, когда молодые люди рассядутся.

— Как я уже говорила, — начала Алина, — дело у нас к вам не совсем обычное. Возможно, вы помните историю пятнадцатилетней давности, когда на кладбище пропали трое детей? — она выжидательно посмотрела на пожилого мужчину.

— О таком захочешь — не забудешь, — тяжело вздохнув, ответил дядя Федор. — Совесть меня тогда совсем замучила. Ведь отчасти по моей вине сгинули тогда малыши, — он сокрушенно покачал головой, — не доглядел. Да и как тут углядишь? Частенько та компания бегала на кладбище. Для них там, как медом намазано было... Пойдите, пойдите... А вы?.. Не те ли вы?..

— Да, — кивнула Алина, — мы те самые дети, что так часто тогда бегали на это кладбище. И те трое были нашими друзьями.

— Вот оно что? — дядя Федор теперь внимательнее стал рассматривать молодых людей. — Нет. Не признал бы, — он улыбнулся. — Повзрослели вы, изменились. Да и подзабыл я вас тогдашних уже. Много времени прошло. Помню только одного, чернявого такого — цыганенка, уж больно песни он красиво пел... Кажется, он как раз и пропал, если мне не изменяет память?

— Да, — грустно промолвила Алина, — он и еще двое, — далее она вкратце рассказала ему о способностях Ивана. Как назначил он встречу всем ровно через пятнадцать лет, как выбор их пал на санаторий «Чародейка», про Зинаиду Сидоровну... Несмотря на краткость, она умудрилась ничего не упустить. Картинка получалась цельная. — Вот мы и хотим, чтобы вы помогли нам разобраться с этим делом, — закончила она.

— Дык, я бы с радостью, но что же я могу? — дядя Федор развел руками. — Знаю-то я не больше вашего. Тогда мне много вопросов задавали, ответов на которые и вовсе не было. Тогда я вообще ничего не понимал, как такое могло случиться, что трое ребятшек пропали бесследно. Теперь, после вашего рассказа, стало понятно, что дело темное, и замешана тут чертовщина какая-то. Злая сила утащила их, но зачем? Вот вопрос...

— Дядя Федор, вы ведь местный житель? — подал голос Иван.

— Родился я в том поселке. Дом у меня по сей день есть, на самой окраине.

Только сейчас я больше времени провожу у дочки в Москве, чем дома.

— А не можете ли вы нам что-нибудь рассказать о таинственном исчезновении молодой девушки несколько сот лет назад? — поспешил продолжить расспрос Иван, пока дядя Федор опять не пустился в описание своего внука. — Знаете ту историю?

— У нас ее все знают, — кивнул старик. — Только вот рассказывать-то нечего. Никаких подробностей нет. Случилось дело ночью, свидетелей не было. А почему она вас интересуется?

— Понимаете, есть у нас предположение, что та история как-то связана с исчезновением наших друзей, — и Иван рассказал ему, как им стало известно об исчезновении девушки. — Вот мы и считаем, что баба Марфа тогда не зря нам ее рассказала.

— Так это она, злодейка, погнала вас на кладбище? — в изумлении всплеснул руками дядя Федор. — Видать, совсем из ума выжила старуха. Прости меня, Господи, — возвел он глаза к небу, — о покойниках плохо не говорят. Но как тут удержаться? Ведь не могла же не догадываться, что заинтересуетесь вы, что попретесь туда. Вообще, надо сказать, суровая она была бабка. Я ее всегда побаивался. Видать, жизнь такой ее сделала. Тайна страшная у нее была. Теперь можно и рассказать, наверное. Поскольку, умерла эта тайна вместе с ней. А тогда она под страхом смерти взяла с меня слово, что молчать буду, никому не скажу, — дядя Федор замолчал, размышляя, можно или нет сейчас, когда человека уже нет в живых, рассказывать его тайну? Все притихли в ожидании продолжения. После нескольких минут размышления, которые показались вечностью, дядя Федор махнул рукой, как бы сдаваясь на волю судьбы. — Проклят род их был, понимаете? — при этих словах Пана вздрогнула и сильно побледнела, вцепившись в руку Ивана. А дядя Федор продолжал, не замечая ее реакции: — Та молодка, что пропала, была дальней родственницей нашей Марфы, родной сестрой ее прапра- не знаю сколько бабки. Так вот, колдунья, что прокляла ее, прокляла и всю ее семью заодно. С того времени по женской линии через поколение молодые девушки, достигшие двадцатипятилетнего возраста, пропадали на том кладбище. Что странно, так это где бы они не находились, в положенное время ноги сами приносили их на кладбище, против воли, понимаете? — Пана уже дрожала всем телом как осиновый лист. Пальцы руки, вцепившейся в запястье Ивана, побелели от напряжения. Но дядя Федор, не замечая ничего вокруг, продолжал повествование: — Последней, кто пропала, была единственная дочка Марфы. Несчастливая девушка... — он сокрушенно покачал головой. — Такая доля выпала. Замуж вышла, дочку родила, да через год мужа потеряла, злодейка болезнь скосила его. А еще через два года и сама сгинула. Марфа тогда сама воспитывала внучку. Но и у той доля не легче выдалась, хоть и не ее очередь была пропадать. Разбились они в автокатастрофе, Марфа рассказывала. И осталась старуха одна на всем белом свете. Вот так. Только, не зря говорят, что нет худа без добра. Проклятие на ней и закончилось. Умерла Марфа — умерло и проклятие.

— Да нет, не умерло, — прошептала Алина.

— Как так? — удивился дядя Федор, ненароком обратив внимание на дрожащую Пану. — Что с тобой, дочка? Напугал я тебя? Вон, трясется вся сидит. Сейчас водички налью, — он подскочил довольно проворно для своего возраста и засуетился, наливая воды из графина, стоящего на стеллаже. Пана, по-

прежнему молча, взяла у него из рук стакан и большими глотками стала пить. Слышно было, как ее зубы постукивают о стеклянные края. — Не бойся. Много лет уже прошло. История та канула в Лету...

— Не канула... — опять сказала Алина. — Девушка эта, — она указала на Пану, — правнучка нашей бабы Марфы. И исходя из вашего повествования, именно ее черед пришел.

В повисшей в комнате тишине слова Алины прозвучали, как приговор. Дядя Федор приоткрыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Иван похлопывал по руке, пытаясь успокоить находящуюся в полубморочном состоянии Пану. Андрей с Виктором, проникшись тяжестью момента, сидели как пришибленные.

— Как же так? — наконец опомнился первым старик. — Как правнучка? Она же никогда не рассказывала... Ах, злодейка!.. — взгляд его в этот момент был полон страха. — Что же она наделала? Зачем она так?.. Я уже ничего не понимаю.

— Так, — произнес Иван, — теперь нужно как следует все обдумать, — он замолчал на мгновение и продолжил: — Тебе, — обратился он к Пана, — она строго настрого запретила приближаться к проклятому месту, утаив всю правду. Раз. Нам она рассказала ту историю в надежде, что мы пойдем на кладбище искать вход в старую его часть. Так? Что мы и сделали. В результате, неизвестно как, но наши друзья пропали. Три. Что же получается?

— А получается ерунда, — закончил Виктор. — В злобной голове старухи может и был какой-то алгоритм, только мы о нем никогда не узнаем.

— Правильно, алгоритм! — воскликнул Иван. — Как я сам не догадался? Баба Марфа знала что-то еще или, быть может, догадывалась о чем-то. Она не могла не знать, что, несмотря на запреты, Пана все равно придет на это место, и случится то, что должно случиться. Значит, запрещая ей даже думать об этом, она особенно не рассчитывала на положительный результат. Так-так... — Иван сжал голову обеими руками, усиленно думая. — Нет, ничего не приходит в голову. Опять информационный ступор. Кстати, — вдруг опомнился он, — вы сказали двадцать пять лет? — обратился он к дяде Федору. Тот лишь молча кивнул седой головой. — Тебе сколько лет? — спросил Иван у Паны.

— Скоро будет двадцать пять, — дрожащим голосом ответила та.

— Как скоро?

— Завтра, — с расширенными от ужаса глазами прошептала она.

Все застыли, как громом пораженные. «Вот и настал наш час! — подумал Андрей. — Надо же, как внезапно. Еще несколько минут назад мы ничего не знали. А сейчас нам нужно торопиться, чтобы успеть подготовиться к завтрашнему дню. Завтра! Почему-то я даже не сомневаюсь, что все произойдет именно завтра». В этот момент он опять почувствовал чье-то присутствие рядом. Словно кто-то хотел поддержать его, подбодрить в трудную минуту. Он взглянул на Алину и понял, что не одинок в своих ощущениях. Девушка выглядела растерянной и взволнованной.

— Значит, завтра? — обратился одновременно ко всем сразу и ни к кому Иван.

— Да, завтра, — ответил за всех Виктор. Вид у него был, как у героя, который готовится совершить самый главный подвиг в своей жизни.

— Завтра? — почти одновременно спросили Алина и Пана.

— Пришла пора действовать, — с видом великого полководца, дающего последние напутствия бойцам перед решающей битвой, ответил им Виктор. Он очень прямо сидел на своем стуле, взгляд был устремлен вдаль и горел каким-то диким желанием действовать.

— Что завтра? — испуганно поинтересовался дядя Федор. — Что вы собираетесь делать?

— Спасибо вам, дядя Федор, за рассказ, — обратился к нему Иван. — Не можете себе представить, насколько ценную информацию мы сегодня получили от вас. Только... Дальше, я считаю, что вам не следует знать о наших планах. Так будет лучше... Для вас лучше. Только еще один вопрос, можно?

Дядя Федор и не думал обижаться. Он и сам полагал, что подробности ему ни к чему. У него своя жизнь, внук. И рисковать всем этим он не собирался. Но ответить на любые вопросы, если это способно помочь, готов.

— Баба Марфа нам рассказывала, что та девушка пропала ночью, ближе к рассвету. Наши друзья пропали тоже утром, но немного позднее, ближе к девяти часам. А про других девушек вы ничего не знаете, в какое время суток это с ними случилось?

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками старик. — И рад бы помочь, да...

На этом они распрощались со старым знакомым. Удалившись на приличное расстояние от «каморки», Иван сказал:

— Думаю, нужно отправляться после завтрака. Если интуиция меня не подводит, то портал будет открыт до обеда. И нам нужно успеть...

— А может, не так, — перебила его Алина. — Если верить тому, что мы сейчас слышали, то ноги Алину должны сами привести к тому месту. Значит, именно в это время мы и должны идти.

— И что ты предлагаешь? — спросил Андрей, заинтересованный подобной мыслью.

— Я предлагаю расплатиться сегодня за проживание, включая этот день. Далее ночевать нам следует где-то в одном номере, — она посмотрела на Пану, как бы извиняясь, — и следить по очереди за Паной. Думаю, нам станет ясно, когда отправляться в путь. Ее поведение подскажет.

— Тогда предлагаю переночевать в нашем номере, — сказал Иван. — Спать будем по очереди. Я имею в виду мужчин. Еще перенесем все вещи и не будем раздеваться. Потому что, как подсказывает мне интуиция, одеваться времени не будет.

— А может, лучше у меня? — предложил Виктор. Ему явно не хотелось расставаться с удобствами и комфортом.

— У тебя может номер и больше, — ответил ему Иван, — но спальное место всего одно, хоть и огромное. У нас же две кровати и диван, который раскладывается. Думаю, все со мной согласны.

Так и решили. Осталось скоротать этот день, который, может быть, станет последним спокойным на ближайшее неопределенное время, и готовиться в путь. Неизвестность пугала и манила одновременно.

Глава 10

Что-то там впереди?

Андрея разбудил протяжно и широко зевающий Виктор: — Вставай, соня! Теперь твоя очередь нести вахту. Если я сейчас не лягу, то, наверное, умру, — сказал он громким шепотом скороговоркой.

Андрей встал, сразу вспомнив все, что произошло накануне. Виктор тут же занял нагретое место. Не успела его голова коснуться подушки, как раздалось равномерное посапывание.

На соседней кровати спал Иван, периодически вздыхая и произнося непонятные фразы. Девушки разместились на диване, в соседней комнате, где и дежурили по очереди молодые люди. Именно из этой комнаты можно покинуть номер.

Андрей расположился в удобном кресле и посмотрел на часы. Два часа ночи. Виктор добросовестно отдежурил два часа. Они решили меняться именно с такой периодичностью. Дольше бодрствовать в темном помещении, без компании, в абсолютной тишине сложно.

Алина спала беспокойно — постоянно ворочалась, вздрагивала. Андрей понял, что она видит очередные сны про детство, как и он. Сегодня ему снилось, что они ездили «на картошку», так они называли сентябрьские каждодневные броски на колхозные поля — убирать картофель. В голове до сих пор крутился ненавязчивый мотивчик песни, которую они громко запевали в автобусе, по пути на поле. Андрей даже слова толком не помнил, а ведь пел ее во сне. Сейчас в памяти был только припев:

*Эх, картошка, картошка,
В кожуре уголек,
Золотистые искры,
Голубой дымок.*

Как же они любили эти поездки! Освобождение от школы на время уборочной. Грязь, пыль. Мальчики и девчонки весело собирали выкопанный картофель в ведра. Бескрайнее поле с грузовиками, куда они вытряхивали ведра. Тяжелый монотонный труд. Но и веселый, одновременно. Везде слышен громкий детский смех, перекрикивания. А после работы — костер, печеный вкуснейший картофель и кувырканье в стогах сена, запах которого остается в памяти на всю жизнь.

Андрей подошел к балконной двери и выглянул на улицу. Из-за расставленных по всему периметру санатория фонарей леса, тянувшегося за забором, не видно совсем. Лишь что-то чернело вдали, пугая таинственностью.

Время тянулось медленно. Спать не хотелось. Как ни странно, двух часов сна оказалось вполне достаточно, чтобы чувствовать себя бодрым. «Когда же это случится? — подумал Андрей, глядя на крепко спящую Пану. Девушка свернулась калачиком и почти с головой укрылась одеялом. Если бы не разметавшиеся по подушке пепельные волосы, то Андрей бы подумал, что это муляж, а не живой человек, так неподвижно она лежала. — И случится ли, вообще?»

В тишину ночи ворвался громкий голос Ивана. Он явно с кем-то ругался во сне. Только звуки слепились в один протяжный, состоящий из нагроможде-

ния гласных и согласных, лишенный смысла. Андрей вздрогнул от неожиданности. Алина проснулась, резко села на диване, уставившись сонными глазами в противоположную стену. Минуту она не двигалась, пока сознание не наполнило просыпающийся мозг. Она тряхнула головой и потерла глаза. Взгляд ее медленно заскользил по комнате, ощупывая предметы, вспоминая их назначение, прогоняя ночной кошмар.

Андрей терпеливо ждал окончательного пробуждения, ни чем не нарушая тишины. Когда взгляд Алины коснулся его, он улыбнулся и прошептал:

— Привет.

— Привет, — ответила она, улыбаясь в ответ. — Который уже час?

— Половина третьего. Я недавно заступил на дежурство, спасая Виктора от неминуемой смерти. А тебя разбудили выкрики Ивана. Он любит поговорить во сне, не стесняясь в выражениях.

— Понятно, — пробормотала Алина, аккуратно выбираясь из-под одеяла, чтобы не разбудить Пану. Хотя ее опасения были напрасны. Судя по всему, сон Паны очень крепкий, от громкого голоса Ивана она даже не пошевелилась.

— Она всегда так крепко спит? — поинтересовался Андрей.

— Да, нет... Обычно просыпается от малейшего шороха, — ответила Алина, тихонько усаживаясь в соседнее кресло.

— Значит, мы не ошиблись, — кивнул он, — все произойдет именно сегодня, — от этих слов оба почувствовали душевный трепет, вызванный неизвестностью. — Тебе опять снился детдом? — через какое-то время спросил Андрей.

— Да. Только сегодня это слабо напоминало реальность, как раньше. Знаешь, так бывает. Тебе снится что-то совсем нестрашное, а просыпаешься в ужасе. Вот у меня именно так. Мне снилось, что я стою у подножья лестницы, ступени которой просто огромные — в человеческий рост, и нет даже намека на перила. А на самом верху... — она замолчала, прерывисто дыша.

— Мишка? — помог ей Андрей. Алина только кивнула, снова переживая ночные видения.

— Я чувствовала... что не смогу добраться до него. А он... он молча улыбался, не делая никаких попыток помочь. Это было страшно! И на этот раз я видела себя взрослой, такой, как сейчас, — она посмотрела на Андрея, передавая ему свое волнение. — Как думаешь, что бы это значило?

— Не знаю, — честно ответил он. — Может, на этот раз, это был просто сон — ночной кошмар? Ведь снилось же тебе что-то подобное и раньше?

— Конечно, — задумчиво ответила она, — снилось.

— Ложись, поспи еще, — предложил Андрей.

— Нет, — Алина тряхнула головой. — Все равно не получится уснуть. Лучше посижу с тобой, покараулю, — улыбнулась она.

Время побежало немного быстрее. Вдвоем было не так скучно. Они беседовали в полголоса, делаясь воспоминаниями. Когда пришло время будить Ивана для смены на посту, Андрей решил этого не делать. Он чувствовал себя бодрым.

— Знаешь, — обратилась к нему Алина, — иногда мне кажется, что все происходит не со мной. Я так привыкла объяснять детям прописные истины, воспитывать их, учить правильно вести себя в любой ситуации. Они даже представить не могут, что в моей жизни все происходит неправильно, как-то напе-

рекосяк. Я ведь образец подражания для них. Знали бы они, чем наполнена моя жизнь, — она запнулась, а потом продолжила: — Хотя, чем она наполнена? Я и сама не знаю. Того, что случилось с нами в детстве, можно считать и не было вовсе. Столько прошло времени! А мы все живем воспоминаниями о тех событиях. Да и как их забудешь, если точно знаешь, что все произошло на самом деле. Я вот все время думаю, что было бы, если бы у них, ты понимаешь, о ком я, были родители? Тогда их, возможно, искали бы более тщательно?

— Не думаю, — медленно ответил Андрей, — куда уже тщательнее? Да и что изменилось бы? Мало мы их искали? И все безрезультатно.

— Может, их уже и нет? — тихо спросила Алина. — И все, что мы делаем, напрасно?

Ответить он не успел. Со стороны дивана раздались шелестящие звуки трения постельного белья. Алина с Андреем замерли, взглядываясь в Пану. Она медленно перевернулась на спину, откинула одеяло и, свесив ноги с дивана, уселась на самом его краешке. Неестественно прямая она смотрела прямо перед собой. Пригладила волосы руками, медленно встала и направилась в сторону шкафа, не обращая ни на кого внимания.

— Пана, Пана, — тихо позвала Алина, очнувшись от оцепенения.

Призыв остался безответным. Пана надела пальто. Андрей велел Алине быстро разбудить Ивана и Виктора, хватать вещи и следовать за ними.

Алина с сонными, растрепанными и ничего не понимающими друзьями нагнали их в конце коридора. Пана шла так быстро, что заторможенные Иван и Виктор едва поспевали за ней. Андрей забрал сумку у Алины. Она же взяла на себя роль страховать Пану от случайного падения. Хотя необходимости в этом не было — из всей пятерки Пана действовала наиболее уверенно. Правда, выглядела при этом не совсем обычно — с фанатичным выражением на лице, делавшим его похожим на маску.

Внизу Андрей немного задержался, прощаясь со сторожем и объясняя ему причину их поспешного отъезда. Официальной версией стало то, что они опаздывают на поезд. Андрей усмехнулся, догоняя друзей, успевших уйти на приличное расстояние. «Мифический поезд, — прокручивал он в уме, — в этом что-то есть. Поезд, который должен умчаться нас в неизвестном направлении». Страха он не испытывал. Только беспокойное чувство тревоги.

Как только они миновали санаторное ограждение и перешли железнодорожные пути, поравнялись с пугающе-темным лесом, вдоль которого им и предстояло двигаться дальше. Алина поняла, что звать Пану бесполезно. Та шла на «автопилоте», не реагируя ни на что вокруг. Ноги сами несли ее в правильном направлении. Времени думать еще о чем-то, кроме тропы под ногами, не оставалось. Ночь стояла на редкость темная. Даже луна спряталась за тучами. Лишь редкие пыльные фонари вдоль железной дороги слегка освещали путь.

Когда санаторий остался далеко позади, Андрей спросил у Ивана:

— Что будем делать? Есть план?

— Главное — не паниковать! На месте сориентируемся. Нужно следить за Паной. Думаю, она найдет путь, — спокойно ответил Иван. В его голосе не было паники, только дыхание слегка сбивалось от быстрой ходьбы.

Преодолев еще небольшой отрезок пути, они различили очертания забо-

ра, за которым начиналось кладбище. Пана уверенно обогнула бетонное ограждение и нырнула в калитку. Вот тут даже самые бесстрашные почувствовали, как екнуло сердце, и кровь быстрее заструилась по жилам. Кроме маленького фонарика над крыльцом домика кладбищенского сторожа, освещающего не больше квадратного метра, все остальное пространство тонуло во мраке. Могильные кресты выныривали из темноты и пугали размытыми очертаниями, искаженными ночью.

Алину била крупная дрожь. Шаги становились все более неуверенными и сбивчивыми. Она с трудом сдерживалась, чтобы не закричать и не убежать обратно. Андрей взял ее под руку и прижал локтем к себе, заставляя двигаться дальше. Нельзя было отставать от Паны, уверенно лавирующей между могилами, следуя одной ей видимым путем. Иван незаметно подцепил краешек рукава ее пальто, чтобы не потерять из виду. Виктор сопел так усиленно, что его слышали остальные. В Андрее проснулась неуместная ирония. Он подумал, что такое громкое дыхание Виктора может разбудить сторожа.

Когда стало казаться, что они никогда не перестанут петлять в темноте, Пана резко остановилась. Андрей схватил ее за вялую руку, которая, однако, покорно осталась лежать в его. Другой рукой он еще крепче прижал к себе Алину. Иван и Виктор проделали то же с другой стороны.

В этот момент луна выглянула из-за туч, освещая тусклым сиянием все вокруг. Странную картину представляли собой пятеро друзей. Повернутые лицом к лесу, во главе с прямой, как натянутая струна, слегка выступающей вперед, Паной, они крепко держались за руки и ждали.

Какое-то время ничего не происходило. Кругом царила звенящая тишина. Ни единый звук не нарушал ее. Пана не двигалась и, казалось, не дышала, словно манекен в магазине.

Постепенно их ноги стала окутывать прохлада, больше напоминающая зимнюю стужу. Что-то белое за клубилось вокруг, поднимаясь все выше и выше. Густой и липкий туман заполнил собой все видимое пространство. Глаза открыты, но они словно слепые. Ничего не разобрать, кроме белого парообразного вещества. Мир перестал существовать. Даже звуки утонули в этом уплотнении, поглотились им, как огромными щупальцами чудовища неестественных размеров.

Андрей чувствовал, как влага начинает проникать в рот, затем в легкие. Дышать становилось все труднее. Слух еще улавливал звуки — дыхание всех пятерых, сливающееся в единое. По цепочке из рук волнами пробегала дрожь.

Постепенно слуха коснулся приглушенный шум. Медленно, но уверенно нарастал шелест. Еще ничего не видно, но уже отчетливо слышались отголоски сражения. Атака и снова затишье, необходимое для передышки. Через несколько секунд вновь натиск, сильнее прежнего.

Все замерли в тесном кольце белых стражников, волнуясь за исход битвы. Едва различимый вначале, звук превратился в завывающий гул. Он то нарастал, то утихал, приближаясь почти вплотную и удаляясь под невидимым напором.

Мощная волна, собранная для последней атаки, вложенная в один сильный удар, едва не опрокинула их навзничь. Живительная прохлада, наполненная энергией, заставила дышать полной грудью. Глаза распахнулись, но яркий свет ослепил. Веки невольно опустились, спасая от ожога чувствитель-

ную роговицу.

Глава 11

Оазис жизни

Практически ослепшие от яркого, пронзительного света, оглушенные силой удара, принесшего с собой затишье, они едва стояли на ногах. Только то, что все крепко держались за руки, не позволило упасть и разметаться на приличное расстояние друг от друга.

Постепенно чувства начали оживать. Запахи! Волнующие запахи жизни коснулись обоняния. Они окружали со всех сторон, проникая в сознание, наполняя тела мощной энергией, делая их окончательно живыми.

Глаза все еще оставались закрытыми. Стоило их чуть-чуть приоткрыть, как ослепляла вспышка чего-то яркого, обжигающего, оставляющего после себя перламутровые вспышки.

— Что это? — неестественно высоким голосом спросил Виктор. — Ответьте мне, что это? Где мы? Почему я ничего не вижу? — нотки паники зазвучали более отчетливо.

— Ты ничего не видишь, потому что глаза твои закрыты, — стараясь говорить как можно спокойнее, хоть и неуверенно, произнесла Алина. — Все так себя чувствуют? — обратилась она к остальным.

— Абсолютно! — успокоил ее Иван. — Пана! — позвал он в следующее мгновение. — Пана! Ты меня слышишь? — он слегка встряхнул ее руку, которую держал в своей.

— Ой, — раздалось слева от него. — Ой, ой, как больно!

— Не открывай глаза, — поздновато предупредил Иван. Пана успела хапнуть порцию болезненной яркости.

— Где мы? — с испугом спросила она. — Я ничего не помню.

— Честно говоря, не уверен, что сам понимаю больше тебя, — усмехнулся Иван. — Но, судя по всему, переход мы все-таки совершили. Только вот куда?

— Ребята! — воскликнула Алина. — Кажется, у меня получается! Попробуйте приоткрыть глаза совсем чуть-чуть. Щель должна быть малюсенькой, чтобы ресницы плотными шторами преграждали доступ свету. Так не больно.

— Точно, — подал голос Андрей. — Только, и видно совсем мало, точнее, почти ничего.

— У меня уже получается открыть их немного сильнее, — призналась Алина. — Боже мой, какой яркий свет! Ничего подобного в жизни не встречала!

Первое, что они увидели — это воздух. Он казался осязаемым и одновременно абсолютно прозрачным. Миллиарды разноцветных вкраплений делали его светящимся. Вот что мешало им открыть глаза! Посмотрев на небо, Андрей увидел неестественно огромный диск солнца, практически закрывавший собой все пространство вокруг. «Это невозможно! — решил он. — Такого солнца не может существовать в природе!» От него и исходило разноцветное сияние, насыщающая воздух собственной жизнью.

— Посмотрите на нас! — воскликнула Алина, когда прошло первое шоковое состояние, и мысли завращались в правильном направлении. — Мы переливаемся!

Андрей окинул взглядом друзей, с трудом оторвавшись от созерцания солнца. Потом в изумлении посмотрел на свои руки. Кожа приобрела перламутро-

вый оттенок. Она переливалась всеми цветами радуги.

— Это невероятно! — прошептал он. — Как такое может быть?

— А это не вредно? — с опаской спросил Виктор. — Мы ничем не заболеем?

— А у тебя есть выбор? — обратилась к нему Алина. — Посмотрите на Пану! И на Ивана! — сказала она в следующее мгновение.

Если кожа Андрея, Виктора и Алины приобрела равномерный перламутровый оттенок, то с Иваном и Паной творилось что-то иное. Складывалось впечатление, что на девушке сосредоточился в основном оранжевый цвет, а Иван приобрел фиолетовую ауру, плавным покрывалом окутавшую его тело. Они смотрели друг на друга, не в силах оторвать взгляд. Оба выглядели настолько экзотично, что троим остальным на какой-то миг стало страшно в их присутствии. В новом облике они были невероятно красивы!

— Что же это такое? — пробормотала Алина, борясь со священным трепетом, поднимающимся в душе. — Где же мы очутились?

Лишь когда Иван, с трудом оторвав взгляд от Паны, посмотрел на остальных и слегка улыбнулся, все с облегчением перевели дух, узнав в нем рассеянного парня, знакомого с детства.

— Да-а-а, ребятки, попали мы... — стараясь казаться веселым, протянул он, — такое даже во сне не может присниться.

Наконец, все они смогли заставить себя осмотреться по сторонам. Довольно большое пространство, со всех сторон окруженное плотным туманом, было покрыто густой растительностью, разного размера и формы, но главное, цвета. Повсюду были краски — буйные и неистовые. Небесно-голубой, солнечно-желтый, сочно-зеленый, ярко-синий... вся палитра была представлена тут. Красота поражала фантастичностью, не верилось, что подобное может существовать в реальности. Хотя, была ли это реальность?

На самом краю сада, прижимаясь задней стеной к туманному образованию, притаился небольшой домик, умело замаскированный зеленью. Они его не сразу обнаружили. Если бы не площадка, вырубленная возле крылечка, от которой вела узенькая тропинка, возможно, они бы еще долго не замечали его. Дом напоминал избушку из сказки, только не деревянную, а из чего-то, похожего на фарфор, перламутровый и гладкий, с причудливым орнаментом под золото.

— Раз есть дом, значит, есть и люди, — рассуждал Андрей, когда все они, не спеша, приближались к строению, опасаясь малейшего подвоха.

— И как вы думаете, кто эти люди? — задал вопрос Виктор.

— Надеюсь, те, кого мы ищем, — ответил ему фиолетовый Иван, который крепко держал за руку оранжевую Пану. Девушка от растерянности не могла произнести ни слова. Она только молча озиралась по сторонам, все время возвращаясь взглядом к Ивану, словно ища у него защиты.

— Ты имеешь в виду?..

Договорить Виктор не успел. Дверь в дом распахнулась, и на крылечко вышел высокий широкоплечий мужчина с русыми длинными волосами. В длинной рубашке без рукавов, подпоясанной широким поясом, с глубоким вырезом на мускулистой груди. На ногах его красовались сандалии со шнуровкой почти до колена. Он казался немного бледным из-за ауры цвета морской волны вокруг него.

Мужчина застыл, в немом удивлении уставившись на друзей, от которых

его отделяло расстояние шагов в десять. Он первым и нарушил молчание:

— Кто вы? И как вы здесь оказались? — произнес он глубоким низким голосом, наполненным спокойствием и проникновенностью. Его глаза успокаивали, на губах появилась мягкая улыбка, как бы призывая оказать встречное доверие, не пугаться.

— Люди, кто же еще? — проворчал Виктор. На него единственного не подействовали положительные флюиды, исходящие от незнакомца. — Мы бы и сами хотели узнать, как оказались здесь.

— Мы не причиним зла, — выступила вперед Алина, загораживая собой Виктора. — Мы ищем своих друзей. Это место... Что это? Мы сами не понимаем, где оказались, и как сюда попали, — она улыбнулась немного натянуто от волнения.

— Это место называется Оазис жизни, — ответил мужчина, — и люди никогда не пересекали его границу. Оно изолировано от всего остального. Оно недосыгаемо. Поэтому я удивлен вашим появлением.

Все время, пока длился диалог, Андрей внимательно рассматривал мужчину. Что-то знакомое было в том, как тот говорил и улыбался. Разрез глаз кого-то напоминал, и манера прищуривать их тоже казалась знакомой. То, что сначала явилось смутной догадкой, постепенно перерастало в уверенность, пока окончательно не убедило его в правоте.

— Кирилл? — тихо спросил он. Мужчина вздрогнул от неожиданности. Он медленно спустился с крылечка и неуверенно приблизился к говорившему.

— Откуда ты знаешь мое человеческое имя? — вопросом на вопрос ответил он, пытливо вглядываясь в глаза Андрея, в которых уже начали разгораться робкие искорки радости и надежды.

У Алины от волнения выступили слезы на глазах. У Виктора непроизвольно нижняя челюсть поползла вниз. А Иван, не скрывая радости, улыбался во всю ширь. Одна Пана продолжала пребывать в растерянности.

— Ты не узнаешь нас? — спросила Алина, улыбаясь и вытирая слезы. — Неужели мы так сильно изменились?

— Не может быть... — потрясенно пробормотал Кирилл, — это невозможно.

— Мы тоже так считали, пока не увидели тебя, — сказал Андрей, шагнув навстречу другу. В следующее мгновение они уже крепко обнимались — одинаково высокие и сильные. Алина, Иван и Виктор подскочили к ним, и теперь они обнимались уже впятером, голоса одновременно. До Паны наконец-то дошел смысл происходящего. Потрясение вылилось в поток слез.

— А где Мишка и Таня? — прерывающимся голосом спросила Алина, когда все нашли в себе силы перестать обниматься.

— Да я как раз и должен сейчас с ними встретиться, — ответил Кирилл. — Они работают. И я уже опаздываю. Если не потороплюсь, то мне влетит, — он весело смотрел на друзей. — Давайте так — вы идите в дом, располагайтесь пока. Через несколько минут мы вернемся. Тогда обо всем и поговорим.

С этими словами он направился к противоположному концу Оазиса и скрылся в густом тумане.

— Ладно, не будем пытаться сейчас во всем разобраться, — подвел итог Андрей. — Все равно не получится. Идемте в дом. Посмотрим, как они тут устроились.

Дом, который снаружи был похож на сказочный терем, внутри выглядел

обыкновенным. Две комнаты, одна из которых, самая большая, служила гостиной, кухня и санузел — на первом этаже и три — на втором, куда вела деревянная винтовая лестница.

— Ну что ж, хоть тут все нормальное, без экзотики, — произнес Виктор, усаживаясь в плетеное кресло. Плетеной была вся мебель в доме, что придавало ему своеобразное очарование. Если не смотреть в окно, где все выглядело далеким от реальности, то можно представить, что находишься внутри дачного домика.

Пана без сил опустилась на диван. От переизбытка эмоций ноги у нее дрожали. Она боялась всего: этого места, доброжелательного Кирилла, радости друзей от встречи с ним и того, что им уготовило будущее. Она чувствовала себя пленницей в лабиринте, из которого нет выхода. Алина, закончив осмотр домика, обратила внимание, что Пана находится на грани нервного срыва.

— Бедняжка, как ты напугана! — воскликнула она, усаживаясь рядом с ней. — Ты вся дрожишь! Что тебя так пугает?

— Не знаю, — пролепетала та, — все!

— Ты боишься, что мы не выберемся отсюда? — догадалась Алина.

— Как бы то ни было, не стоит думать об этом сейчас, — философски изрек Иван. — Нас много, значит, мы обязательно что-нибудь придумаем. В конце концов, мы же нашли их и это место.

— Ну да! Ну да! — ухмыльнулся Виктор. — Только на это ушло ровно пятнадцать лет, — при этих его словах Пана еще сильнее побледнела, а ее серые глаза стали огромными от испуга.

— Знаешь что, щелкопер! — возмутилась Алина. — Если таким образом ты хотел поддержать бедняжку, то получилось у тебя с точностью до наоборот. Думай, когда говоришь!

— Подумаешь, — надулся Виктор, — это всего лишь правда.

— Да перестаньте, вы! — произнес Андрей. — Мы обязательно выберемся отсюда. А пока, пока нам нужно понять, для чего мы здесь оказались, не считая того, чтобы встретить друзей.

Он старался говорить спокойно, но чувство неуверенности и волнение все возрастали. Совсем скоро, через несколько минут, он увидит Таню. Какая она стала? Смогут ли они общаться, как раньше? Вопросы переполняли голову, и ответов на них Андрей не находил. Он посмотрел на Алину и понял, что она не меньше его волнуется и пытается скрыть это от всех. Тень взаимопонимания снова промелькнула между ними. Они одновременно улыбнулись, что больше смахивало на оскал. Это насмешило их против воли. Они дружно расхохотались, чем немало удивили остальных. Со смехом пришло облегчение, словно скинули тяжеленный груз.

— Не поделитесь причиной столь бурной радости? — спросил Виктор. — Мы бы тоже посмеялись.

— Мы нашли их... — не переставая смеяться, ответила Алина. Она бы уже и рада остановиться, да не получалось. Смех перерастал в истерику. Чувства, сдерживаемые столько лет, вырвались наружу. На глазах выступили слезы и потекли неровными ручейками по щекам. — Мы их нашли, — икая, всхлипывала Алина. Ее всю трясло, плечи подрагивали. Андрей подошел и обнял ее, прижав к себе.

— Все, успокойся, — тихо говорил он на самое ухо Алине. — Это все волне-

ние... Скоро все встанет на свои места. Мы их увидим, и все пройдет, — она только молча кивала, уткнувшись в его плечо. Всегда такая сдержанная, серьезная и рассудительная, сейчас она никак не могла с собой справиться, рыдая все сильнее, в голос, не стесняясь.

Как ни странно, но происходящее отрезвило Пану. Она поняла, что тяжело и страшно ни ей одной. Что остальные испытывают не менее противоречивые чувства, возможно даже более сильные, чем она. Иван старался выглядеть бодрым, но желваки на его лице ходили не переставая. Виктор все время потирал руки, которые нещадно потели. Андрей ни на минуту не присел, меря комнату беспокойными шагами.

— Спасибо вам, — тихо произнесла она. Головы друзей, как по команде, повернулись в ее сторону. — Спасибо, что утешали и поддерживали меня, когда вам самим было так тяжело. Я вела себя, как эгоистка, думая только о своих страхах, — стоя посреди комнаты, в ярко-оранжевой ауре, Пана выглядела величественно в этот момент. Все, как загипнотизированные, смотрели на нее. — Я буду стараться не раскисать. И... извините меня, — совсем тихо добавила она.

— Тебе не за что извиняться, — сказал Иван, приближаясь к Пана. — Ты не сделала ничего плохого. Напротив, если бы не ты, то нас бы здесь не было, — он взял ее руку и крепко пожал.

— До сего момента я делала все неосознанно, — твердо ответила она, — больше боялась. В том, что я помогла совершить переход, тоже нет моей заслуги. Это произошло само по себе. Но сейчас... все изменилось. Я поняла, что нужна вам. Обещаю больше не поддаваться слабости и действовать на общее благо. — Иван не выдержал и улыбнулся — Пана выглядела как серьезный ребенок, дающий клятву больше не баловаться.

Глава 12

Непостижимая реальность

«Я что уснул?» — промелькнула мысль в медленно просыпающемся сознании Андрея. Руки, ноги затекли от неудобной позы. Тело съехало во время сна и ломило, стоило ему потянуться в кресле. Окинув взглядом комнату, Андрей убедился, что уснули все пятеро, и после его пробуждения, четверо еще продолжали крепко спать. «Ну и ну! — усмехнулся он. — Пережитый стресс сыграл с нами злую шутку».

Иван привалился к жесткому подлокотнику дивана и крепко спал. Голова Паны покоилась на его плече. Пепельные волосы спадали на лицо девушки, почти полностью скрывая его. С противоположной стороны, свернувшись калачиком, и, положив руки под голову, устроилась Алина. Виктор, как и Андрей, спал в неудобной позе в кресле, вытянув ноги и раскинув руки.

Андрей вздрогнул, услышав голос Кириллы, донесшийся из соседней комнаты, дверь в которую была неплотно прикрыта:

— Я думал, что для вас это будет сюрпризом, а вы все знали... — нотки осуждения отчетливо проскользнули в интонации. — Почему вы скрывали от меня, что следите за их жизнью?

— Понимаешь, — сердце Андрея забилось в два раза быстрее, — мы же не должны были этого делать, — говорил голос из сна. — Это против правил. Мы боялись твоего осуждения. Боялись, что ты запретишь нам это делать.

— Тем более, мы совсем не были уверены, что у них получится проникнуть сюда, — произнес незнакомый мужской голос. — В это до сих пор трудно поверить.

— Получается, что вы все время были рядом с ними, в то время как я ничего о них не знал, — с обидой проговорил Кирилл. — Это нечестно.

— Совсем не все время, — с жаром сказала Таня. Андрей уже не сомневался, что голос принадлежит ей. — Лишь иногда мы себе позволяли приблизиться к ним и только во сне.

«Не только, — подумал Андрей, — ты лукавишь, — он улыбнулся, решив, что никогда и никому не выдаст эту маленькую тайну. — Ты всегда была рядом. Теперь я это точно знаю. Ты следила за моей жизнью, шаг за шагом. Была частью ее». Хотелось встать и побежать туда, но непонятный трепет заставлял сидеть неподвижно. Он и желал и боялся одновременно. Боялся не совладать с эмоциями, которые в настоящий момент достигли пика. Он ощущал каждый нерв, чувствовал степень их натяжения, боялся, что одно неосторожное движение способно порвать эти струны.

— В любом случае, мы не хотели тебя обидеть, — снова произнесла Таня. — Мы и друг другу долго не признавались. Только недавно откровенно поговорили.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками неторопливых шагов по направлению к двери.

— Я посмотрю, может, они уже проснулись, — сказала Таня, нажимая на ручку.

В следующее мгновение дверь потихоньку начала отворяться, пока полностью не открылась. То, что увидел Андрей, заставило его задохнуться от вос-

торга, смешанного с удивлением. Представьте себе удивительно красивую девушку, с пышной гривой из ярко-рыжих локонов, большими голубыми глазами, точеными чертами лица. Фигура поражала абсолютной пропорциональностью форм. На ней была тончайшая туника, доходившая до колен, подпоясанная в талии, подчеркивающая грацию. Миниатюрные ступни обтягивали элегантные кожаные сандалии. Но даже не это поразило Андрея до такой степени. Красивых женщин ему и раньше приходилось встречать. Но ни одна из них не отливала золотом. Таня им светилась вся. Казалось, что этот свет идет изнутри, делая ее невероятно яркой. Голубые глаза, встретившиеся в этот момент с глазами Андрея, насквозь прожгли его золотыми лучами. Он понял, что погиб. Никогда больше он не сможет посмотреть ни на одну другую женщину. Ни одна из них не выдержит сравнения с этой золотой богиней.

Таня улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами, перевела взгляд на диван.

— Проснулись? — весело произнесла она. Андрей оглянулся, наткнувшись на замороженный взгляд Алины. Пана и Иван зашевелились, пробуждаясь от сна. — Рада приветствовать вас в нашем Оазисе жизни... — звук падающего тела заставил ее замолчать и улыбнуться еще шире. Виктор сонно таращился и озирался во все стороны, сидя на полу возле кресла, с которого неожиданно сполз во время сна. — Вить, ты совсем не изменился, — засмеялась Таня, и в миг атмосфера разрядилась. — Такой же смешной!

Сообразив, наконец, что выглядит глупо, Виктор вскочил с пола и вернулся обратно в кресло, не переставая удивленно таращиться на Таню.

— Это всего лишь я — та самая Танюха, которая доставала тебя в детстве, — улыбнулась она ему.

— Ничего себе! — этим восклицанием Виктор отразил чувства их всех. Все они, как один, были шокированы увиденным. — Ты стала... ты стала... просто волшебной!

— Можно я тоже поприветствую друзей? — раздался голос из-за спины Тани, от которого Алина вздрогнула и зарделась. В комнату шагнул коренастый молодой мужчина, состоящий, казалось, из одних мышц. Несмотря на плавность, в каждом его движении угадывалась невероятная мощь и сила. Его аура была пурпурного цвета. Им отливали искрящиеся смехом и лукавством черные глаза, блестящие кудри цвета воронового крыла. Смуглая кожа казалась огненно-красной. Подвижная фигура была словно охвачена красным пламенем, которое струилось вдоль тела. — Узнаете цыгана?

Только когда в комнату вошел Кирилл, все немного пришли в себя. Все-таки на фоне Тани и Михаила, он выглядел почти обычно.

— Мы понимаем ваши чувства, — спокойно произнес Кирилл. — Когда-то, много лет назад, увидев себя впервые такими, мы тоже испытали шок. Но, поверьте, к этому быстро привыкаешь и перестаешь обращать внимание. Вы тоже привыкнете.

— Но... почему... почему вы, да и мы выглядим так? — спросил Виктор, у которого пока одного получалось говорить.

— Вы все узнаете, — успокоила их Таня. — Мы расскажем обо всем, что знаем сами. Только это длинная история. Предлагаю разместиться поудобнее, перекусить и обо всем поговорить, — она двинулась в сторону кухни, приглашая всех за собой. — Как на счет жареной курицы и отварного картофеля? — обра-

тилась она к друзьям, когда они рассаживались за круглым плетеным столом, явно не рассчитанным на такое количество людей.

Получив молчаливое согласие, Таня достала из шкафа что-то похожее не на курицу, а, скорее, на какие-то гигантские плоды чего-то. Разместив все это на блюде, она поставила его в микроволновую печь и объяснила:

— Как видите, у нас тут есть все блага цивилизации. С этого и начнем экскурс в нашу жизнь, которая вам кажется необычной, а для нас стала привычной за много лет. Мы здесь ничего не готовим. Все, что нужно, растет на деревьях. Достаточно просто сорвать плод и разогреть его, как я это делаю сейчас. Не думайте, что мы какие-нибудь лентяи, — пояснила она, увидев удивленные лица. — Просто, отчасти мы не принадлежим самим себе. В любой момент нас могут потребовать, и... в общем, так гораздо удобнее, — закончила она, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

— Да, мы такие, — весело проговорил Михаил, расставляя обычные керамические тарелки перед каждым. — Еще, мы не моем посуду. Для этого у нас служит вон тот агрегат, — он указал рукой в угол кухни, где стояла большая посудомоечная машина. — Сами мы только убираемся и то редко. Пыли у нас нет.

Кирилл молча сидел за столом, внимательно разглядывая друзей детства и думая о чем-то своем. Его взгляд время от времени останавливался на Пане, от чего той становилось неудобно. Смотреть на этого неестественно бледного мужчину было страшновато, особенно, когда он так внимательно ее разглядывал.

Таня колдовала над вторым блюдом, раскладывая на нем плоды гораздо меньшего размера, чем первые. Без труда можно было догадаться, что это картофель, он почти не отличался от обыкновенного.

— Ну вот, можно приступать к еде, — дала команду хозяйка, когда стол был полностью сервирован, и у каждого на тарелке дымилось по половине большого плода с мякотью в виде мяса жареной курицы, источающей вполне натуральный аромат, и по несколько картофелин с полопавшейся кое-где кожей.

Несмотря на радость от встречи, атмосфера в кухне царил натянута. Пятеро прибывших молчали, в ожидании повествования. По какой-то причине хозяева не спешили его начинать.

— Думаю, пора начать, — Кирилл отложил приборы и посмотрел на всех по очереди. — Я медлил из-за того, что обдумывал, с чего начать лучше всего. Но с чего бы я не начал, хочу предупредить, услышанное покажется вам невероятным. Постарайтесь принять это, как факт, не пытайтесь понять, — он на мгновение замолчал, затем продолжил: — Я не очень хороший рассказчик. Поэтому, если будет что-то непонятно, спрашивайте.

Так вот, речь пойдет о смерти, вернее, о том, что так называется. Как мы все знаем, человек состоит из двух оболочек: телесной и духовной. Если про первую нам известно много, то про вторую не знаем почти ничего. Существует масса предположений и догадок, но все они далеки от истины. Душа — это некая субстанция, которая вечна. Покидая человеческое тело, она вселяется в другое. Этот процесс повторяется. Таким образом, душа все время циркулирует в духовной бесконечности. Она вечна, живет вне времени и пространства. Человеческое тело служит всего лишь временным пристанищем, средством ее общения с окружающим миром.

Теперь переходим к самому главному. Как все происходит? Куда девается душа, покидая тело? И это для вас окажется самым непостижимым. Все происходит во сне. Человеческий сон является первоисточником зарождения новой жизни. В глубокой древности люди были наиболее близки к разгадке тайны перерождения. Увы, с развитием они все дальше и дальше отходили от истины. В древних культурах существовали разнообразные божества, покровительствовавшие сну: в греческой — Гипнос, в римской — Сомнус. Бог сна считался братом смерти и оба они считались сыновьями богини ночи.

Ученые неплохо поработали, выясняя природу сна. Они разбили сон на фазы. Есть фаза быстрого сна, во время которой человек чаще всего видит сновидения. В этой фазе еще наблюдается быстрое движение глаз. Остальные стадии, а их всего четыре, называют медленным сном. Наиболее глубокий и крепкий сон, когда человека труднее всего разбудить, в четвертой стадии. В этот момент замедляются все процессы в организме, падает мышечный тонус, снижается температура тела и головного мозга, частота сердечных сокращений и дыхания.

Фазы сна в течение ночи сменяют одна другую несколько раз. Если быть точным, то каждая фаза может повторяться до пяти раз. Но нас интересует только четвертая фаза в начале ночи, между двенадцатью и часом. Именно в этот период душа покидает тело и возрождается в другом мире, в другом теле. Она живет положенный ей срок. В тот самый момент, который люди называют смертью, она покидает отслужившее ей тело и возвращается к спящему хозяину. Далее, как отражение прожитой жизни, человек видит сон. Отсюда природа сна, непостижимая для человека. То, что нам снится, на самом деле является повторением отдельных, самых ярких, фрагментов жизни души.

Просыпаясь, человек продолжает жить, позволяя душе проживать бесчисленное количество жизней от ночи к ночи. А умирая, отпускает душу в другой мир, в тело спящего человека, которого она покинула на время короткой ночи.

— Постой, постой, — воскликнул Виктор, — я совсем запутался. Получается, пока мы спим, душа живет где-то в другом месте. Одновременно, она живет в нас, пока спит человек, в котором она живет... Ничего не понимаю, — он потряс головой, взглядом ища поддержку, но остальные потрясенно молчали.

— Я же предупреждал, не пытаться постичь непостижимое. Это нужно просто принять, как истину, — Кирилл вздохнул. — Хотя, о чем я говорю? Нам потребовались годы, чтобы перестать удивляться. Но у вас есть преимущество — мы! Мы будем объяснять и направлять ваши мысли в нужное русло. Нам приходилось почти все постигать самим. Процесс, про который я рассказываю, бесконечен. Никто не знает, где его начало, и что является концом. Возможно, это известно душе, но нам про это ничего не известно. Знаем только, что душа не стареет и не изнашивается. Она ненасытна. Ее предел — вечность. Она постоянно циркулирует от мира к миру, встречая на пути такие же души. Это напоминает структуру клетки, помните, из биологии: ядром служит бесконечное наслаивание человеческих миров, вокруг которых находится духовная субстанция, наполненная душами.

— Получается, что с самого момента рождения, каждую ночь душа проживает по одной жизни? — потрясенно спросила Алина. — Сколько же их у нее?

— Не с самого рождения, — ответил Михаил, задорно улыбнувшись ей. — У

малышей редко бывает четвертая стадия сна. Их сон часто прерывается пробуждениями. Поэтому, как правило, душа не покидает тело младенца. Так же у стариков. Они меньше спят, чаще просыпаются. У многих четвертой стадии вообще не бывает. Так что бери молодой и средний возраст. Но в одном ты права, это происходит бесчисленное количество раз.

— А как насчет тех, кто страдает бессонницей? — скептически поинтересовался Виктор. Было заметно, что он отказывается верить в правдивость сказанного, ищет, к чему можно придраться.

— Хороший вопрос, — улыбнулся Кирилл, не обращая внимания на ворчливые нотки в голосе Виктора. — Люди, которые страдают бессонницей, заставляют душу томиться в их теле, лишая ее возможности подпитки. Тогда она, в свою очередь, начинает мстить. У таких людей наблюдаются расстройства мышления и восприятия действительности, подобное шизофрении.

— А состояние комы? — не унимался Виктор. — Это что, душа отправляется в кругосветное путешествие?

— Нет, — рассмеялся Кирилл, — ты точно не изменился. Как был Фомой неверующим, так им и остался. Кома, наркоз, спячка или гипноз — это сноподобные состояния, которые наступают под воздействием внешних факторов. Во время них душа не покидает тело. Лишь сон, вызванный внутренними потребностями, с сохранением способности к пробуждению, является необходимым условием, для переселения души.

— Но это нарушает все законы времени и теории относительности, — нарушил молчание Андрей.

— Поймите вы, наконец, мы говорим о специфической субстанции. Там не существует законов времени. Ее невозможно увидеть и потрогать руками. Ее можно только представить в своем воображении. Можно сказать, что это то, что находится за гранью понимания, — пытался внушить Кирилл. — Там царят свои законы, о которых даже мы знаем ничтожно мало.

— Удивительно, — прошептала Алина. — Значит, правы те, кто в первую очередь заботятся о душе, забывая о теле. Она является хозяином всего.

— Наверное, — кивнул Кирилл. — Если это делается осознанно, а не под воздействием религиозных внушений.

— Значит, умирая, человек ничего не чувствует? — поинтересовался Виктор.

— Напротив, он чувствует все: как душа отделяется от тела, как находится между мирами. Но, возвращаясь в привычный мир, пробуждаясь от сна, он все забывает и продолжает жить в неведении.

— И никакого загробного мира не существует? — продолжал Виктор. Он уже полностью освоился в новой обстановке, сделавшись самим собой, ничего не стесняясь.

— Смотря что вкладывать в это понятие, — терпению Кирилла можно было позавидовать. Даже Андрею уже хотелось заехать Виктору по физиономии. Что говорить про Алину, которая свирепо смотрела на него, чем вызывала веселый смех у Михаила. Только Пана продолжала молчать. Похоже, она больше всех была шокирована рассказом. Иван с опаской поглядывал на нее, боясь очередного взрыва эмоций. — С одной стороны, это и есть загробный мир. Может быть, он есть где-то еще, но мы об этом не знаем. Я уже сказал, что у этой истории нет начала и конца. Вернее, он есть, но мы его не знаем.

Андрей посмотрел на Таню и не поверил своим глазам. Она прямо горела золотом и становилась с каждой минутой все ярче и ярче. Аура Михаила тоже стала более насыщенной.

— Пора работать, — обратилась Таня к Кириллу, виновато взглянув на Андрея.

— Да, идите, — кивнул он, — я догоню вас через несколько минут. Вам еще много предстоит узнать, о многом услышать, — обратился он к остальным, когда двое покинули компанию. — Сейчас уже поздно. Нам нужно работать, а вам лучше отдохнуть. Продолжим разговор завтра.

— Но спать еще рано! — удивилась Алина. — Солнце еще высоко и светит ярко.

— Это будет для вас очередной неожиданностью, — весело ответил Кирилл. — Это солнце светит, пока мы его не выключим, что я сейчас и собираюсь сделать.

Кирилл направился к выходу, остальные, как загипнотизированные, последовали за ним. Выйдя за дверь, Кирилл нажал на тумблер выключателя, что находился на наружной стене дома. Тут же вместо солнца на небе засияла луна, намного меньше первого, но все же неестественно больших размеров.

— Поймите основное, — пояснил он напоследок, перед тем, как удалился в туман, — этот мир создан специально для нас. Тут все устроено так, как мы того хотим.

С наступлением темноты появилась и потребность в сне. Все зашли в дом, кроме Андрея, все продолжавшего смотреть на луну, не в силах отвести взгляда. Он думал о Тане, о том, какая она стала.

«Вот и пришла в твою жизнь любовь, — невесело усмехнулся. Он точно знал, как называется чувство, что испытывал. — Но что она принесет тебе? Почему-то счастливым я себя не чувствую. Оказавшись рядом с ней, я как будто еще больше отдалился. Она... она... — он пытался найти подходящее определение. — Она стала неприступной. Как будто предупреждает меня держаться на расстоянии. А я боюсь ослепнуть. Все время хочу смотреть на нее и не могу этого делать без боли в душе. Что же будет дальше?»

С трудом заставил себя не думать об этом и вернуться в дом. Подходя к лестнице на второй этаж, услышал приглушенные рыдания, доносящиеся из кухни. Алина сидела за столом и горько плакала, уткнувшись в ладони.

— Что случилось? — Андрей дотронулся до ее плеча.

Алина вздрогнула и посмотрела на него заплаканными глазами:

— Он даже не обнял меня, — всхлипнула она, — не подошел, не протянул руку для приветствия. Такое впечатление, что он специально держит меня на расстоянии.

— Не только он, — грустно кивнул Андрей, почувствовав всю глубину ее отчаяния. — Таня тоже так себя ведет. Ты заметила, что они не дотронулись ни до одного из нас? Наверное, этому есть объяснение, и мы скоро все узнаем. Но... я понимаю тебя. Мне тоже тяжело, — тихо закончил он.

— Если мне нельзя к нему прикоснуться, то я не хочу быть здесь, — в отчаянии заломив руки, промолвила она. — Лучше жить воспоминаниями, чем видеть его и не сметь приблизиться.

— Давай подождем до завтра, — предложил Андрей. — Не уверен, что нам станет легче, но, думаю, что правду мы услышим. А теперь пойдем спать.

Глава 13

Источник жизни

Глубокий, чистый сон, не нарушаемый ни единым звуком. Без видений и навязчивых мыслей. Сон, пробуждаясь от которого, мгновенно восстанавливаешь картинку предыдущего дня. Именно так чувствовал себя Андрей, проснувшись от ласкового прикосновения теплых лучей огромного солнца. Они скользили по лицу, мебели, раскрашивая перламутром все, до чего дотрагивались. Воздух звенел тишиной без птичьей переклички, шелеста ветра в кронах деревьев, шуршания земли под ногами прохожих. Единственными звуками были редкие приглушенные позвякивания посуды, доносящиеся с первого этажа.

Кирилл и Ивана, с которыми он делил спальню, уже не было. Вернее, на счет Кирилла, неясным оставалось, спал ли он вообще этой ночью. Вчера, едва коснувшись подушки, Андрей провалился в крепкий сон, как после продолжительного бодрствования. Он посмотрел на часы. Минутная стрелка замерла на самой нижней отметке, а стрелка покороче покоилась между четырьмя и пятью часами. «Забыл совсем! — подумал он, тряхнув запястьем. — Часы остановились вчера в момент перехода. Наверное, что-то случилось с батареей. Вряд ли ее можно починить тут».

Свесив ноги с кровати, Андрей заметил бежевую тунику, аккуратно разложенную на плетеном кресле. Сверху лежал небольшой лист бумаги. «Советую тебе надеть это, — было выведено красивым женским почерком. — В любой другой одежде тебе будет неудобно. Температура воздуха тут подобрана под наши наряды». Больше ни слова. «Не густо, — подумал Андрей, догадавшись, что почерк принадлежит Татьяне, — просто и достаточно сурово».

Облачившись в тунику и не имея возможности увидеть свое отражение из-за отсутствия зеркала, он направился к лестнице. «Выгляжу, наверное, как клоун», — невесело усмехнулся, потуже затягивая пояс. Уже начав спускаться, он услышал голос Алины за спиной:

— Андрюш, стой... — оглянувшись, увидел, что она неуверенно стоит на верху лестницы, одетая в такую же тунику. Трепетными пальцами, тербит полы экзотической одежды, пытаясь расправить складки возле пояса. — Скажи мне, как я выгляжу? — отчаянно покраснев, с мучительными нотками в голосе спросила она.

— Выглядишь замечательно! — не покривив душой, успокоил ее Андрей. Бледно-розовый цвет очень шел Алине, оттеняя белизну кожи.

— Мне совершенно нечего надеть на ноги, — смущенно добавила она, опустив взгляд на босые ступни. — Мои ботинки сюда не подходят.

— Я тоже босиком, — улыбнулся Андрей. — Хотел было натянуть носки, но потом решил, что это уж чересчур... — пошутил он. — Думаю, что не замерзнем. Здесь очень комфортно. Я не чувствую ни жары, ни холода.

— Я тоже, — с облегчением вздохнула она.

Все были в сборе, когда Андрей с Алиной вошли в кухню. Не хватало только Виктора. Таня суежилась, накрывая на стол. Остальные тихо о чем-то беседовали.

— Ну вот, в нашем босом полку пополнение! — весело воскликнул Иван,

приветствуя вновь вошедших. Он забавно выглядел в тунике, с ежиком волос и в очках. Пана старательно прятала ноги под стулом, не в силах справиться с природной стеснительностью.

— После завтрака мы обязательно подберем вам обувь, — сказал Кирилл, приветливо всем кивая. — Эта маленькая деталь не пришла нам в головы раньше.

— Завтрак готов, — объявила Таня, — двигайтесь к столу.

— А сколько сейчас времени? — поинтересовался Андрей, пробуя что-то отдаленно напоминающее йогурт. — Я не нашел ни одних часов.

— И не найдешь, — спокойно ответил Кирилл. — Здесь нет времени. Мы встаем, пробуждаясь от сна, и ложимся спать, когда испытываем в этом потребность.

— Как так? Вы никогда не интересуетесь временем?

— Оазис жизни находится в нематериальном пространстве. Наверное, вчера я недостаточно понятно объяснил это, — продолжал Кирилл. — Это пространство души, то место, где она обитает, покидая тело. Время здесь не властно. Его просто нет. Это мир нашего воображения.

— А мы в нем материальны? — спросила Алина.

— Только мы и то, что окружает нас, является материей. Дальше начинается духовная субстанция. Это трудно понять, опираясь на полученные ранее знания. Нам, в этом плане, было легче. Детский ум открыт для восприятия необъяснимого. Мы просто приняли это, не пытаюсь понять. Постарайтесь сделать тоже самое.

— Значит, вы не знаете, какой сейчас год, сколько вам лет? Не отмечаете свои дни рождения, другие праздники? Время для вас остановилось? — с ужасом в голосе спросила Алина.

— Совершенно верно! — ответил Кирилл, строго посмотрев на Таню и Михаила, от чего те поспешно опустили глаза. Андрей догадался о причине такого поведения — они то точно все знали, поскольку регулярно наведывались в один из человеческих миров.

— Но... сколько же это может длиться? — пролепетала Пана, и это были ее первые слова с момента встречи.

— Это длится вечность, как и все, что здесь существует, — ответ прозвучал, как приговор. — Лучше вам узнать всю правду сразу, чем тешить себя призрачными иллюзиями. Для нас до сих пор остается загадкой, как вы могли сюда проникнуть. Это против всех правил. И выбраться отсюда невозможно.

— А для чего вы здесь? — немного осмелев, спросила Пана. — Какова ваша роль?

В этот момент дверь в кухню распахнулась и вошел зевающий Виктор. При одном взгляде на него, все покатались со смеху. Одетый в уже традиционную тунуку, он умудрился натянуть носки и обувь щегольские лакированные ботинки. Ну, точно, Буратино! Не хватало только длинного острого носа и букваря под мышкой. Даже взъерошенные со сна волосы отлично дополняли образ.

— И чего вы ржете? — возмутился он. — Не расхаживать же мне босиком! — тут он осекся, уставившись на четыре пары ног, выглядывавших из-под стульев. — Ну... это лишь доказывает, что я предусмотрительней вас, — быстро нашелся с ответом Виктор.

Когда равновесие было восстановлено, и Виктор присоединился ко всем за

столом, Кирилл продолжил с ответа на вопрос Паны:

— То, что я рассказывал вчера, о переселениях души, относится только к тем случаям, когда человек естественно умирает — от старости или от продолжительной болезни. В этом случае душа без труда находит свой путь. Но если смерть наступает внезапно, то душа рискует затеряться в бесконечности. Вот тут наступает наша очередь помочь, направить ее. Мы — координаторы душ.

— А не слишком ли вас мало на такое бесчисленное количество душ и миров? — спросил Андрей. — Я имею в виду, как вы со всем этим справляетесь? — спохватился он, решив, что вопрос прозвучал невежливо.

— Нас больше, чем вы можете себе представить, — с улыбкой ответил Кирилл. — Таких островков, как Оазис жизни, великое множество. Везде трудятся люди. За каждым закреплена определенная область духовного пространства.

— И все эти люди считаются без вести пропавшими в их мирах, как вы? — спросила Алина.

— Увы, да. Для мира, в котором существовали, эти люди потеряны навсегда, как мы, — ответил Кирилл, и в глазах его мелькнуло сочувствие.

— Может, теперь вы нам расскажете, почему мы все пестрые, как попугаи? — прогнусавил с полным ртом Виктор, с аппетитом поглощая завтрак.

— А вот это, пожалуй, самое интересное. Мы удивлены не меньше вас. Оазис жизни гораздо более материален, чем тот мир, откуда мы все пришли. Можно сказать, что он совершенен. Цвет здесь играет важную роль, как осознанное зрительное ощущение. В том мире, который для вас более привычен, тоже много цвета. Он часть жизни. Мир без красок — это мертвый мир. Но там вы не обращаете на него внимания, принимая как должное. У нас же цвет служит средством общения, он пробуждает эмоции. Здесь все живое. Посмотрите на солнце, — Кирилл указал на огромный желтый диск, хорошо видимый через окно, — его пламя зажигает свет, который, в свою очередь, порождает цвет. Любая форма приобретает особый смысл благодаря цвету. Не знаю, понятно ли вам все это? В любом случае, вы полюбите цвет, привыкнете к нему. Он раскроет вам красоту и внутреннюю сущность всего.

— Мы поняли, поняли, что цвет тут самый главный, — сказал Виктор, справившись с очередной порцией завтрака. — Но почему мы все разные? Ты, например, почему такой голубой?

— Не голубой, а цвета морской волны, — уточнила Таня.

— Не вижу разницы, — упрямылся Виктор.

— Кирилл — Сортировщик, так мы его называем, — улыбнулась Таня, отчего засверкала еще ярче. — Его цвет внушает мир, спокойствие, гармонию, доверие, безопасность...

— Извини, — перебил Кирилл Татьяну. — Наша окраска напрямую связана с работой. У каждого из нас своя функция. Таня, получив сигнал, отправляется на поиски затерявшейся души. Поэтому она золотая. Ее аура внушает почет и уважение, пробуждает хорошие качества. Мы называем ее Посланицей. Она притягивает к себе душу. Дальше наступает моя очередь. Я определяю место этой душе, где находится ее хозяин. А Михаил, которого мы зовем Провожатый, отводит душу к хозяину. Поэтому он пурпурный, как отражение духовности, благородства, мудрости. Это цвет церемонии и твердости, поскольку душу трудно удержать. За время блуждания в пространстве ей начинает нравиться

такое положение вещей, и она не очень-то стремится найти хозяина, — улыбнулся Кирилл. — Пурпур и золото — самые гармоничные цвета.

— С вами все ясно, — грубовато хихикнул Виктор, заслужив яростный взгляд Алины. — А теперь расскажите про нас.

— Я к этому и подвожу, — спокойно ответил Кирилл. Похоже, ничто не способно было нарушить его душевное равновесие. — Алина, Андрей и ты, Виктор, — вы просто люди с разными характерами и наклонностями, с ярко выраженными эмоциями, с различной степенью заинтересованности в окружающих вас предметах и людях. Поэтому вы отливаете перламутром, который заключает в себе все цвета одновременно. Большинство людей, которым не отведена особая роль, окрашены именно так. А вот Пана и Иван для нас являются загадкой, — он посмотрел на парня с девушкой, аура которых в этот момент стала более насыщенной. — Тут я должен сделать отступление, чтобы вам стало понятнее. Дело в том, что помимо вот таких островков, как наш, существуют еще два больших материальных мира. В них тоже живут люди, души которых никогда не покидают своих хозяев.

В одном мире живут удивительные, светлые души, способные творить только добро. Этот мир красив и счастлив. Мы видели его своими глазами, поскольку нам разрешено там бывать...

— Понятно, мир святош, — не удержался Виктор, — а что с другим?

— Да хватит уже! — цыкнула на него Алина. — Не мешай Кириллу рассказывать.

— Подумаешь, — пробубнил Виктор, рассмешив Михаила. — Что я должен молчать, как осел?

— Молчат рыбы, — не переставал смеяться Михаил, напомнив всем, каким он был в детстве, — а ослы делают иа-иа... ха-ха-ха...

— Ну, рыба... Какая разница? — не унимался Виктор. — Знаете же, не могу молчать!

— Помним, помним, — улыбаясь, сказала Таня. — Ты и раньше был таким — вечно бурчащим пацаном.

— Может дослушаем до конца? — спросила Алина, когда все перестали смеяться.

— Собственно говоря, уже осталось чуть-чуть, — ответил Кирилл. — Так вот, есть еще и другой мир. Мы называем его темным, поскольку живут там заблудшие души. Мы с Таней там не были. Михаил был... — он посмотрел на него, намекая на продолжение.

— Да, был один раз, — заговорил Михаил. — Пришлось туда отправиться по работе. И, честно говоря, одного раза хватило. По своей воле я туда больше не пойду. Более мрачного и страшного места нет, говорю вам с уверенностью.

— А какое отношение все это имеет к нам? — спросил Иван.

— Самое непосредственное, как мы думаем, — продолжил Кирилл. — Дело в том, что у Паны оранжевая аура. Такими могут быть только люди светлого мира. Это самый динамичный и веселый цвет. Он рождает чувство благополучия и счастья. А ты... — он посмотрел на Ивана. — У тебя аура людей из темного мира. Там все окрашено в оттенки фиолетового, серого, черного... как нечто погашенное, печальное. Нормальному человеку там все действует на психику, создает иллюзию одиночества. Пана — Избранная, а ты — Чужой. Мне очень жаль, что приходится говорить это.

— Не может быть! — заговорили почти все одновременно.

— Нам бы тоже хотелось, чтобы все это было неправдой, — поднял руку Кирилл, — но факты говорят за себя.

«От обилия подобной информации можно сойти с ума, — подумал Андрей, запуская пальцы в волосы, как он всегда делал в минуты растерянности. — Ну, на что это похоже? Все перевернуто с ног на голову! Такое впечатление, что все вокруг ненормальные, — он встретился глазами с Татьяной, взгляд которой был полон грусти и сочувствия. Она как будто просила прощения за что-то. — Вот, и она смотрит не так... В чем она провинилась? Почему это должно было произойти именно с нами?» Он понимал, что задавать себе такие вопросы бессмысленно, но они сами лезли в голову. Именно сейчас ему захотелось спокойной жизни, рядом с любимой женщиной, без таинственности и сверхъестественности.

— Послушайте! — голос Алины ворвался в общий гомон, в надежде привлечь внимание. — Послушайте все! — глаза говорящих не сразу обратились в ее сторону. — Есть еще одна вещь, о которой мы не рассказали. Это касается Паны... — она поведала историю девушки, стараясь ничего не упустить.

— Это многое объясняет, — вновь заговорил Кирилл. — Теперь мы знаем точно, что Пана — Избранная. Те, на ком лежит родовое проклятие, однозначно попадают в светлый мир, возрождаясь к вечной жизни. А вот те, кто накладывают эти заклятья, умирая, попадают в темный мир, чтобы вечно мучиться. Но причем тут Иван? Мы же знаем его с детства. Лучшего человека трудно найти. Почему он выглядит, как Чужой?

— Я, вот, тут думала... — промолвила Таня, — как случилось, что они оказались здесь? Теперь, я почти уверена, что произошло это благодаря наложению сил добра и зла. Отсюда и длительность перехода, которого либо вообще не должно было быть, либо он произошел бы мгновенно. Это была борьба двух сил, которая и забросила всех сюда. Если бы не сила Ивана, Пана однозначно оказалась бы в светлом мире, минуя Оазис жизни...

— А мы бы так и остались на кладбище, — закончил за нее Андрей.

— Да, похоже на правду, — кивнул Кирилл. — Но даже это не объясняет, почему Иван такой. Ладно, выясним. А теперь... есть еще одна вещь, о которой вам нужно знать, — он ненадолго задумался. — Ауры Тани и Михаила настроены очень чувствительно. Они улавливают малейшие сигналы, излучаемые затерянными душами. Да вы и сами, наверное, заметили, что они отличаются от всех нас яркостью и насыщенностью. Так вот, запомните, к ним нельзя прикасаться ни в коем случае. Иначе ваша телесная оболочка мгновенно превратится в прах, а душа станет одной из тех, что мы занимаемся, — он улыбнулся, хоть и получилось это у него грустно.

— Вот, значит, чем объясняется ваша холодность? — проговорил Иван. — А мы думали, что вы нас совсем забыли, отдалились что ли. А ты не такой, да? — обратился он к Кириллу.

— Я для вас не опасен, — улыбнулся тот. — Я действую на месте и по обстоятельствам. Моя настройка обычная, как у всех вас.

Андрей знал точно, что как минимум двое из присутствующих чувствуют себя сейчас глубоко несчастными. Он посмотрел на Алину, глаза которой были полны невыплаканных слез. Не в силах больше сдерживаться, она выбежала из кухни. Михаил только грустно посмотрел ей в след. Таня убирала посуду

со стола, избегая смотреть на кого-либо.

«Вот так рушатся надежды, — подумал Андрей. — Найти ее и не сметь коснуться. Какой-то замкнутый круг, череда неудач». Он тихонько встал и вышел на крылечко, вслед за Алиной. В данный момент он больше всего сожалел, что родился мужчиной, а значит, не может позволить себе плакать, надеясь хоть на минутное облегчение.

Глава 14

Исчезновение Паны и Ивана

На следующий день Пана и Иван пропали.

Проснувшись утром, Андрей застал дома только Алину и Виктора.

— С пробуждением, соня, — поприветствовала Алина, когда он переступил порог гостиной. Виктор листал какую-то толстую книгу, и вид у него, при этом, был профессорский. Алина рассматривала вазу на столе, с букетом экзотических цветов. — Что-то ты припозднился, — улыбнулась она. — Если не поторопишься, то кофе, что мы приготовили на всех, совсем остынет, — наличие современной электрокофеварки было еще одним предметом из привычного мира. Как объяснила Таня, запах свежесваренного кофе, напоминал дом. Оставалось непонятным, что она так называла? Если детдом, то там никогда не пахло кофе. Возможно, таким запомнился ей родной дом, где она жила до пяти лет.

— Трудно следить за продолжительностью сна в мире, где нет времени, — сказал Андрей, вернувшись в гостиную с полным бокалом дымящегося напитка. — Тем более что я далеко не последний проснувшийся из всех нас.

— Точно, — отозвался из своего угла Виктор. — Ванька, поди, еще дрыхнет, уткнувшись в подушку?

— Не угадал, — ответил Андрей, — его кровать пуста, правда, еще не застелена.

— Видно, наш аккуратист куда-то спешил, — ухмыльнулся Виктор, — раз даже постель не заправил.

— Пана тоже уже встала, — удивленно произнесла Алина, посмотрев на остальных. — И ее постель тоже разобрана. Но здесь их не было. Я проснулась очень рано.

— Значит, наши голубки договорились погулять в саду. У них свиданка, — ни один Виктор заметил, что между Иваном и Паной в последнее время зарождается чувство. Но только он один позволял себе комментарии в их адрес.

— Возможно, они оба в саду, — предположил Андрей. — Как думаете, не стоит их проведать?

— Что они, дети малые? Есть захотят, сами придут, — пробурчал Виктор, опять уткнувшись в книгу.

Прошло еще какое-то время, но Пана с Иваном так и не появились.

— Думаю, пора их позвать, — предложила Алина. — Пусть позавтракают, а потом уж гуляют, — ее привычка все делать правильно не изменялась с годами. Кроме того, она верила, что обязана подавать пример, раз работает педагогом.

Она скрылась за дверью и отсутствовала довольно долго. Когда вернулась, вид у нее был растерянный и немного испуганный.

— Их нигде нет. Я обошла весь сад, заглянула под каждый куст. Ничего, — она вопросительно смотрела на Андрея, как будто он один мог знать, куда подевались Пана и Иван.

— А кто-нибудь из вас видел, как уходили Кирилл, Таня и Михаил? — спросил он в свою очередь.

— Я встала первая, но их уже не было.

— Может, они забрали наших голубков на прогулку среди душ? — размышлял Виктор. Но и за его иронией угадывалось беспокойство.

— Не нравится мне все это, — сказала Алина. — У меня плохие предчувствия.

Им ничего не оставалось, как ждать, теряясь в догадках. Чем бы они не пытались заняться, мысли все время возвращались к Ивану с Паной. А труженики этого мира все не возвращались, отсутствовали они достаточно долго.

— Где же они? — не выдержав, воскликнула Алина. — Пора бы уже вернуться...

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и вошла довольная тройца.

— Что, заждались? — первым заговорил Михаил, потрянув черными кудрями, как делал всегда в детстве. — Задания сыпались одно за другим, не отпуская домой. Но... что с вами? — заметил он следы озабоченности на лицах друзей.

— А Пана и Иван не с вами? — волнуясь все больше, спросила Алина.

— Нет, — ответил Кирилл, — когда мы уходили, все еще спали.

— Тогда... тогда... они пропали, — слабым голосом пролепетала Алина.

Поиски возобновились. Был осмотрен каждый закуток дома. Все, без исключения, искали в саду. Виктор, как ни странно, делал это усерднее всех. Когда выбились из сил, вернулись в дом.

— Они исчезли, — высказал Кирилл мысль, которая вертелась в мозгу каждого.

— Куда? — вид сейчас у Виктора был несколько глуповатый.

— Этого я не знаю, — развел руками Кирилл.

— И что же нам теперь делать? — спросила Алина.

— Искать. Мы будем искать их, пока не найдем, — ответил ей Кирилл.

— Но где и как? — в голосе Алины плескалось отчаяние.

Таня отозвала Кирилла в сторону, и они недолго шепотом совещались. Затем она обратилась к Андрею:

— Ты не составишь мне компанию? — указывая приглашающим жестом на дверь.

Он последовал за ней в сад, теряясь в догадках о причинах столь таинственного поведения.

— Сейчас я хочу проникнуть в ваш мир, — улыбнулась она, остановившись под раскидистым деревом, когда дом практически скрылся из виду. — Только ты знаешь, что я и раньше это делала. Поэтому я не стала остальных посвящать в подробности. То, что я собираюсь сделать, запрещено.

— Ты думаешь, они могли нас бросить? — мысль внезапно озарила Андрея. Он стоял на приличном расстоянии от Тани, но даже так ощущал сильный жар.

— Думаю, у них была такая возможность. Я уже поняла, что их сила, при наложении друг на друга, способна на многое. Нужно проверить. Это не займет много времени.

— А что я должен делать? Пойти с тобой?

— Нет, — она потрянула головой. Вид ее выдавал смущение. — Понимаешь... туда отправится только моя душа. Тело останется здесь, лишившись своей ауры. И если ты хочешь... если ты решишь... — она осеклась, но Андрей и так уже понял ход ее мыслей.

— То есть, я смогу прикоснуться к тебе? — спросил он и заметил, как ярко вспыхнул румянец на щеках девушки. Даже золотая аура не смогла его замаскировать.

— Да, — она опустила глаза, боясь прочесть отказ во взгляде Андрея.

— Я даже надеяться не смел на такое, — тихо проговорил он и встретил взгляд голубых глаз, в которых сейчас плескалась радость.

— Тогда, приступим, — она указала на углубление в стволе дерева, похожее на очертание человеческого тела. — Вод здесь я обычно это делаю.

— А Михаил?

— Ты и про него знаешь? — удивилась она.

— Мне рассказала Алина. Не бойся, это наша общая тайна.

— Нет, у Мишки есть свое дерево, — улыбнулась Таня. — Это мое, личное... Хочу предупредить тебя... Дождись, когда аура исчезнет полностью, прежде чем касаться. И следи, как только я начну светиться, больше не трогай. Иначе...

— Я все понял, — кивнул Андрей.

Таня удобно уселась в углубление в земле, застланное ковром из стелящейся зелени. Прислонилась спиной к стволу дерева, словно дополнила недостающую его часть. Она закрыла глаза, погружаясь в сон. Андрей наблюдал, как постепенно ее аура начинает бледнеть, пока не исчезла совсем. Наконец-то он видел перед собой не золотую богиню, внушающую трепет, а обыкновенную девушку. Ее тело расслабилось, дыхание стало ровным и глубоким. Таня крепко спала.

Андрей подошел ближе и опустился на колени. Он внимательно рассматривал лицо, незнакомое во взрослости и так сильно напоминающее семилетнюю девочку. На нем отчетливо проступили веснушки, не видные за аурой. Он потрогал шелк рыжих локонов, пропустив пряди сквозь пальцы. Каскад свободно падающих волос рождал бурю эмоций, с которыми трудно было справиться.

Андрей взял покорную и теплую руку, ощущая поверхностью ладони гладкость ее кожи. Приглядевшись, заметил, что на руке тоже есть веснушки, но мелкие и рассыпанные не так часто, как по лицу. Как их много! И каждую он любил в отдельности. В эту минуту он забыл обо всем. Губы Тани приоткрылись во сне. Андрей не выдержал и припал к ним в поцелуе, вдыхая ее запах. «Все правильно, — думал он. — Она может пахнуть только так: чем-то родным и знакомым».

Поцеловав спящую девушку, без надежды на ответ, Андрей больше ничего не делал. Он просто сидел и ждал возврата ауры, держа ее за руку. Даже когда волосы Тани начали окрашиваться золотом, он не сразу выпустил руку. Только когда кожу зажгло, он был вынужден это сделать.

С возвращением сияния жар становился все сильнее. Андрей отодвигался все дальше и дальше. Таня открыла глаза и посмотрела на него.

— Ну что? — задал он вопрос, ответ на который его совершенно не интересовал в данный момент.

— Ничего, — еще шире улыбнулась она, — их там нет. Собственно, я так и думала.

— Тогда зачем же ты?.. — начал было Андрей, уже разгадав истинную причину. — Спасибо, — только и сказал он.

— Жаль, что я ничего не чувствовала, — ее взгляд подернулся печалью.

— Мне тоже жаль.

Продолжать разговор было бессмысленно. Оба понимали, что ни к чему это не приведет.

Она молча поднялась и отряхнула тунику. Уже подходя к дому, Андрей понял, что теперь ему еще тяжелее будет держаться от Тани на расстоянии. Дотронувшись один раз до любимой, он постоянно будет испытывать эту тягу, вспоминая ее запах.

— Вижу, поиски не увенчались успехом, — такими словами встретил их Кирилл. — Чего и следовало ожидать. Иван хоть и загадка для нас, но это все тот же. Он не способен бросить или предать.

— Но надо же что-то делать! — умоляюще произнесла Алина.

— Может они, это... затерялись в том самом пространстве? Ну, там, где блуждают души? — предположил Виктор.

— Нет, этого не может быть, — ответил Кирилл. — Человек не может там находиться. Разве что душа. Тогда, где же их тела?

— Сплошные загадки, — в раздражении произнес Виктор, снова утыкаясь в книгу. — Тут их нет, там их нет... Тогда, где?

— На самом деле, выбор не так уж и велик, — ответила вместо Кирилла Тания. — Осталось только два места, где нужно их искать. Это светлый и темный миры.

— Если их забрали миры, то работа нам предстоит тяжелая. Найти там человека, который не должен быть найденным, практически невозможно. Судя по тому, как их забрали, нам будут там не рады, — впервые Кирилл выглядел растерянным.

— Но мы не можем их бросить! — взмолилась Алина.

— Никто и не говорит об этом, — успокоил ее Кирилл, не переставая о чем-то думать. — Нам нужно посоветоваться, — обратился он к Михаилу и Татьяне. — Мы вас оставим ненадолго, — с этими словами все трое вышли из дома и удалились на приличное расстояние. Трое оставшихся могли их видеть, но не слышали ни слова.

— И о чем это они там говорят? — Виктор проворно вскочил с кресла и подбежал к окну, в надежде что-нибудь услышать. — Глухо как в танке, — в раздражении произнес он. — Что за секреты у них могут быть?

— Не о том думаешь, — устало произнес Андрей, хотя ему тоже не очень нравилась подобная таинственность. — Сейчас важно выработать план дальнейших действий.

— И что мы можем?

— Не знаю. Но мы ведь попали сюда.

— Ага, благодаря Пане... и, как выяснилось, еще и Ивану, — продолжал бубнить Виктор.

— Вить, скажи, пожалуйста, тебе становится легче, когда ты ворчишь? — громко спросила Алина. — Неужели ты не понимаешь, что нам от этого тяжелее? Каждый раз, когда высказываешь правду, как сам это называешь, ты сыплешь соль на наши раны. Ведь то, что ты говоришь, всем известно. Только мы предпочитаем молчать. Не лучше ли, чем ворчать, искать пути решения проблемы, как это делаем мы? А иначе... иначе от тебя мало толку. Прости, — Алина отвернулась от него.

Виктор даже не пытался оправдываться. Он молча смотрел в спину Алине, пытаясь вникнуть в смысл услышанного. Об этом говорили складки на лбу. Постепенно они разглаживались, зато вокруг рта залегала скорбная впадина.

— Ну что ж, — как герой трагедии изрек он, — тогда мне остается одно — уйти отсюда, дабы не мешать вам своим присутствием.

— Да перестань уже вести себя, как избалованный ребенок! — не выдержал Андрей. — Куда ты пойдешь? Затеряешься в саду? Когда ты перестанешь думать о себе любимом и начнешь приносить пользу? Не тебе одному тяжело. Мы все в одинаковом положении. Нужно быть твердыми! Только сообща мы сможем справиться с этим.

Слова его не достигали цели — обида все сильнее проступала на лице Виктора. Ссоре помешало возвращение друзей. Как раз в этот момент они вошли в дом.

— Ну, все! Мы, кажется, знаем, что делать, — с порога объявил Кирилл. — Мы втроем отправимся на поиски. Сегодня сделаем все необходимые приготовления и завтра двинемся в путь. Не знаю, сколько продлится путешествие. Возможно, вам придется поскучать тут без нас, — улыбнулся он.

— Я не согласен, — оживился Андрей. К нему присоединилась возмущающаяся Алина.

— С чем ты не согласен? — удивился Кирилл.

— Не хочу ждать вас тут, — в голосе Андрея звучали металлические нотки. — Мы пойдем с вами.

Алина удовлетворенно перевела дух, ее мысли работали в том же направлении.

— Но... это может быть опасным, — заволновался Кирилл.

— А для вас не так что ли? — спросила Алина.

— Мы там все знаем и бывали уже не раз, — ответил за всех Михаил. — И потом, нас они не тронут, мы служим им.

— Неважно, — Алина выглядела сейчас не по-женски твердой и решительной. — Мы все равно идем с вами.

— Ну что ж. Это ваше последнее слово? — обратился Кирилл ко всем трем. — Все так думают? А, Вить? — получив угрюмый кивок, продолжил: — Тогда... тогда план нужно пересмотреть. Что скажете? — обратился он к Тане и Михаилу.

— Конечно, я не хочу никого подвергать опасности, — медленно произнесла Таня, — но это их право. Думаю, стоит подумать о распределении сил.

— Ладно. Мы решили, что в светлый мир отправится Таня. Она его лучше всех знает. А мы с Мишкой пойдем в темный. Может быть, и лучше, что вы решили присоединиться к нам. Тане опасно одной путешествовать, разыскивая Пану. Там нет коварства, но... доброта иногда бывает непредсказуемой, смотря какую цель она преследует. Поясню: если Пану прячут от нас, то вряд ли выдадут добровольно. А это значит, что придется побороться. Одному это сделать трудно. Думаю, для всех будет лучше, если вы пойдете с Таней. Согласны? — он вопросительно обвел всех взглядом.

— Я согласен, — ответил Андрей, думая про себя, что отправился бы прямоком в ад, лишь бы быть вместе с Татьяной. Виктор опять отделался угрюмым кивком.

— А я против! — звонкий голос Алины разорвал тишину. — Я пойду в тем-

НЫЙ мир!

Глава 15

Приготовление

— Исключено! — возразил Михаил. — Ты не понимаешь, чего хочешь! Темный мир опасен еще и тем, что даже мы не знаем всех его тайн.

— Для меня он не опаснее, чем для вас, — настаивала Алина. Выглядела она воинственно: спина выпрямлена, руки уперты в бока, подбородок упрямо задран, и выражение лица такое, что не оставалось никаких сомнений в решительном настрое его хозяйки.

— Алина, мы не можем взять тебя, — увещевал ее, как ребенка, Михаил. — Тебе лучше отправиться с Таней. Ну, подумай сама, стоит ли так рисковать? Там очень страшно! Ты же знаешь, меня испугать не так-то просто, но темного мира боюсь даже я. Там нет ничего хорошего. Понимаешь? Все устроено так, чтобы сводить человека с ума. Не уверен, что люди, населяющие его, нормальны. Повторяю, даже я не знаю, что там нас ожидает, — он умоляюще смотрел на нее.

— Неважно! Я иду с вами! — только и сказала она.

— Может быть, тебе удастся уговорить ее, — Михаил в растерянности посмотрел на Андрея, который в этот момент был очень задумчив. Он ни на кого не смотрел, погруженный в мысли. — Андрей?! Попробуй ты на нее повлиять!

— Думаю, уговаривать бесполезно, — он отлично понимал Алину. Видел, что ей все равно, куда идти, лишь бы быть рядом с Михаилом. Никакими опасностями ее не напугать. И не потому, что она такая бесстрашная. Просто, если опасность грозит любимому, значит, она должна быть рядом. Это истина, продиктованная инстинктом. Даже, если бы она увидела сейчас все ужасы темного мира, вряд ли отступила бы. — Она уже приняла решение, и не изменит его.

Михаил лишь в растерянности развел руками. Кирилл, который до этого молчал, произнес как всегда спокойно:

— Мы не можем ей запретить идти с нами. Тут каждый волен сам решать, что ему делать. Возможно, втроем нам будет легче найти Ивана и вытащить его оттуда.

Отправиться решили после ночного сна, а до его наступления, нужно было собраться. Следовало все продумать. Если в светлом мире можно не маскироваться, достаточно просто не высовываться, то в темном — появление Алины, Кирилла и Михаила не останется незамеченным.

Таня ненадолго пропала и вернулась с целым ворохом вещей. Они занявшими весь диван, когда она их туда сбросила.

— Я была в нашей сокровищнице, — пояснила Таня. — Это чердак, где хранится всякая всячина, на крайний случай. Думаю, наступил как раз такой, — она достала из кучи кусок черной материи и, развернув ее, показала остальным. — Вот, что вам нужно в первую очередь, — обратилась она к тем, кто планировал отправиться в темный мир. — Это накидка. Она будет маскировать вашу ауру, — Таня старалась говорить беспечно, но чувствовалось, что за ее словами прячется беспокойство. — Миш, иди сюда, примерь. И ты, Алина, тоже. Твою мне пришлось немного подкоротить, они все мужские и длинные. Швея из меня аховая, но я старалась, — с улыбкой закончила она.

Михаил и Алина облачились в накидки. Черный цвет потушил их сияние, словно покрыл ночью. Остались только головы, полыхающие над темнотой.

— Для этого есть капюшоны, — Таня по очереди, накинула их им на головы. Глубины капюшонов хватило, чтобы спрятать и лица. — Вот так. Что скажете? — обратилась она к остальным.

— Бэтмен отдыхает, — прокомментировал Виктор. — Похоже на маскарадный костюм. Не хватает только маски с клювом.

— Есть одно неудобство — нет рукавов, — пропустив мимо ушей остроту Виктора, продолжала Таня. — Будьте осторожны, без надобности не высовывайте руки. Или делайте это там, где вас никто не сможет увидеть.

Накидка выглядела просто: большой кусок черной материи крепился на шее пуговицей и венчался широким капюшоном.

— Зато есть и плюс — большие карманы на пуговицах. В них можно сложить все необходимое, — удовлетворенно кивнула Таня.

— Можно мне уже снять ее? — взмолилась Алина, скидывая капюшон, от чего голова сразу же вспыхнула перламутром. — Жутковато как-то в ней...

— У тебя все еще есть возможность передумать, — быстро произнес Михаил. — Там будет еще хуже.

— Зря стараешься! — отчеканила Алина. — Решение принято и обсуждению не подлежит.

— Это еще не все, — прервала полемику Таня: — Я принесла эликсир, — она взяла с дивана небольшую бутылочку с темной жидкостью. — Сомневаюсь, что вода там пригодна для питья. Эликсира достаточно одной капли, чтобы надолго утолить жажду. И он помещается в кармане.

— Ты принесла палатку? — Михаил что-то разглядывал на диване.

— Нужно же вам где-то спать, — пояснила Таня. — Правда, в карман она не поместится. Придется нести в руках. И не только ее. Вот тут коврики. Они тонкие, но прочные и теплые. Еще непромокаемые. Их можно стелить на землю и спать, не рискуя простудиться. А укрываться будете накидками. И еще... — продолжила она после секундного молчания, — сомневаюсь, что вы там будете желанными гостями, и кто-то пригласит вас к себе на постой и накормит. Поэтому... много еды, конечно, не получится взять с собой. Но корень жизни просто необходим, я считаю.

Кирилл кивнул, выражая согласие.

— Что еще за корень? — поинтересовалась Алина.

— Это такое растение. Его корни съедобны. Их не нужно готовить. Маленького кусочка достаточно, чтобы утолить самый сильный голод и надолго. Я пойду, накопаю.

— Я помогу тебе, — отозвался Андрей, до этого молча наблюдавший за приготовлениями.

На пути к выходу Таня прихватила маленькую лопатку из чуланчика под лестницей. В саду они остановились возле неприметного кустика.

— Странно, — произнес Андрей, — здесь все такое красивое и яркое! А этот куст я бы даже не заметил. Он какой-то невзрачный и маленький.

Куст, на самом деле, возвышался над землей не более чем на тридцать сантиметров. На тоненьких стебельках редко росли листики скорее серого, чем зеленого цвета.

— У этого растения вся сила в корне, — засмеялась Таня. — Сейчас сам все

поймешь.

Андрей забрал у нее лопату и принялся выкапывать куст, который, несмотря на маленькие размеры и невзрачность, глубоко уходил корнями в землю. Какого же было его удивление, когда он увидел эти самые корни. Мало того что они превышали по длине вершки, так еще и цвета были яркого, даже ослепительного, зеленого.

— Ничего себе! — изумился он. — Они еще и гладкие, как отполированные.

— Это удивительное растение. Оно не только утоляет голод. Еще и лечит от любой болезни. Правда, мы ни разу тут не простужались. Зато часто бывают нервные ослабления, связанные с перегрузками. Так вот, если заварить мелко нарезанный корень жизни кипятком и дать ему настояться в течение нескольких минут, а потом выпить отвар, который, кстати, очень приятный на вкус, то недомогание, как рукой снимает. Думаю, что и в других случаях он действует точно так же.

— А нам он не понадобится, ну, там?..

— На всякий случай мы возьмем немного. Но, вообще, у нас там будет все необходимое. Мы остановимся у матушки Анастасии. У меня с ней приятельские отношения. Она, конечно, покажется тебе странной, — улыбнулась Таня. — Но она... святая. В общем, всего не расскажешь, это нужно увидеть.

Отделив корни от стеблей маленьким ножиком, Таня сложила их в два холщовых мешочка и перевязала веревками. Затем, она попросила закопать ботву на том же месте, где до этого рос куст.

— Скоро он вырастет снова, — пояснила она. — Если ты согласишься внимательно, то не заметишь больше ни одного такого же. Он уникален. Его способность перерождаться бесконечна. Иногда мне кажется, что он отражает сущность всего духовного пространства. В Оазисе жизни этот кустик — единственное, что придумали не мы. Он просто рос здесь, когда мы появились.

— Как? Все остальное вы придумали? — удивился Андрей. — Что, тут ничего абсолютно не было к моменту вашего появления?

— Точно уже не помню, — улыбнулась Таня. — Кажется, ничего... Все появлялось постепенно. Помню, сначала мы не могли ничего понять. А потом как-то незаметно привыкли.

— И тебе никогда не хотелось выбраться отсюда? — тихо спросил Андрей.

— Всегда, — в тон ему ответила Таня. — А сейчас я хочу этого больше всего. Только... думаю, сделать это будет сложно, — грустно добавила она.

— Сложно, но не невозможно, — уверенно произнес Андрей. — Ведь попали же мы сюда. Значит, выберемся обязательно. Причем, или мы уйдем отсюда все вместе, или не уйдем вовсе.

— Когда ты так говоришь, я начинаю верить, что смогу жить обычной человеческой жизнью, в мире, который сейчас кажется далеким. В нем я бываю только во сне и то тайком, — на глазах у Тани выступили слезы. Андрею безумно захотелось прижать ее и успокоить. Но даже этого он не мог себе позволить. Злость шевельнулась в душе. Что же это за мир, где нет места воле и желаниям? Кто или что считает себя вправе так поступать с людьми? — Не ломай себе голову. Найти ответы ты не сможешь, — правильно угадала Таня его настроение. — То, что вы услышали от нас, — только маленькая часть системы. Большого и мы не знаем. Да и не нужно это нам.

— Я не хочу ничего узнавать. Хочу просто вытащить всех нас отсюда.

— Да, — согласилась Таня. — И мы обязательно выберемся, но сначала выручим Ивана и Пану. Иначе все будет напрасно.

Когда они вернулись в дом, то сразу же оказались свидетелями ожесточенного спора. Виктор стоял, упрямо скрестив руки на груди. Михаил, пылая сильнее обычного, громко говорил:

— Да как ты не понимаешь, трое в темном мире — перебор. Мы итак будем прекрасной мишенью. Идеальный вариант — кто-то один...

— Кроме того, силы поделены поровну, — напомнил Кирилл. Он и Алина стояли на расстоянии от споривших, будто опасались, что посыплются искры.

— А я хочу, — с упрямым видом, насупившись, как ребенок, твердил Виктор.

— Чего ты хочешь? — с порога уточнила Таня.

— Он тоже хочет идти с нами! — в сердцах воскликнул Михаил. Виктор же отвечать не собирался, даже не посмотрел в ее сторону.

— Почему? — Таня подошла ближе и встала перед ним.

— Потому что считаю темный мир интереснее светлого, — пробубнил Виктор, сникнув под ее пристальным взглядом.

— Как ты можешь судить о том, чего не знаешь? — спокойно продолжала она. — Я считаю светлый мир самым прекрасным из всего, что видела. Это место, где люди живут, как хотят. Они наслаждаются каждым мгновением, несмотря на то, что жизнь им дарована вечная. Ты только попробуй представить вечную жизнь, наполненную счастьем. В светлый мир попадают избранные, заслужившие вечное блаженство.

— Ну и что в этом интересного? — взъерепенился Виктор. — По-моему, такая жизнь не может быть скучной.

— Во-первых, ты рассуждаешь, как несведущий человек, — улыбка сошла с лица Тани. Голос стал серьезным. — А во-вторых, попробуем взглянуть на вещи с другой стороны. Почему ты решил, что в любом деле, чем бы ни занимался, тебе должно быть интересно? Получается, всю жизнь ты только и делаешь, что потакаешь своим желаниям? Так-то ничего страшного, пока... пока ты не начинаешь доставлять неудобства другим. Оставайся тут! Не ходи с нами. Живи один на один со своими желаниями. Сделай этот маленький мир своим собственным хоть ненадолго. Как только мы покинем его, он полностью окажется в твоём распоряжении. Любое твоё желание будет исполняться. Почувствуй себя центром вселенной, хоть и маленькой.

Все притихли, прислушиваясь к ноткам пророчества в голосе говорившей. Андрей, как зачарованный, смотрел на ту, что раскрылась с неизвестной доселе стороны. Она стояла в центре комнаты и пылала золотом. Выглядела спокойной, только глаза испускали золотые лучи, проникающие в Виктора, который, не отрываясь, смотрел на нее. Он словно находился под гипнозом. На губах периодически появлялась улыбка. Взгляд затуманился, словно он уже видел все своими глазами. Картинки счастливой жизни проплывали перед его мысленным взором.

— Ты согласен? — строго спросила Таня.

— Да, — голосом зомби ответил ей Виктор.

— Ты сам принял решение. Тебя никто не принуждал, — кивнула она. — Сколько продлится путешествие, никто не знает. Ты останешься тут, будешь хозяином всего этого, — она окинула взглядом комнату, подразумевая весь Оа-

зис жизни. — А напоследок хочу тебе рассказать, что такое темный мир, куда ты так рвался, — все опустились на диван, кроме Виктора и Татьяны, которые остались стоять посреди комнаты. — Этот мир — полная противоположность светлomu. Туда тоже попадают избранные, только они обречены на вечные муки. Все в этом мире создано так, что отторгается человеческой природой. Попадая туда, человек практически превращается в животное, опускаясь все больше и больше. Можешь представить себе огромный мир, населенный озлобленными полулюдьми-полуживотными? Это и есть то место, куда ты так рвался, — на лице Виктора проступили следы страха, смешанного с облегчением. Таня повернулась к бледной Алине, старающейся не пропустить ни слова: — Теперь ты все знаешь, — ее интонация немного смягчилась, — еще не поздно передумать.

— Н-н-нет... — дрожащим голосом произнесла Алина, — я не передумаю. Я должна идти туда вместе с Михаилом и Кириллом, — Таня лишь кивнула, словно и не сомневалась в ответе.

— Теперь вот что, — заговорила она уже своим обычным голосом. — В сандалиях вам нельзя туда идти. Нужны резиновые сапоги. Пойду в нашу сокровищницу, — она ушла и через несколько минут вернулась с тремя парами сапог, которые приобщила к общей куче вещей. — Теперь, думаю, все, — немного подумав, сказала она.

Когда все было уложено, еще раз обговорено, и луна заняла свое место на небосводе, Андрей вышел на веранду подышать воздухом перед сном. Почти сразу же к нему присоединилась Таня.

— Как думаешь, не слишком сурово я с Виктором? — спросила она.

— По-моему, он с радостью согласился остаться, — ответил Андрей. Ему сейчас не хотелось думать об этом взрослом ребенке.

— Нас может не быть очень долго, — задумчиво продолжала Таня. — Вытерпит ли он столько?

— А куда ему деваться? — улыбнулся Андрей. — Выхода отсюда нет, придется терпеть. Зато подумать времени будет предостаточно.

— Да, ему пора повзрослеть.

— Меня сейчас больше заботит Алина, — сменил Андрей тему разговора. — Сможет ли она вынести? Правда ли там так опасно, как ты говоришь? — ему было немного стыдно, что выбрал более легкий путь, а Алина должна подвергать себя опасности.

— Не переживай за нее, — попыталась успокоить его Таня. — С ней же будут Кирилл и Мишка. Они не допустят плохого. Особенно Мишка, — добавила она тише, — он будет следить за ее безопасностью.

— Хорошо. Она все равно не отступит от своего. Упертая.

— Я ее прекрасно понимаю. Она думает, что если будет рядом с любимым, то ему ничего не будет угрожать. А может... может она просто в любом случае хочет быть рядом, невзирая ни на что, — Таня смотрела на Андрея, и он мог читать в ее взгляде все, о чем она не решалась сказать вслух, как, впрочем, и он.

Глава 16

Матушка Анастасия

И снова они стоят на краю Оазиса жизни. Ноги окутывает холодный и густой туман.

— Как только ты полностью погрузишься, я возьму тебя за руку, — сказала Таня Андрею, подкрепив слова улыбкой. — Там моя аура неопасна.

Первыми отправились Кирилл, Алина и Михаил. Алина переживала, но старалась не подавать виду.

— Ничего не бойся, — Кирилл крепко держал ее за руку. — Темный мир по-настоящему опасен только его обитателям. Мы будем в нем гостями, хоть и незваными. Мы справимся, — он слегка пожал дрожащую руку.

Михаил стоял с другой стороны от нее, на безопасном расстоянии.

Виктор вышел проводить. С видом гостеприимного хозяина весело махал рукой, улыбаясь во всю ширь щербатого рта. Он явно радовался тому, как сложились обстоятельства, что ему не нужно никуда отправляться.

Когда настала очередь Андрея и Тани совершить переход, туман уже клубился высоко, доходя до груди.

— Ты тоже чувствуешь его противную липкость и холод? — спросил Андрей.

— Нет. Я ничего не чувствую. Для меня это пространство прозрачно и наполнено душами.

— Значит, пока я буду находиться в тумане, вокруг меня будут витать души?

— Да, — Таня улыбнулась. — Они все время витают вокруг тебя. Я имею в виду твою земную жизнь. Душа, покидая тело, никуда не торопится. Она завершает земные дела, а уже потом возвращается в другой мир.

— А ты их видишь? — туман подкрадывался к голове Андрея. Дышать становилось все труднее. Он сдавливал грудную клетку, ложился тяжестью на плечи, облепляя со всех сторон.

— Я чувствую их, — донесся голос Тани словно издалека, — и они чувствуют меня тоже, — в этот момент теплые тонкие пальцы переплелись с его, согревая те места, к которым прикасались. Он сжал ее руку, опасаясь причинить боль, с трудом контролируя эмоции. А потом и вовсе потерял голову: Таня обняла его за шею и прижалась к губам, согревая дыханием, разгоняя туман.

Он со стоном прижал ее к себе, захваченный поцелуем. Все остальное перестало существовать. Лишь податливое тело, которое он ощущал под своими ладонями, и губы, дарящие наслаждение. Даже если бы поцелуй длился вечно, он не смог бы утолить всю жажду и желание, которые испытывал Андрей в этот момент. Но он прервался так же неожиданно, как и начался.

— Я люблю тебя, — шепнула Таня и быстро высвободилась.

Энергетическая волна с силой ударила в грудь Андрея. Он едва удержал вертикальное положение. А в следующий момент увидел, что вокруг ярко светит солнце. Обычное, к какому он привык. Ноги упираются в твердую почву — всего лишь утрамбованный грунт. Дует легкий ветерок, поднимающий с земли мелкий мусор. Пахнет свежестью и цветами. Много деревьев вокруг с листьями традиционной расцветки.

— Мы в лесу, — пояснила Таня, с улыбкой наблюдая за его реакцией. — Тут недалеко, на поляне, дом матушки Анастасии. Очень удобно, что он далеко от остальных домов. Так мы меньше привлечем к себе внимания.

— Этот мир прямо как наш, — сказал Андрей, вдыхая полной грудью. — У меня такое чувство, что я дома. Слышишь? Птицы поют, — лесные вокалисты громко выводили трели, затерявшись в густой листве.

— Я люблю тут бывать, — ответила Таня. — Здесь так спокойно, душа отдыхает... Ну что, пойдём?

— Пстой... — Андрей не сводил с нее пытливых глаз. — Там, в тумане... ты действительно сказала это, или... мне послышалось?

— Не послышалось, — без тени смущения ответила она. — Я действительно сказала это.

— И?.. — Андрей подбирал слова, которых не было. Все затмили эмоции. Восторг и эйфория — вот, что он испытывал. И еще всепоглощающую любовь. Он так боялся сказать об этом вслух, словно в один миг все могло испариться, разлететься, как стайка испуганных воробьев.

— Я всегда любила тебя, с первой нашей встречи. Только раньше это была любовь ребенка к подростку. А потом... выросла я, крепло и чувство мое к тебе. Так что... — она весело развела руками, будто говоря: «Ничего не попишешь... придется тебе терпеть меня».

«Она любит, любит! — эта мысль прочно засела в голове Андрея. Он смаковал ее, все еще не смея поверить. — Она любит тебя!» Таня уверенно лавировала между деревьями. Впереди светлела поляна, залитая ярким солнечным светом.

— Постарайся ничему не удивляться, — обернулась Таня на ходу. — Я уже говорила, что матушка Анастасия покажется тебе немного странной. Главное, что она хороший человек.

Они вышли на широкую лужайку, посреди которой расположилась маленькая деревянная избушка. Никакого забора или частокола. Им служил лес, окружавший поляну со всех сторон. Из всех строений еще был небольшой колодец, вырытый рядом с домом, и маленькая покосившаяся уборная.

— Вот здесь она и живет, — сказала Таня. — Сейчас разыщем ее. Поди, в огороде копошится.

Андрей пригляделся и заметил, что лужайка местами поделена на грядки. Несколько фруктовых деревьев росли рядышком, образуя тень. Все выглядело ухоженным, чувствовалась заботливая рука человека.

— Матушка Анастасия! — громко позвала Таня.

— Иду, иду, — послышалось из-за дома.

Через несколько минут показалась сухонькая женщина. Она торопливо сменяла между грядками, вытирая руки о фартук.

— Здравствуй, золотко! Пришла проведать меня? — издали приветствовала она. — А я уже соскучилась.

— Не просто проведать, — улыбнулась Таня. — Мы немного погостим у тебя, еслипустишь.

— С радостью, золотко, с радостью, — она уже подошла вплотную к Тане. Андрей остолбенел, когда увидел, как они обнялись и расцеловались. — Ух ты и жаркая! Никак не могу привыкнуть, — рассмеялась матушка. — А кто твой спутник?

— Его зовут Андрей, — представила Таня. — Он мой самый лучший друг! И знаешь что? Он из моего мира! — радостно закончила она.

— Да? — матушка Анастасия подошла ближе. На Андрея пахнуло немытым телом и старостью. Он подметил, что волосы женщины давно не чесаны. Кое-где спутанные в клубки они собраны в тугой пучок на затылке. Замусоленная и покрытая пятнами одежда небрежно свисает со всех сторон. Возраст женщины он определить не смог: что-то среднее между сорока и пятьюдесятью годами. Но самыми удивительными были глаза — ясные, светло-серые, они по-детски наивно и с добротой взирали на окружающий мир. «Вот это да! — подумал Андрей, стараясь делать это незаметно для матушки. — Вот, значит, чему я не должен удивляться! Чудеса, да и только».

Таня внимательно наблюдала за ним, тихонько улыбаясь. Матушка Анастасия оголила беззубый рот в добродушной ухмылке.

— Он хороший человек, — кивнула она, поворачиваясь к Тане, — честный и надежный, — она хитро подмигнула ей. — Ну что, пойдёмте в дом?

Если вид матушки Анастасии удивил Андрея, то дом, вернее, его внутреннее убранство, сразил наповал. Столько грязи, паутины и хлама он никогда не встречал в одном помещении. Именно так выглядели сени, из которых вели три двери. Первая, в кухню, была распахнута, и в солнечном свете, обильно проникающем через небольшое окно, захламленность выглядела пугающей. Пол и большой деревянный стол были завалены овощными обрезками, усыпаны крошками и заляпаны разводами. Грязная посуда стояла тут же на столе.

— Знаю, знаю все, что ты сейчас скажешь, — обратилась матушка к Тане. — Не напрягайся. Твоя комната не тронута. Я туда даже не заходила. Дом в полном твоём распоряжении. Убирайся, вылизывай, делай, что хочешь. Другу постелешь тут, в сенях, во-о-он на том топчане, — она указала на что-то, отдаленно напоминающее кровать, стоящую в углу. — Пока будешь наводить порядок, пойду накопаю чего-нибудь в огороде. Вам нужно подкрепиться с дороги, — с этими словами она вышла из дома.

— Ну, как тебе? — хитро поинтересовалась Таня. — Сильно удивлен?

— Не знаю, что и сказать, — Андрей, на самом деле, не знал, как реагировать на увиденное.

— Ничего не говори. Давай просто быстренько наведем тут порядок, — Таня взяла два больших ведра и вручила их Андрею. — Сходи, набери воды из колодца, будем мыть полы. А я пока вымету мусор, — она извлекла из кучи хлама в углу большую метлу и пошла с ней на кухню.

В комнате, которая считалась Таниной, было сравнительно чисто. Из мебели там находились кровать, стол, стул и большой деревянный шкаф, из которого она достала два комплекта чистого постельного белья.

— Сюда матушка не заходит, — объяснила она. — Это моя территория. Кстати, она не любит, когда заходят в ее комнату. Старайся не делать этого. Кроме того, тебе вообще ее лучше не видеть. Там не убираются никогда. То, что ты видел в сенях и на кухне — это еще было чисто, — она звонко рассмеялась, видя, как обескуражен Андрей.

Через полчаса с уборкой было покончено. Дом засверкал чистотой. Таня открыла все окна, чтобы выветрить спертый запах, и застелила топчан, предназначенный Андрею, накрыв сверху покрывалом, которое он долго вытрясал

перед этим от пыли. Пока они убирались, матушка Анастасия принесла помидоры, огурцы, картофель и зелень. Все это лежало и дожидалось своей очереди на кухонном столе. Быстро перебив овощи, Таня очистила картофель и поставила его в печь вариться. А из помидоров, огурцов и зелени нарезала аппетитный салат. Андрей любовался ее ловкими движениями и представлял ее на их общей кухне.

— Матушка питается только тем, что дает земля, — рассказывала Таня. — Она не ест мяса, так как считает, что лишать жизни животное нельзя.

— А что же она ест зимой?

— Здесь нет зимы, — рассмеялась она, — и овощи дают по несколько урожаев в году.

— Никогда не бывает зимы? — удивился Андрей. — Мир, уде всегда лето?

— Не весь мир, — Таня веселилась от души. — Я сейчас говорю именно об этом месте — территории матушки. У нее всегда лето! В этом мире люди живут так, как сами хотят. Есть и такие, что любят зиму круглый год, и у них там идет снег, дуют ветры, разыгрываются метели. А рядом теплое море и пляж, на котором можно загорать весь год. Никакой географии, понимаешь?

— Трудно представить себе такое, — потрясенно произнес Андрей.

— Это мир избранных, — уже более серьезно добавила Таня. — Они имеют право жить так, как хотят. Это право даровано им за уникальную земную жизнь. Понимаешь?

— Пытаюсь, — задумчиво кивнул Андрей. — Послушай, а почему матушка не сторела, когда обняла тебя? — этот вопрос больше всего интересовал его. Он так завидовал матушке, когда она прижимала к себе Таню.

— Но она же бессмертна! — удивилась Таня. — Ее душа не может покинуть тело, значит, и телесная оболочка не может стореть.

Она рассказывала удивительные вещи, словно говорила о прописных истинах. Андрей решил больше пока не задавать вопросов, иначе его мозги рисковали закипеть от перенасыщения.

После незатейливого завтрака, во время которого матушка Анастасия присоединилась к ним, настало время уединения. Таня объяснила Андрею, что в такие часы матушка закрывается в своей комнате и помогает людям. Она делает это каждый день в одно и то же время.

— Что значит, помогает людям? — не удержался от вопроса Андрей, хоть и дал себе слово ни о чем больше сегодня не спрашивать.

— Чтобы понять это, тебе нужно услышать историю ее земной жизни, — убирая со стола, сказала Таня. — Если хочешь, пойдём сейчас погуляем по лесу и я тебе расскажу ее.

Лес успокаивал. Шелест листьев и пение птиц рождали романтику в душе. Хотелось плакать и петь одновременно. Таня молча шла рядом с Андреем, думая о своем. А он думал о ней, о том, какой замечательной и цельной она стала, как хорошо знает и чувствует людей.

— Этот лес — ее собственный, — прервала она молчание. — Всю жизнь матушка мечтала о таком вот домике, стоящем на полянке посреди небольшого лесочка, где водятся звери и птицы, и никто никогда не нарушит ее уединения. Ну, кроме меня, может быть, — пошутила она.

— А зверей она не боится?

— Это же ее звери! — Таня посмотрела на Андрея с легким осуждением,

словно он сморозил глупость. — Она их приручила и подкармливает.

— А, ну да... — протянул он, ощущая себя полным тупицей.

— Прости, — в ее взгляде мелькнуло сочувствие и понимание. — Я слишком много требую от тебя. Забываю, как ненормально это все выглядит... Ма-тушка Анастасия, тогда еще просто Настя, родилась самой старшей в зажиточной и многодетной купеческой семье. С детства ей приходилось много трудиться, она выполняла различную работу по дому, следила за сестрами и братьями. Нельзя сказать, что родители ее не любили. Просто... была она, мягко говоря, не совсем обычным ребенком. В редкие часы досуга, она уединялась в своей комнате. Если кто заглядывал тогда к ней, то думал, что она просто сидит, уткнувшись взглядом в стену. На самом деле, она вела мысленные беседы со Всевышним, как рассказывала потом родителям. Она говорила, что постоянно слышит голоса в голове. Это пугало окружающих. Люди сторонились ее. В деревне она прослыла юродивой.

Когда девочка повзрослела, то стала подолгу пропадать в монастыре, что был неподалеку. С каждым разом она задерживалась там все дольше. Родители волновались за нее. Младшие сестры подрастали и по очереди выходили замуж. Не очень симпатичную Настю, да к тому же со странностями, никто не хотел брать в жены. Она и сама это понимала. Все чаще и чаще просила отца отпустить ее в монастырь, разрешить поселиться там. Тем более что тяга к Богу с годами только росла. Она могла целыми днями просиживать в своей комнате, ведя мысленные беседы, забывая обо всем.

Однако отец был категорически против пострига дочери в монахини. Он даже слышать об этом не хотел. Желание выдать Анастасию замуж, стало для него задачей номер один.

Когда Насте исполнилось двадцать пять, умерла ее мать. Отец понимал, что еще чуть-чуть и с мыслями о замужестве старшей дочери можно распрощаться. Но монастырь он по-прежнему отвергал. Он назначил приличное приданое за нее. Но даже тогда желающих взять ее в жены не прибавилось. Можешь себе представить всю глубину отчаяния девушки, единственной заботой отца которой было выдать ее замуж? — Таня выжидательно глядела на Андрея. — Больше всего она стремилась к уединению в стенах монастыря, и это было единственное, что ей не разрешалось делать.

Наконец, нашелся мужчина, что захотел взять ее в жены. Это был разорившийся помещик, влачивший жалкое существование, поселившийся у них в деревне. Настин отец с ним быстро сговорился. Он был рад сбавить с рук странную дочь. А помещик был рад солидному приданому. Настя рыдала, умоляла отца не делать этого, но он только больше убеждался в собственной правоте.

Сыграли свадьбу. Невеста выглядела так, что краше в гроб кладут. Даже те, кто смеялся над ней раньше, прониклись сочувствием к бедняжке.

Молодые переехали в дом помещика. За непослушание, за то, что продолжала ходить в монастырь, помещик стал ее поколачивать. Она всегда ходила с побоями на лице. Вскоре у них родился сын. К тому времени Настя стала по-настоящему похожа на душевнобольную. На сына она не обращала внимания. Ходила по деревне с блуждающим взглядом.

Как-то раз она сбежала от мужа в монастырь и не возвращалась несколько дней. Муж привез ее силой и сильно избил. Она пролежала в постели

несколько дней, поправляясь от побоев. После этого к сыну ее перестали подпускать, боясь, что она навредит младенцу. Однако от близости с набожной супругой муж не отказался. И вскоре Настя забеременела вторым ребенком. Из дома ее практически не выпускали. Да она особо и не стремилась, запиралась в своей комнате и просиживала там целыми днями. Бить ее муж не решился, боялся навредить ребенку.

Когда подошел срок, Настя родила девочку, к которой осталась такой же равнодушной, как и к сыну.

Нужно отдать должное ее мужу — детей он любил. Они стали для него смыслом жизни. Он и от матери их отгораживал из чувства любви и опасения.

Настя продолжала существовать в мире, где ей не было места. Она бродила по дому, по деревне. У людей отношение к ней изменилось: кто просто перестал обращать внимание, а кто жалел ее и осуждал мужа, что заставляет так мучиться мечущуюся душу.

Она вынашивала мечту сбежать. Дожидалась, когда бдительность мужа притупится. Такой момент вскоре настал, и она им воспользовалась. На этот раз, вернув силой жену из монастыря, муж чуть не убил ее. Никто не думал, что она выживет, так сильно он ее избил. Муж тоже переживал, не зверь же он был.

Когда Настя выздоровела, люди решили, что без божественного вмешательства тут не обошлось. Тогда они направили делегацию к ее мужу с просьбой отпустить ее, разрешить поселиться в монастыре. А он уже и сам склонился к такому решению.

С тех пор она обитала в монастыре. Вела уединенный образ жизни. Не мылась, практически ничего не ела и... лечила людей. Лечила молитвами, накладыванием рук. Любые болезни были под силу Анастасии. Люди шли и шли к ней. Очень многих она исцелила. Несмотря на то что выглядела, как сумасшедшая, люди после встречи с ней говорили, что никогда еще не сталкивались с таким чистым разумом и доброй душой.

Матушка Анастасия дожила до девяноста девяти лет и умерла в здравом уме. Она до последнего дня сама за собой ухаживала и лечила людей. После смерти, церковь причислила ее к лику святых. Вот так она попала в этот мир, — Таня замолчала, изучая реакцию Андрея. А он был просто потрясен рассказом.

— Столько испытаний выпало на долю одного человека!

— Да. И она смогла их пережить и не сломаться.

— Ты говоришь, она дожила до девяноста девяти лет, — произнес Андрей через какое-то время, когда еще раз прокрутил в голове историю жизни матушки Анастасии. — А почему она сейчас выглядит так молодо?

— Попадая сюда, люди выбирают самый оптимальный возраст, тот, в котором хотят жить вечно. У матушки он такой. Другие предпочитают выглядеть моложе. Это их право.

— А сейчас... она тоже лечит молитвами? — допытывался парень.

— Как и всегда это делала. С момента ее земной жизни почти ничего не изменилось, за исключением того, что люди теперь тоже в молитвах обращаются к ней за помощью. Она их слышит... и помогает.

— Значит... Бог есть?

— Я и сама об этом часто думаю, — задумчиво ответила Таня. — Кто-то, ведь, все это создал. Кто-то или что-то определяет, кому будет дарована вечная жизнь в светлом мире, а кто будет вечно мучиться в темном. Люди называют его Богом. У каждого народа он свой. Я не знаю, как это назвать. В одном уверена, что даже сейчас наши знания о сотворении всего ничтожно малы. Возможно, вся правда известна душе в те моменты, когда она особенно приближена к первоисточнику, когда находится между мирами. Если это так, то мы ее никогда не узнаем, да и никто. Душа безмолвна, она аморфна, и ее память нам не доступна.

В такие моменты, когда Таня пыталась объяснить необъяснимое, Андрею казалось, что старшая тут она, а он лишь ходит у нее в учениках.

А птицы пели еще неистовее, перед тем как устраиваться на ночлег. Слушая их, трудно было поверить, что находишься в мире, где нет смерти, где люди живут вечно, и им это не надоедает.

Глава 17

Никакой географии

— С чего начнем поиски? — спросил Андрей, когда на следующее утро все собрались за завтраком.

Матушка проснулась, едва забрезжил рассвет, и, не церемонясь, гремела в сенях, вынося огородные принадлежности. Это и разбудило Андрея. К тому же топчан, на котором он спал, был жесткий и узкий. Чем ворочаться в постели, чувствуя как ломит все тело, он предпочел встать и помочь матушке. Натаскал ей воды из колодца для поливки огромного огорода, помог прополоть грядки от сорняка. Вместе они нарвали овощей к завтраку. В общем, за время утренних работ он изрядно проголодался.

Завтрак не сильно отличался от ужина. Добавились оладьи из кабачков, которые быстро состряпала Таня, пока матушка заваривала душистый чай из целебных трав. Андрей подумал, что надо бы им побыстрее найти Пану — долго на такой пище он не протянет. Не спасло даже то, что он съел полбулки пресного хлеба, испеченного матушкой.

— Сначала хочу выяснить, где она, — ответила Таня на вопрос Андрея. — Для этого мне нужно немного попутешествовать по этому миру. Я должна настроиться на ее душу. Я пыталась это сделать вчера, но ничего не получилось. Ее хорошо прячут.

— Кто прячет? — не понял Андрей.

— Точно не знаю, — задумчиво ответила Таня, — но, думаю, они догадываются, что мы придем за ней.

— Вы говорите, что на ее род было наложено проклятье? — спросила матушка Анастасия, молчавшая до этой минуты.

— Да. Много лет назад. Через поколение девушки, достигшие двадцати пяти лет, исчезают из человеческого мира, — Таня с интересом смотрела на святую, терпеливо ожидая продолжения.

— Такие семьи обычно живут все вместе, — неторопливо, обдумывая слова, продолжила матушка. — Они не очень счастливы в светлом мире, поскольку против воли оказываются здесь. Их земной путь не завершен, а прерван насильно. Душа таких рвется обратно на землю, не давая покоя хозяину.

— А есть ли способ вызволить ее отсюда? — спросил Андрей.

— Этого я не знаю, — печально ответила матушка. — Думаю, если бы он был, то проклятые обязательно бы им воспользовались, — она с сожалением посмотрела на них.

— Значит, наши попытки могут не увенчаться успехом? — до сих пор Андрей был уверен, что они вызволят Пану. Сейчас уверенность пошатнулась.

— Все в руках Всевышнего, — спокойно произнесла матушка. — Найдите вашу Пану и приведите сюда. А дальше... дальше я попробую попросить совета у него.

Когда матушка позавтракала и удалилась, Андрей решил высказать мысль, не дающую ему покоя:

— Значит, этот мир неидеален!

— А есть ли вообще что-то идеальное? — задумчиво переспросила Таня. — Все взаимосвязано, понимаешь? Те, кто вынуждает таких, как Пана, жить в

этом мире, сами, после смерти, обречены на вечные муки в темном мире. Пока есть они, ни один мир не будет идеальным. Лишь когда люди поймут, что нельзя вмешиваться в естественный ход событий, и использовать силы, данные тебе для сотворения добрых дел, во зло, только тогда мы приблизимся к чему-то идеальному. Но будет ли это когда-нибудь?

— Получается, что изначально неидеальна сама структура человеческого сознания, — продолжил мысль Татьяны Андрей. — Что-то не доделано или пошло не так. Где-то тот, кто все сотворил, допустил ошибку. Возможно, он бы и рад сейчас все исправить, да не получается. Для этого нужно сначала все разрушить, а потом строить заново.

— И даже в этом случае успех не гарантирован, — кивнула Таня, — поскольку опять может пойти что-то не так. Одно я знаю точно, что создатель всего этого взял на себя огромную ответственность за человеческие судьбы. Думаю, отправляя таких, как Пана, сюда, он просто компенсирует чувство вины перед ними за свою беспомощность.

— Если даже он бессилён что-либо сделать, как же мы сможем помочь Пане? — неуверенно произнес Андрей.

— Мы должны попробовать, — просто ответила Таня. — Иногда простому человеку под силу многое.

На поиски Паны отправилась душа Татьяны. Она предупредила, что это может занять несколько часов, чтобы Андрей не волновался и не ждал, когда наступит пробуждение.

В свободное время он решил проверить, что находится за пределами леса матушки Анастасии.

— Иди, сынок, — напутствовала его она. — Лес маленький, пройдёшь ты его быстро. Ничего опасного в такой прогулке нет. Я туда не хожу. Вернешься и мне расскажешь.

На то чтобы пересечь лес, времени ушло около сорока пяти минут, учитывая, что шел он не спеша. Всю дорогу его занимали мысли об отличии людей друг от друга. Вот есть же такие, как матушка Анастасия. Она не нуждается в человеческом общении. Что в земной жизни замыкалась в себе и в Боге, что в так называемой загробной. Она даже не знает, что находится за лесом и не стремится узнать. Кому-нибудь другому нужно, наоборот, всегда быть среди людей, в гуще событий. Посели его в таком лесу, совсем одного, ограничь круг общения до разговоров с животными, и он сойдет с ума, не вынесет одиночества. «Все мы разные, — думал Андрей. — Нас так много, что уследить за всеми невозможно. Вот и получается, что многое выходит из-под контроля».

Размышляя, он вышел на пустынный пляж. Сразу за лесом начиналась полоса песчаного пляжа, а за ней синее море. В жизни Андрей не видел, чтобы море выглядело таким спокойным. Гладкая и неподвижная поверхность блестела в лучах яркого солнца. Все казалось не настоящим, а созданным рукой умелого художника, только запах йода и водорослей говорил об обратном. Андрей подошел ближе, почти вплотную к воде и заметил тоненькую пенящуюся полосочку на стыке с песком. Опустившись на корточки, потрогал воду. Рука погрузилась в приятную прохладу. Он вспенил воду, чтобы убедиться в ее реальности. Брызги обдали лицо и плечи. «Слава богу, настоящая! — с облегчением подумал Андрей. — А то можно подумать, что это всего лишь мираж».

Солнце палило нещадно. Не раздумывая больше, Андрей скинул одежду и

позволил воде ласкать кожу, смывая пот, усталость и ненужные мысли. Он заплыл и даже на глубине видел дно с водорослями, камнями и кораллами. Мелкие рыбешки, проплывая мимо, задевали его своими прохладными и скользкими тельцами.

Выйдя на берег, он постоял какое-то время, обсыхая. «Следуя теории о сотворении светлого мира, это море принадлежит кому-то, кто любит его именно таким спокойным, — размышлял Андрей. — Не думаю, что совершил серьезный проступок, нарушив границы чьего-то владения, — он улыбнулся. — В конце концов, одному человеку целого моря явно много».

Он, не спеша, оделся и решил пройтись вдоль леса по кругу, посмотреть, что еще есть там интересного. Каково же было удивление, когда он понял, что лес и дом матушки Анастасии со всех сторон окружает море. «Вот уж поистине, каждому свое и никакой географии», — усмехнулся Андрей.

Пора было отправляться обратно. Таня вот-вот должна вернуться из своего астрального путешествия. Хотелось поскорее узнать новости, если они, конечно, есть. Погружаясь в сон, она не была до конца уверена, что удастся увидеть Пану.

Первым делом, когда вернулся, Андрей заглянул в комнату Тани и убедился, что она еще крепко спит. Тогда он разыскал матушку Анастасию на огороде за домом и спросил, знает ли она, что совсем рядом простирается чудесное море?

— Конечно, знаю, — хитро прищурилась она.

— Вы там были? — удивился Андрей.

— Нет, — усмехнулась она, — мне золотко рассказывала. А у самой желания ходить туда нету.

— А почему мне не рассказали? — весело спросил Андрей. Его рассмешило такое бесхитростное лукавство.

— Хотела, чтобы сам увидел, своими глазами. И еще, чтобы не скучал возле Танюшки. Путь-то неблизкий и задача перед ней стоит непростая, так что, чего тебе тут томиться?

— Спасибо! Я даже искупался. Нужно будет еще раз туда наведаться.

— Конечно, конечно... — матушка Анастасия к чему-то прислушалась. — Кажись, золотко проснулась, — кивнула она в сторону дома. Андрей подивился ее слуху, поскольку сам не слышал ровным счетом ничего.

Он ждал, когда Таня выйдет, чтобы не смущать ее лишним раз, но она не торопилась.

— Пойду, проверю, что ее так задержало, — сказал Андрей, направляясь в сторону дома. Матушка с тревогой смотрела ему в спину.

«Плохие у меня предчувствия», — пробормотала она.

Таню он застал сидящей на кровати и задумчиво разглядывающей стену.

— Что случилось? С тобой все в порядке? — забеспокоился он.

— Со мной все хорошо, — успокоила она его, оставаясь все такой же серьезной.

— Тогда почему ты тут сидишь, не выходишь наружу? — Андрей чувствовал, что что-то произошло, и из-за неизвестности волновался еще сильнее.

— Я обдумываю то, что увидела, — Таня потянулась, разминая конечности, и встала с кровати. — Пойдем во двор, к матушке, я вам все расскажу. В общем, не думала я, что тут такое возможно, — обратилась она больше к матуш-

ке, чем к Андрею. — Пана является узницей в доме, где должна наслаждаться вечной жизнью. Да и не дом это, а настоящий замок, полный роскоши, с большим количеством слуг.

— И чей же это замок? — поинтересовался Андрей.

— Той самой первой родственницы из рассказа бабы Марфы.

— Но... откуда тут слуги? — удивился он. — Разве такое возможно?

— Думаю, что возможно, — задумчиво произнесла матушка Анастасия. — Есть тип людей, которые могут быть счастливы, только прислуживая другим. Это не мешает им оставаться хорошими людьми, только безвольными. Скорее всего, именно такие ей и служат. Они, даже видя зло, не пытаются его исправить.

— Меня удивило даже не это, — Таня внимательно посмотрела на собеседников. — Меня поразило, что женщина эта злая. А еще жестокая! — сурово добавила она. — Как такое может быть в светлом мире? Она держит всех, кто попал сюда после нее, в плену. Они не вольны распоряжаться собою.

— Несчастное создание, — скорбно вздохнула матушка Анастасия. — Видно, разум ее помутился от горя, когда попала сюда, — она знала историю Паны и ее дальней родственницы. Накануне Таня ее рассказала. — Бывает такое, что человек не может совладать с собой. Обида затапливает его, как река в половодье заливают огромные участки суши. Только уровень воды в реке со временем возвращается до нужной отметки, а с человеком такого не случается. Если разум помутнен, то ничто его уже не способно вылечить или вразумить.

— Она, что, держит Пану взаперти? — поинтересовался Андрей.

— Нет, Пана спокойно передвигается по территории замка. Только вот, выйти за пределы него у нее нет никакой возможности.

— Но к чему такие меры? — удивился Андрей. — Она ведь все равно не может покинуть светлый мир, возникни у нее даже такое желание?

— Большую фантазию трудно понять нормальным разумом, — пояснила Таня. — Кто знает, какие мысли бродят в голове душевнобольной?

— Есть ли у нас шанс хоть как-то уболтать ее отпустить Пану? — спросил Андрей.

— Попробуем действовать хитростью. В этом поединке честность будет плохим советчиком, — Таня задумалась. Судя по напряженному лицу, она придумывала план. Когда молчание затянулось, Андрей понял, что больше она пока ничего не скажет. Будет молчать до полной ясности.

— Пойдем, прогуляемся к морю, — предложил Андрей, когда матушка уединилась в комнате для каждодневной работы.

— С удовольствием, — согласилась Таня. — Я всегда хожу туда купаться, когда бываю здесь. Иногда хитрю: перемещаюсь сюда специально, чтобы искупаться в море, — с улыбкой добавила она. — У меня остались смутные воспоминания из детства, больше похожие на сон... я, мама и папа на море, — голос ее зазвучал грустно. — Это было так здорово! Помню, как я сидела на камушках в каком-то большом халате, или это было полотенце... Чувствовала, как камни обжигают даже через толстую ткань. А море... море манило. Даже когда я дрожала на берегу, только выбравшись из воды, обсыхая под теплым ветерком, опять уже хотела бежать обратно. А мама запрещала... говорила, что простыну.

Бедное сиротское сердце! Оно не способно смириться с потерей любимых.

Не осуждает, не упрекает, просто грустит и помнит.

Андрей не помнил ничего, связанного с родителями. Его детством был детдом. И только в последнее время в воспоминаниях появилась теплота, которая была вытеснена на долгие годы обидой.

Еще издали они слышали шум, похожий на рокот, сопровождающийся протяжным гулом. Подходя ближе, они уже отчетливо различали, как волны с грохотом обрушиваются на песчаный пляж и, громко шурша, уползают обратно в море, затягивая с собой часть суши.

Выйдя на берег, они обнаружили, что сухим осталось не более полуметра пляжа, возле самой кромки леса.

— Ну, хоть так — есть, где постоять, — усмехнулся Андрей. В лесу незадачливое воображение рисовало ему обнаженную фигуру, входящую в воду. Он представлял себе, как Таня, не спеша, погружается в море, плывет, постепенно удаляясь от берега. А он несколькими взмахами рук догоняет ее, чтобы насладиться совершенным зрелищем. Но... мечтам было суждено разбиться о бушующую действительность.

— Никогда еще не видела его таким бурным, — Таня зачарованно смотрела, как волны накатывают одна за другой, с бешеной интенсивностью, как вода подползает практически к самым ногам, едва ли не касаясь их. — Видно, у его хозяина сегодня плохое настроение.

— А если оно станет еще хуже, море затопит лес и дом матушки? — удивился Андрей. Трудно поверить, что стихия может напрямую зависеть от настроения.

— Конечно, нет, — засмеялась Таня. — Волны даже не тронут деревьев, растущих на окраине леса. Где заканчивается песок, там заканчивается территория моря.

— Хотел бы я на это посмотреть, как они будут отскакивать от деревьев, — размышлял Андрей. — Забавно! Картинка, наверное, была бы еще та. Послушай, а тут, что, все живут по одиночке?

— Напротив, здесь многие объединяются во что-то типа... семей. Особенно те, которые занимаются помощью людям в их земных жизнях. Это матушка предпочитает одиночество. Она и при жизни была такой. А вообще, существуют целые лаборатории, где трудятся святые.

— Небесные лаборатории? — это словосочетание понравилось Андрею.

— Ну, можно и так сказать, — улыбнулась Таня.

— Удивительное дело, — задумчиво произнес Андрей, — я даже в Бога толком не верил. А теперь пришлось узнать столько всего, что переворачивает мои представления обо всем. Во что теперь верить или не верить?

— Да просто живи, особо не задумываясь. В конце концов, получив все эти знания, я считаю, что жизнь, дарованная человеку, — самое ценное из всего, что только может быть. Ведь только живя, можно чувствовать себя человеком. Я хочу вернуться в свой мир и пройти жизненный путь до конца. Хочу насладиться каждым мгновением. Родить детей, — ее голос опять стал грустным. — Воспитать их хорошими людьми. Баловать внуков...

— Чтобы родить детей, нужно сначала выйти замуж, — Андрей с нежностью смотрел на нее.

— Ну да, — Таня восторженно покраснела. — Не могу поверить, что сказала это вслух и тебе.

— Так что, ты согласна сначала выйти замуж... за меня? — тихо спросил Андрей, заглядывая в голубые глаза, затуманенные слезами.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда...

— Не если, а когда мы выберемся, — перебил он.

— Когда мы выберемся, — как эхо, повторила Таня, — то... да, согласна. А если к тому времени я превращусь в старуху, ты возьмешь меня замуж? — лукаво спросила она.

— Если ты захочешь выйти замуж за старика, — отшутился Андрей, а сам подумал, что они могут потратить жизнь на поиски выхода из Оазиса жизни, из бесконечности. Несмотря на отсутствие времени, жизнь их текла своим чередом — они росли, взрослели, а, значит, могут и постареть. Но думать об этом не хотелось.

Возвращались они с наступлением сумерек. Матушка Анастасия уже отправилась спать, привыкнув это делать рано. По мере приближения к дому, Таня разгоралась все сильнее. Андрей уже догадался о причине свечения. Слова Тани лишь подтвердили догадку:

— Меня призывают. Потерялась душа. Не знаю, сколько буду отсутствовать, так что ложись спать, не жди меня. А завтра... мы отправимся выручать Пану.

***

Виктор еще долго махал Андрею с Таней, хоть они уже и скрылись в тумане. Оставшись один, он весело огляделся. Даже потер руки от удовольствия и предвкушения жизни, полной наслаждения. В нем проснулась безудержная, детская веселость. Он скакал по тропинке, валялся в сочно-зеленой траве, подставлял лицо солнцу, наслаждаясь его ласковым теплом.

«Как хорошо, что я остался, — думал Виктор. — Тут гораздо круче! Что она там сказала? Что все это теперь мое? Класс! Можно все переделать! — он огляделся. — Ну, кому нужно это нагромождение деревьев, с растущими на них бесформенными плодами со вкусом курицы? — он глумливо хихикнул. — Не лучше ли иметь свой собственный супермаркет? Магазин, в котором все твое!» Он принялся в деталях обдумывать ассортимент: «Пиво! Это обязательно! Нельзя так долго воздерживаться от любимых напитков. Копченые окорочка и крылышки! М-м-м!!!» Виктор почувствовал, как слюноотделение усилилось, а желудок предательски заворочался в предвкушение любимого лакомства. «Чипсы! Фисташки! А еще — шоколад! Я бы сейчас съел плиточку, запивая колой! — он присел на траве, присматривая место для своего собственного магазина-самобранки, как мысленно его обозвал. — Вот тут он будет! Такой маленький да удаленький. И никакой травы вокруг! Только асфальт! И еще — тележка! Не в руках же мне все таскать! А еще — небольшой фонтан, привык я к ним в Питере!»

На большее его фантазии пока не хватало. Он сидел и ждал, когда желание исполнится, но ничего не происходило. Лицо его постепенно вытягивалось от разочарования. «Надула! — с раздражением подумал он. — А я-то размечтался! Супермаркет, фонтан...»

Вздыхнув, он поднялся с травы и поплелся к дому. Предстояло решить, как скоротать день и чем заняться завтра.

Глава 18

Гибельная беспросветность

«Он рядом, он рядом, и это самое главное», — лишь эта мысль помогала Алине двигаться дальше, не теряя остатки мужества. Она все время прокручивала ее в голове, смакуя и так и эдак, лишь бы отвлечься от кошмара, окружающего их со всех сторон. «Ах этот гул, он способен свести с ума!» Гудела земля, по которой они шли. Протяжный, монотонный звук поднимался из ее глубин, пронизывая тело, заставляя его мелко дрожать.

Алина, Кирилл и Михаил, закутанные в черные плащи, медленно продвигались вперед, преодолевая хлюпающую и булькающую под ногами вязкость. Капюшоны скрывали их лица, мешая смотреть вперед. Они не знали, куда идут. Не считая мертвых, без единого листочка деревьев и огромных грязных луж с плавающим в них мусором, ничего больше не встречалось на их пути. А прошли они уже немало.

Влага, висящая в воздухе, пропитала одежду и волосы. С каждым вздохом, спертый воздух, наполненный зловонными испарениями, проникал в легкие, вызывая глухой кашель.

«Что же это за место? — с ужасом думала Алина. — И есть ли тут люди?» За все время они не встретили ни одного человека. Алина устала. Она не могла припомнить, когда еще так уставала. Сосредоточилась на одной мысли — не отставать, хотя ноги все с большим трудом приходилось вытаскивать из вязкой жижи. Пару раз она спотыкалась и, если бы не Кирилл, вовремя ее подхватывающий, непременно упала бы прямо в зловонную грязь.

— Пора сделать привал, — наконец произнес Кирилл. Он заметил, что Алина бредет все медленнее, пошатываясь от усталости.

Выбрать сухое место не представлялось возможным, его тут просто не было. Поэтому устройство привала заняло еще какое-то время. Наломав веток и застелив ими землю, Кирилл с Михаилом, первым делом, посадили Алину, которая к тому времени уже едва держалась на ногах.

— Если я не сниму капюшон, то просто задохнусь, — сказал Михаил, стряхивая материю с головы.

— Но... ты не светишься, — потрясенно пробормотала Алина, глядя на курчавую голову. От влаги кудри стали еще мельче. Несмотря на следы усталости на лице, взгляд Михаила оставался веселым. Аура исчезла почти полностью, лишь красноватый оттенок кожи напоминал о ее присутствии.

Алина аккуратно протянула руку к Михаилу, и ничего не почувствовала. Жар исчез! Она притронулась к его руке и задохнулась от восторга — кожа казалась немного горячее обычного, но это была человеческая кожа. Как в забытьи, она погладила его запястье дрожащими пальцами.

Михаил замер от неожиданности, пока не сообразил, что все происходит на самом деле. Он посмотрел на измученное лицо Алины с глубоко запавшими глазами, но озаренное улыбкой счастья. Схватил ее руку и прижал к своему лицу. Кирилл с улыбкой наблюдал за ними, не нарушая их хрупкого счастья и удивляясь, что можно его испытывать там, где все угнетает.

— Как такое возможно? — спросил Михаил, когда к нему вернулся дар речи.

— Какая разница! — воскликнула Алина. — Мне все равно как, главное, что это произошло, — она крепко держала его за руку, боясь, что если отпустит, он опять разгорится пламенем.

— Думаю, мрачность этого места действует на нас, — высказал предположение Кирилл. — Оно глушит нашу внутреннюю сущность.

— Нам это на руку, не так ли? — спросила Алина.

— Если процесс остановится, — ответил он. — Иначе... мы рискуем сойти с ума, полностью лишившись сущности.

Развивать эту тему желания не было. Каждый из них молча надеялся, что этого не случится.

— А что сейчас — день, ночь, утро или вечер? — через какое-то время спросила Алина. С тех пор как они сюда попали, не стало ни темнее, ни светлее. Небо было затянуто свинцовыми тучами такой плотности, что сквозь них не проглядывал ни единый проблеск. Все вокруг, включая сам воздух, казалось серым, подернутым туманной дымкой.

— Трудно определить, — ответил Кирилл. — Возможно, здесь нет смены дня и ночи.

— Когда я был тут единственный раз, — откликнулся Михаил, — было точно так же, только еще и дождь лил.

Алина опять поймала себя на мысли, что продолжать беседу нет желания. Хотелось просто сидеть, не двигаясь и ничего не делая. На лицах мужчин отражалось такое же безразличие ко всему. Время шло, а они продолжали бездействовать. Лишь однажды Алина встрепенулась, когда не почувствовала руки Михаила в своей. Какого же было удивление, когда она обнаружила, что по-прежнему сжимает ее, только ничего не чувствует. Но в следующий момент ей и это стало безразлично. Она равнодушно отвела взгляд от Михаила и уставилась в пространство, отключаясь от всего.

Мысли рассеивались, едва только зарождаясь в мозгу. Подземный гул все глубже проникал в сознание, вытесняя оттуда все остальное. Мышцы расслаблялись, становясь вялыми. Алина почувствовала, как рука Михаила выскользнула из ее, но даже не повернула голову. Уголки ее губ опустились, веки ослабли и отказывались держать глаза открытыми. Последнее, что почувствовала, как голова ее упала на грудь.

— Очнись... Алина, очнись, — кто-то приоткрыл ей рот и просунул что-то жесткое и сладковатое на вкус. — Очнись, дорогая, нельзя спать. Этот мир коварен. Сознание едва не покинуло нас, превращая в зомби, — Алина узнала голос Михаила, но глаза никак не хотели открываться, хотя сознание потихоньку прояснялось. Сладковатый кусочек таял во рту, наполняя мышцы силой. — Открой глаза! — руки Михаила трясли ее. — Вот так, молодец! — она с трудом разлепила веки, всматриваясь в склонившееся над ней лицо. Михаил. Он с силой прижал ее к себе, согревая своим теплом. Алина слушала биение его сердца, окончательно приходя в себя.

— Что случилось? — пролепетала она. — Я упала в обморок?

— Мы все чуть не погибли, — ответил Михаил. Он продолжал держать ее в объятиях. Горячее дыхание обжигало макушку Алины. — Этот мир губительно действует на психику, убивая все чувства, погружая человека в небытие. Хорошо, Кирилл нашел в себе силы добраться до корня жизни. Он спас нас всех. Без него мы бы наверняка погибли.

— Это он такой сладкий? — Алина до сих пор чувствовала приятный привкус во рту.

— Он, он, — кивнул Михаил.

— Не знаю, насколько его хватит, — раздался голос сверху. Алина подняла голову и увидела улыбающегося Кирилла. — Нам нужно следить за своим состоянием и периодически съедать по кусочку корня. А теперь, пора идти.

— Но куда? — спросила Алина. Она не понимала, как можно определить направление, если кругом, куда ни глянь, было одно и то же: грязь и мертвые деревья.

— Нужно найти человеческое жилье. Мы ничего не знаем об этом мире. Нужно, чтобы кто-то рассказал, возможно, даже стал нашим проводником.

Они выпили по капле эликсира и продолжили путь, больше похожий на блуждания в неизвестности.

Заболоченная почва местами становилась рыхлой. Спасали только длинные сапоги, доходившие до колена. В такие моменты идти становилось особенно трудно. Подолы накидок приходилось поднимать и удерживать в руках, ноги с легкостью проваливались в грязь и с трудом покидали ее.

Михаил и Кирилл с двух сторон поддерживали Алину, но несмотря на это, она несколько раз чуть не упала, теряя равновесие из-за отсутствия твердой почвы под ногами. Она чувствовала невероятную усталость, хотя они прошли совсем небольшое расстояние и, наконец-то, выбрались на более-менее твердый участок. Подземный гул действовал на нервы. Ей постоянно хотелось плакать. Временами желание было так сильно, что она кусала губы, чтобы не разрыдаться от бессилия. Алина пыталась отвлечься, вспомнить приятные моменты из своей жизни. Но их не было, они улетучились из головы. Пустота охватывала мысли, парализуя способность думать.

Они медленно брели по мрачной сырости, не разговаривая друг с другом, не оглядываясь по сторонам. У каждого в руке был зажат маленький кусочек корня жизни как единственное доказательство, что они все еще живы.

— Ой, — воскликнула Алина и выронила кусочек, — он жжется.

От ее вскрика встрепенулись двое остальных. Кирилл опять первый сообщил, что следует делать. Он быстро положил корень жизни в рот. Остальные последовали его примеру.

— Он сам напомнил о себе, — Алина разглядывала руку, на которой проступило небольшое красное пятнышко. — Замечательный корень!

— Нам нужно выбрать место для ночлега, — предложил Кирилл. — Наверное, вы тоже чувствуете в этом потребность?

Вокруг по-прежнему клубилась туманная мгла. Ничто не намекало на наступление ночи. Лишь общая усталость говорила, что день остался позади, и наступает время ночного отдыха.

— Это место похоже на лес, — произнес Михаил. — Вернее, он мог быть им раньше.

Деревья росли тут чаще. Они хаотично поднимались из земли, разбрасывая в стороны уродливые ветви с торчащими на них сучками вместо листьев. Ноги упирались во что-то мягкое серого, кое-где почти белого, цвета. Сапоги не проваливались в грязь, но, приминая серую массу, оставляли четкие следы.

Кирилл зачерпнул рукой немного этой массы. Она тут же рассыпалась в его ладони, оставив неприятный смолянисто-жирный след.

— Это плесень, — понюхав ладонь, заключил он.

— Думаю, что она все-таки лучше, чем грязь, — с иронией произнес Михаил. — Тем более выбирать не из чего.

Алина взглянула на него и заметила веселых чертят в черных глазах. На душе потеплело, сразу же захотелось бороться с этим миром, не поддаваться его засасыванию в пучину отчаяния.

Выбрав место для палатки, они застелили поверхность земли ветками, собрать которые не составило труда, их кругом валялось в большом количестве. Такое впечатление, что недавно здесь прошел ураган, круша все на своем пути. Кое-где целые деревья были выкорчеваны с корнями, такими же огромными и уродливыми, как кроны. Установив палатку, они расстелили коврики. Толстый слой веток защищал их от плесени и сырости.

— Развести огонь не получится, — сказал Кирилл. — Вокруг ни одной сухой ветки.

— Послушайте, — обратилась к друзьям Алина, — а что если, попадая сюда, все живое умирает? Этот мир совершенно непригоден для жизни!

— Тогда тут кругом были бы трупы, — ответил Кирилл. Алина, воображение которой было сильно развито, содрогнулась от подобной мысли. — А так как мы их не встретили ни одного, значит, люди точно живут здесь. Осталось только выяснить, как они это делают?

— А ведь у Ивана нет замечательного корня, — задумчиво проговорила Алина, когда все устроились на ночлег.

Ее решили положить посередке. Михаил укрыл ее и своим плащом тоже. Он придвинулся к ней как можно ближе. Даже через два слоя ткани Алина чувствовала его тепло. Перед тем как улечься, они съели по маленькому кусочку корня. Для профилактики. Предугадать, когда вновь начнется помешательство, было невозможно.

— Какая Таня молодец! — продолжала Алина. — Что было бы с нами, не положи она этот корень?

— Между нами и Иваном есть различие, — через какое-то время произнес Кирилл. — Этот мир существует не для того, чтобы губить все живое, что попадает сюда. Он существует как наказание за содеянное, как искупление грехов. Иван каким-то образом принадлежит этому миру, значит, смерть ему не грозит.

— Но мы не можем знать этого наверняка... — прошептала Алина. — Как может он принадлежать этому миру?

— Не знаю, — ответил Кирилл, — но это факт. Его цвет говорит об этом. А он никогда не обманывает.

Михаил лежал тихо, не шевелясь. Он не принимал участия в беседе. Алина прислушалась к его дыханию, оно было глубоким и спокойным. Она даже позавидовала, что можно вот так уснуть, ни о чем не думая, хоть на какое-то время отключиться от проблем.

— А может сюда попадают все, имеющие дар предвидения? — предположила она через какое-то время.

— Я тоже думал об этом, — ответил Кирилл, — но... вряд ли. За что наказывать таких людей? Они не выбирают этот дар. Скорее наоборот... Да и мало кому он приносит счастье. Многие из них при жизни мучаются. Вот и Ванька, насколько я понял, больно-то не наслаждался своими способностями.

— Да, ему это доставляет сплошные неудобства, — в голосе Алины угадывалась улыбка. — Сколько работы ему пришлось сменить. Люди боятся его предсказаний, а он не может промолчать, когда нужно, выкладывает всю правду, — она помолчала и продолжила уже более серьезно: — Мы не переставали общаться после детдома. Он мне, как брат. Кроме нас у него никого больше нет.

— Он точно жив, — раздался вдруг голос Михаила. Алина вздрогнула от неожиданности.

— Я думала ты спишь, — повернулась она к нему.

— Я пытался установить связь с Иваном, — как всегда непринужденно ответил Михаил. Его голос оживил атмосферу в палатке, разгоня повисшую там грусть. — Мне не удалось найти его, но я точно знаю, что он жив. Я почувствовал его душу. Он угнетен, но здоров. Вот только... запрятан очень хорошо. Найти его будет трудно.

— Его прячут от нас? — спросила Алина.

— Не уверен... Скорее, его прячут от нашего мира. Что-то меня смущает. Но вот что?.. Какая-то мысль бродит рядом, но я никак не могу ее нащупать, — Михаил нашел руку Алины и крепко сжал. — Не переживай, мы обязательно найдем его. Найдем и вытащим отсюда!

Усталость брала свое. Разговор становился все более отрывистым. Паузы затягивались, пока сон окончательно не сморил их. Михаил обнял Алину и крепко прижал к себе. «Главное, что он рядом», — с улыбкой подумала она, проваливаясь в глубокий сон.

Разбудил ее сильный толчок в спину. Она открыла глаза, пытаясь сообразить, что происходит. Следующий толчок, еще сильнее первого, подбросил ее в воздух, больно ударив о ветки. В испуге Алина вскочила и отползла в сторону. Остальные тоже проснулись, почувствовав движение под собой. Все трое удивленно смотрели, как земля, укрытая ветками и ковриками, резко подпрыгивает и возвращается на место.

Постепенно толчки стали сильнее. Ветки разлетались из-под ковриков. Послышалось яростное рычание. К тому времени они уже успели выбраться из палатки и отойти на приличное расстояние.

— Кто-то или что-то пытается выбраться наружу, — тихо сказал Кирилл, вооружаясь внушительного размера палкой. Михаил последовал его примеру.

Толчки становились все более яростными, а рычание — зловещим. Алина, потеряв дар речи от страха, в ужасе смотрела, как палки разлетаются в стороны и палатка ходит волнами. Все замерли в ожидании исхода схватки.

Мощным толчком, в который неизвестное существо вложило все силы, земля взмыла вверх, разметая остатки веток. Крепления палатки не выдержали, и она завалилась, накрывая то, что пыталось выбраться наружу.

Веселая натура Михаила взяла верх над испугом. Он принялся тихонько посмеиваться, наблюдая, как кто-то, фырча и отплевываясь, барахтается в палатке. Его веселье заразило остальных, тем более что существо было явно невелико. Лишь рычания оставались по-прежнему зловещими.

В какой-то момент все стихло, и послышался звук разрезаемой ткани. Что-то тупое скорее рвало палатку, чем резало ее. Первой показалась взлохмаченная голова, с седыми и торчащими во все стороны волосами. Злое морщинистое лицо с огромным крючковатым носом и глазами навывкате уставилось на

них. Тело еще продолжало оставаться в палатке. Беззубый рот ощерился и продолжал рычать.

— Ну что ж, — философски изрек Михаил, — теперь мы знаем, что оно человеческого происхождения.

Существо не торопилось выбираться, продолжая ощупывать их взглядом, который казался даже очень осмысленным.

Кирилл с Михаилом, поняв, что выглядят, по меньшей мере, смешными, а по большей — агрессивными с высоко поднятыми палками, бросили их на землю.

Почувствовав, что угрозы от них не исходит, существо неуклюже выбралось из палатки, но не торопилось идти дальше. Лохматый комок с большим горбом на спине, одетый в бесформенные тряпки с выглядывающими из-под них худыми и грязными ногами и руками, с шумом втягивал воздух, словно принюхивался к чему-то. Его голова двигалась наподобие птицы, отчего нос становился похожим на клюв. Глаза вращались в разные стороны, ощупывая, казалось, сразу все пространство вокруг.

Определить, какого пола существо, не получалось. Вековая древность стерла разницу между мужчиной и женщиной.

Первым нарушил молчание Михаил. Он сделал несколько шагов в сторону существа, выставив руки перед собой ладонями вперед, и миролюбиво произнес:

— Мы не причиним тебе вреда. Мы не опасны. Мы здесь, чтобы найти своего друга.

Какое-то время ничего не происходило. Во время короткой речи Михаила, существо повернулось к нему одним ухом, на пример глуховатых людей. Затем оно какое-то время осмысливало услышанное, после чего грязный комок мелко затрясся, и из его горла стали вылетать звуки, похожие на что-то среднее между кваканьем и гавканьем.

— Что бы это значило? — удивился Михаил, наблюдая за непонятной тряской.

— Может, ему вдруг стало плохо? — предположила Алина. — Такое впечатление, что оно сейчас захлебнется, — из горла существа и в самом деле вырывались булькающие звуки, а голова его металась из стороны в сторону, будто держалась на пружине вместо шеи.

— По-моему, оно смеется над нами, — предположил Кирилл.

— Скорее, у него истерика, — ухмыльнулся Михаил.

Им ничего не оставалось, как ждать окончания диковинного смеха или что это было.

Смех оборвался так же резко, как начался. Глаза навывкате вновь уставились на них.

— Я уже давно ничего не боюсь, — внезапно проскрипело существо. Судя по тому, с каким трудом ему давалось каждое слово, и по тому, как хрипло звучал голос, говорить ему не приходилось давно. — Этот мир так страшен, что ничего в нем не может быть страшнее него. Это вам следует бояться.

— Вы первый человек, кого мы тут встретили, — обратился к нему Кирилл. — Не поможете ли вы нам отыскать друга?

— Помочь? — существо опять дернулось и квакнуло. — А ради чего мне помогать вам? Я вас спасу от верной гибели, если получу то, что хочу, запах чего

я чувствую.

— И что же это? — удивилась Алина.

— Корень жизни! — руки существа вытянулись вперед. Пальцы с загибающимися ногтями хватали воздух, как клешни краба.

Глава 19

Ада из ада

— Корень жизни? Зачем он вам? — удивился Кирилл.
— Зачем?! — вскричало существо, потрясая в воздухе костлявыми руками. — Зачем?! Да знаете ли вы, что нет ничего прекраснее этого корня для того, кто обречен на вечные муки? Это единственная возможность почувствовать себя живым в царстве смерти! Это единственная возможность вдохнуть воздух полной грудью, побыть на поверхности дольше нескольких минут. Это напоминание о жизни, которая была когда-то, — по мере тирады, существо подходило к ним все ближе. От него пахло сырой землей, впитавшейся в кожу и подобие. Вблизи лицо, изъеденное глубокими морщинами и черными порами, выглядело еще страшнее. Перед ними стояла такая древность, от которой шевелились волосы на голове, и тело покрывалось мурашками. — Съешьте, съешьте по кусочку... — существо тряслось всем телом, — и дайте мне... дайте мне кусочек, — дрожащая рука вытянулась вперед, в пожелтевших глазах застыла мольба.

Кирилл достал корень, в который существо впилося плотоядным взглядом и затряслось еще сильнее, и отрезал всем по маленькому кусочку. Он протянул руку и тут же отдернул ее обратно — когти существа оцарапали ему ладонь, выхватывая драгоценность.

Ярко-зеленый кусочек, не вписывающийся в этот мир, как бриллиант в груди стекляшек, лежал на грязной ладони. Какое-то время существо просто смотрело на него, не в силах поверить, что он реален. Из его груди вырывалось тяжелое, надрывное дыхание, будто душившие рыдания мешали свободно проникать воздуху. Взлохмаченная голова с подергивающимся носом все ниже и ниже склонялась к ладони. Удивительно, что не наоборот: ладонь превратилась в своего рода алтарь, с возложенной на него реликвией. В этот момент существо еще больше напоминало карикатурную птицу: горб за спиной — это огромные сложенные крылья, а вытянутая вперед голова с крючковатым носом — голова птицы с острым клювом.

Никто не успел отреагировать, так быстро маленький кусочек оказался в беззубой расщелине, которая тут же начала жамкать его и посасывать. Глаза закрылись, и на лице существа появилось подобие блаженной улыбки. Даже тело его выпрямилось, и горб стал казаться меньше.

Алине почудилось, что существо молодеет у них на глазах: морщины немного разгладились, лицо приобрело более естественную окраску, перестав выглядеть землистым.

— Вы не представляете, что я сейчас испытываю! — проскрипел довольный голос. — Это, как глоток воды умирающему от жажды! Ради такого не жалко пожертвовать всем остальным, — подобревшие глаза воззрились на них. — Пора идти... Сейчас начнется ливень. В это время опасно оставаться на поверхности.

Алина взглянула на небо. Оно совершенно не изменилось, оставаясь фиолетово-серым. Воздух по-прежнему был пропитан влагой, и ни единый порыв ветра, как предвестник грозы, не нарушал его состояния.

— Откуда вы знаете, что пойдет дождь? — удивилась она.

— Деточка, за сто лет, что я провела здесь, можно научиться еще и не такому, — ухмыльнулось существо. — Я чувствую его запах, он становится все ближе. И если мы не поторопимся, то рискуем потонуть в потоке грязи.

Быстро собрали палатку, изрядно пострадавшую во время ночного происшествия. Там, где раньше находился коврик Алины, теперь зияла дыра с уходящей в глубь земли лестницей.

— Живо спускайтесь! — скомандовало существо.

Едва что-то типа люка захлопнулось над их головами, как раздался сильный гром, сотрясая все вокруг.

Они оказались в крошечной темноте. Насколько успела заметить Алина, лестница уходила глубоко под землю. Проход тесный, пришлось идти друг за другом, нащупывая неровные ступени, хватаясь за влажные и липкие стены. Тормозило движение и то, что приходилось нагибаться, чтобы не касаться голой липкой поверхности.

Несмотря на то, что они удалялись от поверхности земли, гром только усиливался, сотрясения становились все ощутимее.

— Скоро придем, — проскрипело существо, замыкающее шествие. — Там я разожгу огонь.

Наконец преодолели последнюю ступеньку. Дышать стало немного легче, почувствовался приток свежего воздуха. Голова ни во что не упиралась, и можно было выпрямиться во весь рост.

Как ни старалась Алина что-нибудь разглядеть, кругом царил темнота.

— Сейчас... сейчас... еще чуть-чуть, и станет светло.

Вслед за словами загорелся огонь, и по помещению разлился тусклый свет от большого факела, вделанного в стену.

Они находились под огромным куполом, вся поверхность которого была вымазана чем-то черным. В самом центре, в углублении в земле, размещался большой очаг, над которым возвышалась тренога с болтающейся на ней бесформенной емкостью. От очага шло тепло и легкий дымок. Становилось понятно, что затушили его недавно.

Приглядевшись внимательно, Алина заметила, что купол неровный. С одной стороны имелось углубление, почти до верху заваленное ветками. С противоположной стороны — еще одно. В нем стояла большая деревянная лохань, в которую по желобку струйкой стекала вода. Впрочем, струя становилась все толще, по мере нарастания шума сверху.

— Скоро воды наберется много, и вы сможете умыться, — проследив взгляд Алины, пробормотало существо. Оно копошилось возле очага, разжигая его.

Несмотря на убогость убранства, в помещении было сухо и тепло. Плащи на путниках быстро сохли. Накопленная за сутки влага испарялась, как по волшебству.

— Чего застыли как вкопанные? — проскрипел недовольный голос. — Садитесь к очагу. Стелите ваши коврики. Сейчас чай будем пить.

— Как нам вас называть? — спросила Алина, когда все разместились возле ярко пылающего костра.

— Когда-то, давным-давно, меня звали Ада Степановна, — на морщинистом лице, которое оказалось женским, появилась грустная улыбка. — Потом просто баба Ада... А сейчас... сейчас зовут... грязной старухой... Впрочем, я и есть грязная старуха, — усмехнулась она.

В душе Алины шевельнулась жалость к этой оступившейся душе, обреченной на вечные мытарства.

Баба Ада прошлепала грязными босыми ступнями в глубь купола и вернулась с тремя самодельными деревянными чашками, в которые ловко плеснула темной жидкости, не снимая емкости с треноги и рискуя обвариться. По помещению заструился незнакомый, но приятный и терпкий запах.

— Замечательно пахнет! Что это? — поинтересовалась Алина, попробовав обжигающую жидкость.

— Это чай из коры дерева эвкалипта, которое растет далеко отсюда, — хихикнула баба Ада.

— За все время, что мы здесь, нам не встретилось ни одного живого дерева, — удивилась Алина. — Неужели, они все-таки есть?

— А кто сказал, что оно живое? — сурово воззрилась на нее старуха. — Дерево мертво, а вот кора у него живая, целебная. Не смог убить ее проклятый воздух вечности! — она потрясла кулаком, грозя невидимому врагу.

— Воздух вечности? — не поняла Алина.

— Так мы называем то, что находится на поверхности, — пояснила Ада. — Вы, наверное, уже заметили, что жить там невозможно. Вас этот воздух способен просто убить, а нас он превращает в животных — диких, жестоких и безмозглых. Вам повезло, что не встретили ни одного. Да, да, деточка, — увидев округлившиеся от страха глаза Алины, продолжила старуха, — много их бродит по этой земле, тех, кто не успели вовремя схорониться внутри.

— Получается, что жизнь здесь возможна только под землей? — спросил Кирилл, с наслаждением прихлебывая чай.

— Вы еще не поняли, где находитесь? Это ад, дорогие мои! Самый настоящий ад. Попадая сюда, главное вовремя окопаться. Но для этого нужно иметь сообразительность и силы, — бабка с отвращением оглядела себя. — Гляньте на это тело! Оно чудовищно слабо! Мне бы скинуть годков восемьдесят, тогда другое дело... Я страшно завидую тем, кто попадает сюда в расцвете сил и молодости. Но... этот мир так устроен, что в каком виде ты покидаешь грешную землю, в таком и возрождаешься для жизни вечной. А я испустила дух в сто три года.

«Ада из ада, — думала Алина. — Какую же жизнь ты вела, что оказалась тут, в этом ужасном мире? Сколько плохого должен совершить человек, чтобы получить такое суровое наказание? Хотя, о чем это я? А как же Иван? Ведь он за всю жизнь не сделал ничего плохого. Даже зверушку не может обидеть. За что он тут?»

— Все это вы построили сами? — вывел Алину из задумчивости голос Кирилла.

— О, да... Все сама, вот этими вот руками, — она протянула вперед худые костлявые руки с узловатыми пальцами. — На это ушла половина моей жизни тут, — уставившись в стену своими выпуклыми глазами, старуха погрузившись в задумчивость. — Когда я поняла, что воздух этого места превращает меня в безумную, я зарылась в землю и лежала там какое-то время, пока не исцелилась. Это чудесная земля. — Она с любовью погладила дно купола, которое в отличие от стен не было пропитано липкой жидкостью, а просто как следует утрамбовано. — Она дает возможность дышать полной грудью. Очищает отравленный воздух, делая его целебным. Ее поры чистят воду от ядови-

тых загрязнений. Она вытягивает дым отсюда. Видите? Дыма нет, он выходит наружу, — она указала на ярко пылающий очаг. Дыма на самом деле не было. Невидимая тяга впитывала его в поверхность купола, оставляя воздух внутри чистым.

— Вот почему мы не встретили никого? — произнес Кирилл. — Они все живут под землей.

— Почти все, — кивнула старуха. — Все, кто были рядовыми колдунами при земной жизни, да те, кто сбился с пути и пошел дорогой зла, — она тяжело вздохнула. — Но есть тут и такие, которые могут противостоять существующим законам. Это очень мощные волшебники. Даже тут они не утратили свои способности. Некоторые из них могут пересекать пространства и вторгаться в жизнь людей. Они ничего не боятся, поскольку страшнее этого мира не существует места. Ни одно наказание не может сравниться по жестокости с принуждением жить вечно в мире, где нет радости и света. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Я согласна лишиться всего, что имею, ради возможности возродиться вновь, для земной жизни, пусть и короткой. И любой из нас думает так. Кроме тех, кто может жить на поверхности...

— И много здесь таких? — спросил Михаил.

— Не очень. Всего несколько семей. Но они объединились и заняли огромную территорию. Это империя зла. Вам повезло, что не набрали на них, иначе с надеждой когда-нибудь вернуться можно было бы распрощаться.

— А далеко отсюда находится их империя? — у Михаила созрел план. Это читалось на его сосредоточенном лице.

— Не очень, — старуха внимательно изучала его. — Уж не хочешь ли ты наведаться туда? — подозрительно спросила она.

— Я думаю, Иван там, — обратился он к друзьям, игнорируя вопрос Ады. — Именно поэтому я не смог его почувствовать. А они могут узнать, что мы тут? — спросил он у старухи.

— Пока вы под землей, нет. Но стоит только выбраться на поверхность, как вас могут засечь, — она задумалась. — Странно, что они не заметили... Возможно вас и засекли, но приняли за безумцев, блуждающих здесь повсюду. Потому что... потому что... разве придет кому-нибудь в голову мысль добровольно проникнуть в этот мир?

— Вот и хорошо! — удовлетворенно кивнул Михаил. — Чем дольше они будут заблуждаться, тем выгоднее для нас. Осталось только придумать, как спасти Ивана.

— Все ли у вас в порядке с головами?! — вскричала старуха. — Куда вы собрались идти?! Даже если они вас пустят на свою территорию, то уже никогда не выпустят обратно! Нужно быть ненормальным, чтобы решиться на такое!

— Значит, мы должны перехитрить их, — спокойно ответил Михаил. — Нужно разработать план.

— Так! Ну, я вам точно помогать не стану, — старуха протянула к Кириллу руку: — Давай мою плату. Плату за то, что я вас приютила. Корень, корень! — нетерпеливо воскликнула она, потрясая ладонью. — Мне — корень, а дальше, делайте, что хотите.

Кирилл внимательно посмотрел на старуху, которая была больше напугана, чем зла. Убедившись, что никакого подвоха с ее стороны не будет, достал несколько кореньев и протянул ей. Бабка схватила их и понесла в нишу, где

хранились дрова. Когда вернулась, выглядела уже не так рассержено, на старческом лице блуждала довольная улыбка.

— Я посадила небольшой кусочек, — изрекла она. — Если вырастет, я стану всемогущей. Это откроет мне многие двери.

В продолжение беседы они узнали, что баба Ада вовсе неглупа. Ее изобретательности мог бы позавидовать любой исследователь. Она рассказала, как строила свою землянку, сколько раз оказывалась под завалами, пока не нашла на поверхности смолу, которой стала обмазывать стены, тем самым укрепляя их.

«Сколько же ей пришлось испытать? — с жалостью подумала Алина. — Столько мучений, одиночества, холода, голода... Кстати, а что она ест?» Этот вопрос она задала вслух, за чем немедленно последовал взрыв старческого смеха.

— По-твоему, я могу умереть с голоду? — прокаркала старуха, не переставая смеяться. — Деточка, я бы рада умереть, да не могу. Это роскошь! К тому же, здесь все мертвы, — уже серьезно добавила она. — Кроме вас, наверное.

Дождь перестал так же внезапно, как и начался. На поверхности воцарилась тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Деревянная лохань доверху наполнилась чистой водой.

— Эта вода намного лучше, чем та, что вы привыкли пить, — нахваливала старуха. — Можете умыться. А если согреете, то даже искупаться. Я не экономлю ее, ливни здесь — обычное дело. Только вот, уборной у меня нет, не обесудьте. Удобства на улице, в любом удобном для вас месте. Нельзя осквернять эту чудесную землю нечистотами, — она опять любовно погладила пол.

Алине хотелось обмыться. После суток пути, не снимая одежды, она чувствовала себя грязной и неопрятной.

Вода нагрелась быстро. Михаил помог вынести большое самодельное ведро на поверхность.

— Ничего не бойся! — сказал он Алине, выглядевшей испуганной. Она озиралась по сторонам, опасаясь всего после рассказа бабы Ады. За каждым деревом ей чудились животные в человеческом облике. — Я буду рядом.

— Не уходи, — попросила она, — останься здесь. Просто, отвернись...

Она стояла так близко, глядя на него огромными испуганными глазами. Никого вокруг, только они в этом мертвом мире. Он погладил ее по щеке. Дотронулся до губ...

— Поцелуй меня, — прошептала Алина, прочитав в глазах Михаила ответное желание и робость.

Он прижался к ее губам. Она целовала его так, будто делала это в последний раз. Всю страсть, на которую только была способна, она вложила в один единственный поцелуй. В него вылилась вся любовь, пронесенная через годы.

— Я люблю тебя, — одновременно произнесли они, когда смогли оторваться друг от друга.

— Я люблю тебя, — повторила Алина. — Я всегда любила тебя одного. — Ее глаза наполнились слезами.

— Не плачь, — в глазах Михаила уже плясали веселые чертики. — Мы не расстанемся. Теперь мы всегда будем вместе, — он прижал ее к себе, и второй поцелуй, не менее пылкий, чем первый, наполнил их сердца радостью.

— А теперь, отвернись, — засмеялась Алина, поворачивая Михаила спиной

к себе. — Вода остывает, и Кирилл рискует быть съеденным бабой Адой.

Алина быстро вымылась и надела чистый комплект одежды, предусмотрительно прихваченный с собой.

Спустившись вниз, они застали Кирилла и бабу Аду мирно беседующими. Михаил лукаво подмигнул Алине, как бы говоря: «Твои опасения не подтвердились, они отлично ладят».

Никаких лежачих мест в землянке бабы Ады не было.

— Устраивайтесь прямо на полу, — скомандовала она. — Стелите ваши коврики ближе к очагу. От него еще долго будет тепло. Авось, не замерзнете.

Сама она удалилась в нишу, где хранились дрова.

— Интересно, как там Таня и Андрей? — тихо спросила Алина, когда все уже лежали на полу и готовились ко сну.

— Скоро узнаем, — ответил ей Кирилл, выбираясь из-под накидки. Михаил последовал его примеру. — Нас вызывают. Нужно работать.

— Не скучай, любимая, — Михаил наклонился и быстро поцеловал Алину, которая от расстройства готова была расплакаться. — Спи, мы скоро вернемся.

Виктор ворочался с боку на бок, скидывая одеяло и укрываясь вновь. Единственным звуком в полнейшей тишине был скрип кровати под ним. Сна не было ни в одном глазу. Он уже давно выключил солнце и включил луну. День, проведенный в праздном шатании по дому, с постоянным выглядыванием в окно в надежде, что появится супермаркет, довел его чуть ли не до нервного срыва. Он чувствовал себя обманутым. А тут еще и сон не шел. Он крутился в кровати. Тело ломило, голова раскалывалась.

Почувствовав жажду, бедолага решил спуститься на кухню. Там ему захотелось переколотить всю посуду от нахлынувшей злости. Неимоверным усилием воли он сдержался. По инерции выглянул в окно и резко отшатнулся. «Тьфу ты! Проклятый туман!» — грязно выругавшись, пробормотал он. Виктор забыл, что кухонное окно располагалось на стене дома, упирающейся в туман. «Одно и то же дерьмо день ото дня! Зачем им вообще это окно? Давно бы уже замуровали!»

Выходя из кухни, он в раздражении громко хлопнул дверью, отчего дом содрогнулся. «Отстроили хоромы! — угрюмо думал Виктор, направляясь к лестнице. — Избушка на курьих ножках! А могли бы построить дворец!» Возле входной двери он остановился и решил выглянуть в сад. «Глоток свежего воздуха не помешает перед сном, — подумал он, — посижу маленько на крыльце, может спать захочется».

Какого же было изумление, когда, открыв дверь, он увидел, что противоположный конец сада ярко освещен. И деревьев в нем поубавилось. «Эврика!» — не удержавшись, громко прокричал Виктор, почувствовав себя при этом глупо.

Он пересек сад и увидел, что все в точности так, как он представлял себе: и магазин, и асфальтированная площадка, и фонтан, элегантно разбрызгивающий воду...

Глава 20

Настоящий рай

Спать не хотелось. Андрей долго ворочался на жестком и неудобном топчане, пока не понял, что попытки уснуть тщетны. Тогда он вышел во двор. Свежий ночной воздух приятно бодрил. Запах цветов пробуждал романтические мысли. Почему-то вспомнился дом, в котором он чаще чувствовал себя гостем, чем хозяином. И неудивительно: большую часть времени Андрей привык проводить на работе. Иногда приходилось задерживаться допоздна и ехать домой, за город, не имело смысла. Тогда он ночевал в гостинице, где его хорошо знали. Даже номер выделяли один и тот же. Собственно, там он проводил времени больше, чем в доме, что он выстроил не так давно. Из целого штата прислуги, он помнил как зовут только двоих: дворецкого Хуана — уроженца Мексики и горничную Марту, которая была не прочь завязать интрижку с хозяином и всячески на это намекала. Остальных он вечно путал, за что испытывал постоянные угрызения совести.

Андрей посмотрел на яркую луну, неподвижно застывшую на усыпанном звездами небе. Почему именно сейчас ему вспомнился дом? Он даже не мог представить, в каком месте безмерного пространства находился в данный момент. Дом представлялся в другой жизни, не его, а его двойника, живущего параллельно с ним. Вся его жизнь была сосредоточена сейчас здесь, в этом мире, рядом с Татьяной.

Стоило только подумать о любимой, как мысль вытеснила все остальные. И опять пришло опасение, что выбраться отсюда не получится, что они вынуждены провести здесь остаток жизни. Это его не устраивало. Видеть ее каждый день, не имея возможности прикоснуться, все равно, что заниматься мазохизмом. Он вспомнил, как обнимал ее. Видения были так реальны, что он почти почувствовал мягкость и податливость ее тела, теплоту губ, обжигающее дыхание, когда она шептала слова любви. Желание ощутить все снова так опалило, что в груди закололо, мешая дышать. Боль скрутила такая, что он невольно прижался к коленям. Андрей заскрипел зубами: «Боюсь не выдержать и обнять ее. Что тогда будет? Сгорю, как старый пергамент, как сухая осенняя листва. И ветер развеет мой прах где-то между мирами». Он в раздражении потряс головой, выпрямляясь: «Да что это со мной? Помешательство какое-то. Э-э-э, да ты, оказывается, слабак! Столкнулся с трудностями и в кусты? Где же твое упорство, которым ты так гордишься? Куда подевалось стремление выжить несмотря ни на что? И кто тебе сказал, что за любовь не нужно бороться? А у тебя она уже есть! Осталось только вырвать ее из когтей вечности! Разве это проблема?»

Он тихо рассмеялся. Точно ненормальный. Сравнить вечность с когтями дикого животного, вцепившегося в них мертвой хваткой! Абсурд! Или истина?

Луна скрылась за небольшим облаком. Темнота окутала его со всех сторон. Вдалеке появилась маленькая светящаяся точка. Она мелькала среди деревьев и становилась все ярче по мере приближения. Таня вышла на поляну, разгоняя темноту.

— Чего же ты не спишь? — спросила она, подходя ближе.

— Жду тебя, — Андрей почувствовал приятное тепло, когда она опустилась на противоположный конец лавки.

— А если бы я не вернулась до утра, — улыбнулась она, — ты бы сидел и ждал?

— Да! Рискуя заснуть и свалиться с лавки, — Андрей, как всегда, залюбовался ею. Сейчас она была сказочно красива, как лесная нимфа. — Как там у них дела?

— Им приходится сложнее, — Таня коротко рассказала о приключениях в темном мире.

— Да, уж...

Появился стыд, что другие столкнулись с настоящими трудностями, пока он тут прирает тоске.

Опять показалась луна, но лишь на короткий промежуток времени. Скользя приглушенным светом по поляне, она вновь нырнула за темное пятнышко, притаившееся рядом. Словно заигрывает с ними — откровенно и в то же время стыдливо.

— Нужно немного поспать, — задумчиво произнесла Таня. — Силы нам еще пригодятся.

— Как мы будем добираться туда? Пешком? — шепотом спросил Андрей, когда они зашли в дом, и Таня собралась скрыться за дверью своей комнаты.

— Нет. Пешком туда не дойти. Мы выйдем из этого мира в безвременное пространство и войдем опять в нужном нам месте.

«Так просто? — ухмыльнулся Андрей, снова укладываясь на жесткий топчан. — Выйдем и войдем». Он вытянулся на спине, как привык делать всегда, расслабляя суставы после трудового дня, и закрыл глаза, не надеясь быстро заснуть. Однако сон сморил его почти мгновенно, погружая в благодатное спокойствие.

— Вставай, соня! — веселый голос Тани ворвался в просыпающееся сознание.

Андрей открыл глаза и увидел ее смеющееся лицо. Она держала охапку овощей, направляясь на кухню.

— Пора вставать, — снова прокричала она с кухни, вываливая добычу на стол. — Пока ты будешь умываться, я быстренько приготовлю яичницу с помидорами.

— Откуда такая роскошь? — голос Андрея был хриплым со сна. Он уселся на топчане, пытаясь окончательно проснуться.

— Яйца? — уточнила Таня и рассмеялась. — Я отвоевала их у матушки. Сказала, что сильному мужчине не пристало питаться одними овощами. Те несколько несушек, что она держит за домом, неплохо справляются со своей задачей. Только плоды их труда идут на питание лесным обитателям.

Таня весело суетилась на кухне, разбивая яйца и нарезая помидоры. При этом что-то напевала себе под нос.

— А зачем ей куры? — Андрей еще раньше хотел поинтересоваться об этом, когда только увидел небольшой курятник за домом и разгуливающих по двору кур. — Она же не ест мяса и яйца?

— Наверное, для разнообразия, — опять рассмеялась Таня. — А, может, ей необходимо заботиться о ком-нибудь... Не знаю... В любом случае, нам это только на руку. Я тоже не прочь полакомиться белком.

Выйдя во двор, Андрей удивился, как высоко уже солнце. «Ночные бдения не прошли даром. Ты украл это время у утра» — размышлял он, обмываясь ледяной колодезной водой. Восстановленная бодрость разбудила волчий аппетит.

— Я почти умираю от голода. Этот запах кого угодно сведет с ума, — пожаловался он, заходя на кухню, где уже пошкваркивала яичница, приправленная помидорами и зеленью.

— Тогда, живо принимайся за дело, — велела Таня, накладывая ему огромную порцию аппетитного блюда и отрезая солидный ломоть хлеба.

— М-м-м, вкуснятина какая! — пробормотал Андрей, поглощая яичницу с невероятной скоростью. — А корову она, случайно, не держит? Я бы сейчас не отказался от стакана парного молока.

Таня весело рассмеялась, а Андрей мгновенно забыл о завтраке. Как же ей шел смех: на щеках появлялись очаровательные ямочки, а вокруг глаз разбегались мелкие лучики.

— Вот тебе вместо молока, — не переставая смеяться, она подвинула к нему большую чашку дымящегося травяного чая. — Фирменный напиток от матушки Анастасии.

— Ну вот, — шутливо скривился он, — опять эта травяная польза! А так хочется вредной жирности...

Таня тоже с аппетитом уплетала свою порцию яичницы. Они веселились, как милая семейная пара, не желая думать о предстоящем деле, трудностях, с которыми возможно придется столкнуться, ни о чем, что могло бы испортить настроение.

Но время берет свое. Как ни странно, это чувствовалось и здесь, где не было времени, и текла вечная жизнь. Следовало отправляться в путь.

— Ну, дорогие мои, будьте осторожны, — давала последние напутствия матушка Анастасия. — Помните, что с радостью помогу вам, если это будет в моих силах.

Она перекрестила их на дорожку и мысленно вознесла молитвы к небу.

И снова туман окутал их, но Андрей его почти полюбил за то, что мог держать Таню за руки.

В этот раз они оказались в центре березовой роци. Вернее, это была широкая аллея, по обе стороны от которой росли березы. Сквозь густую и сочную листву проглядывало яркое солнце, приятно лаская кожу.

— Здорово, да? — Таня наблюдала за реакцией Андрея. — Это еще что!.. Пойдем, я покажу тебе настоящий райский уголок.

Она принялась петлять между стройных белых стволов с черными вкраплениями. Андрей едва поспевал следом. Через несколько минут они вышли к небольшому озеру, по периметру которого густо росли плакучие ивы. Кустарники чередовались с деревьями, блестящие коричневые стебли венчала ажурная крона из тонких веточек с длинными, заостренными с двух сторон листьями.

— Это тальник? — не поверил своим глазам Андрей. Кое-где кустарники ракиты образовывали заросли, которые в народе называли тальниками.

— Точно! — кивнула Таня. — И, что самое главное, вода в этом озере всегда кристально чистая и теплая.

— Именно так, наверное, и должен выглядеть рай, — задумчиво произнес

Андрей. — Знаешь, что я сейчас вспомнил? Песенку, которую ты пела почти на всех праздниках. Помнишь?

— То березка, то рябина, — запела Таня чистым и звонким голосом, — куст ракиты над рекой. Край родной на век любимый, где найти еще такой... — она резко замолчала, и глаза ее подернулись грустью. — Только тут озеро, а не речка, как в моей песне...

Андрей отчетливо представил себе маленькую рыжую девчонку с торчащими в разные стороны непослушными локонами, гордо стоящую на сцене и звонким детским голосом поющую песню о родном крае. Без тени смущения, без запинок, отлично чувствуя музыку. И потом — гром аплодисментов, взрывающих зал. Иногда ей даже аплодировали стоя от переизбытка чувств.

— Не грусти, — попытался успокоить ее Андрей, — мы выберемся отсюда.

— Видя всю эту красоту, — грустно проговорила она, — я еще сильнее скучаю по дому. Все это не мое. И я бы не хотела, чтобы оно было моим. Я хочу в тот мир, который бережно хранится в детских воспоминаниях. Пусть я там почти ничего не видела, но я помню, как это пахнет. Тот мир пахнет родиной.

— Мы вернемся туда, — уверенно произнес Андрей. — И ты опять почувствуешь тот запах. «Значит, вот что такое родина? — мысленно продолжил он. — Не город или страна, в которой ты живешь, а весь твой мир!»

— Да, я шут, я циркач, так что же? Пусть меня так зовут вельможи! Как они от меня далеки, далеки... — послышалось залиvistое пение со стороны рощи. — Никогда не дадут руки-и-и... — на поляну выскочила девушка, размахивая небольшой корзинкой. Заметив Андрея с Татьяной, она резко остановилась, испуганно уставившись на них. — Ой! А вы кто? — немного заикаясь, спросила девушка. — Как?.. Как вы здесь оказались? — ее серые глаза округлились от удивления.

— Не бойтесь! — выступила вперед Таня, заметив первые признаки паники в глазах незнакомки. — Мы не злодеи.

— Постой... а я знаю тебя, — девушка с любопытством разглядывала ее, сразу же успокоившись. — Ты — Посланица... Ну, точно! — она улыбнулась. — Мне рассказывали о тебе... Но я и представить не могла, что ты такая красавица! А ты кто? — она перевела взгляд на Андрея, и в нем опять засветилось недоверие.

— Мы...

— Мы — друзья Паны, — перебила Андрея Таня.

— Правда?! Нашей Паночки?! Но это же чудесно! — развеселилась незнакомка. — А я... я — ее бабушка... — на щеках девушки вспыхнул яркий румянец. — Хоть и выгляжу странно для этого... Ну тогда скорее пойдете, — спохватилась она. — Пана будет до ужаса рада вас видеть.

— Подожди, — остановила Таня уже настроившуюся бежать обратно девушку, — давай еще немного побудем здесь... Такая красота, — она окинула взглядом поляну. — Хочется все как следует рассмотреть.

— Да-а-а, у нас тут замечательно, — радостно согласилась девушка. — Сколько люблюсь, а не надоедает.

— Как тебя зовут? — представив девушке себя и Андрея, спросила Таня, когда они все дружно уселись прямо на траву.

— Елена.

— Значит, ты — дочка Марфы?

— Да... — удивленно ответила она, — а откуда вы знаете?

— Так, — начала было Таня, но сразу осеклась, — а... что, Пана ничего не рассказывала?

— Паночка очень молчаливая и замкнутая, — вновь улыбнулась девушка. — Она еще не привыкла к нам. Сторонится всех... А Светлану, так вообще, по-моему, боится.

— А Светлана... Она тут самая главная? — аккуратно уточнила Таня.

— Да, — ответила простушка, не почувствовав напряжения в ее голосе. — Она самая первая оказалась здесь, — девушка бесхитростно выложила историю, рассказанную давным-давно бабой Марфой. — Вот, — закончила она, — здесь все так, как хочет она. И это озеро... и роца... Красиво, правда?

— Очень, — согласилась Таня. Андрей помалкивал, боясь спугнуть Елену. Он уже догадался, что Таня пытается выведать как можно больше, прежде чем отправиться во вражеский стан. Что он является таковым, Андрей не сомневался. — А кто еще живет с вами вместе, ну... кроме тебя и Светланы?

— А... это? — засветилась добрая простушка. — Ну, нас много... моя бабушка — Наталья. Вы не представляете, как долго я не могла к ней привыкнуть! — засмеялась она. — Где это видано, чтобы бабушка была одних с тобой лет? Потом... еще бабушка моей бабушки — Ольга, и ее бабушка... тоже... Вера... Запутались? — вновь засмеялась она. — Все это проклятие... из-за него мы все тут ровно через поколение и в одном возрасте, едва достигшие двадцати пяти лет... Зато, нам весело! В замке Светланы, — в устах девушки это прозвучало так естественно, как будто она не видела ничего особенного в том, что замок принадлежит Светлане и она тут главная хозяйка, — живет еще целая куча народу... Там весело.

— А почему вы живете все вместе? — продолжала допытываться Таня, стараясь делать это как можно более дружелюбно. — Тут мало кто живет группами. Многие селятся по отдельности, создают свой собственный мир.

— А зачем? — искренне удивилась Елена. Стало понятно, что подобная мысль даже не приходила ей в голову. — Это же ужасно скучно! И потом... не смогла бы я жить сама... Я непутевая, — она хихикнула. — Вот и мама так всегда говорила.

— А Светлана? Какая она? — рискнула спросить Таня.

— О-о-о, она замечательная! — восторженно воскликнула девушка, не почувствовав подтекста в вопросе. — Она... она, как королева! Всегда все знает, правильно делает. Она никогда не обижает нас... Все решения принимает сама... а мы всегда согласны с ней...

«Вот! Самое главное! — подумал Андрей, продолжая молчать, не вступая в беседу девушек. — Всегда все делает сама! Видно, как-то она научилась подчинять себе волю девушек. А Пана пока еще не поддается...»

— А ты сразу согласилась жить здесь, вместе со Светланой? — будто прочитав мысли Андрея, спросила Таня. — Как только попала сюда? Тебе не хотелось иметь свой дом?

— Я уже не очень помню... — задумалась Елена. — Может, в самом начале, если только... Не помню, а что?.. — во взгляде ее мелькнуло недоверие.

— Ничего, — улыбнулась Таня. — Просто мне до ужаса интересно все, что касается Паны и ее семьи, — Елена опять расслабилась и успокоилась. — Она — моя близкая подруга, понимаешь? Я волнуюсь за нее.

— О-о-о, не волнуйтесь! Паночку здесь никто не обидит. Ее все любят и балуют, — тут она немного загрустила: — Только... она плачет, бедняжка. Когда думает, что ее никто не видит, заливается горькими слезами... А один раз, ночью, я слышала, как она звала какого-то Ивана, — Елена вновь улыбнулась. — Видно, остался там парень, которого она шибко любит. Я тоже любила... когда-то, — она замолчала, мысли ее унеслись далеко-далеко. — Только... пустое это все, — она говорила будто сама с собой. — Любовь, тоска... Зачем? Когда можно жить и ни о чем не думать... Ой, что это я? — она бросила испуганный взгляд на Таню и Андрея. — Разболталась тут! А меня ведь дома дожидаются. И ягод не набрала еще, — она с сожалением заглянула в пустую корзинку. — Теперь влетит от Светланы...

— Давай вместе соберем, — предложила Таня.

— Правда? — обрадовалась Елена. — Давайте! От помощи не откажусь.

Втроем они набрали полную корзину земляники, которой росло повсюду видимо-невидимо. Крупные ягоды выглядывали из-под листьев, а не прятались за ними. Земляника прямо манила, чтобы ее сорвали.

— Вот, спасибо вам! — сказала Елена, когда корзина заполнилась доверху. — Без вас я бы долго еще возилась. А теперь, пойдете. Время близится к обеду. Светлана будет волноваться. А как Пана обрадуется...

Они пересекли рощу и вышли на аллею, которая, как оказалось, вела прямо к дому.

— Ничего себе! — вырвалось у Андрея, когда роща осталась позади. Он ожидал увидеть все что угодно, только не то, что предстало их взору. Мороз побежал по коже. Плохие предчувствия, которые раньше не посещали его, мгновенно заполнили сознание.

Глава 21

Модель, далекая от совершенства

Алина лежала, глядя на противоположную стену, где пламя факела отражалось на блестящей поверхности. Оно исполняло причудливый танец, казавшийся ей колдовским и опасным. Оставшись одна, она ни на секунду не переставала бояться. Она закуталась в накидку до самого подбородка. Несмотря на тепло от тлеющего костра, ее периодически била мелкая дрожь.

«Скорее бы они вернулись!» — твердила она без остановки. Мысль, что она осталась одна в темном мире, сводила с ума. Как могла гнала ее подальше, но злодейка упорно возвращалась и будоражила сознание.

Из закутка с дровами раздавался громopodobный храп Ады. Иногда он сменялся грозными причмокиваниями, а затем снова усиливался. В такие моменты Алине становилось еще страшнее, она вздрагивала каждый раз, как бабка громко всхрапывала после затишья. В другое время подобная ситуация расмешила бы ее, но только не здесь, рядом со старухой, которая прожила уже неизвестно сколько лет и пропиталась вековой древностью.

Факел освещал лишь небольшой участок вокруг себя, все остальное пространство было погружено во мрак. Алине казалось, что там, в темноте, притаились жуткие монстры. Вот они сидят, скалят пасти и только и ждут подходящего момента, чтобы растерзать беспомощную жертву. Под аккомпанемент храпа впечатление только усиливалось.

Усталость брала свое, и глаза Алины уже с трудом держались открытыми. Она усиленно их таращила, боясь, что как только закроет, на нее накиннутся те самые чудовища. Неистовая пляска на стене действовала гипнотически, и постепенно веки ее опустились, и тело погрузилось в тревожный сон, не переставая вздрагивать от раскатов храпа. Наверху разыгралась настоящая буря. Громкие завывания ветра и шум барабнящего по поверхности земли дождя подействовали на Алину, как снотворное. Внизу было тепло и сухо, а мягкая накидка ласкала кожу, как рука заботливой матери, которой у нее никогда не было.

Разбудил ее звук захлопнувшегося люка. Она резко села, держа накидку обеими руками у самого подбородка, и уставилась на проем в стене, где уходила вверх крутая лестница. Оттуда доносился звук шагов. Похоже, кто-то наведался в гости и сейчас уверенно спускается вниз.

— Адская темень! — услышала Алина сердитый мужской голос. Далее последовала нецензурная брань, от которой у нее побежали противные мурашки. Такого отборного мата ей еще не приходилось слышать, хотя школьники в этом и продвинулись — ругались, не стесняясь, при учителях. — Вставай, старуха! Хватит храпеть! Дело у меня к тебе есть.

Грубый голос все приближался. Алина запаниковала, решая, куда можно спрятаться. Но тут же отбросила эту мысль — в проеме появилась высокая темная фигура.

Ада продолжала храпеть, как ни в чем ни бывало. Видать, нужно было более действенное средство, чтобы разбудить ее.

Алина замерла, боясь шелохнуться, наивно полагая, что так ее не видно.

— Так, так, — пришелец хищно повел носом, — пахнет человеченкой! Дав-

ненько я такого не нюхивал.

Глаза, цвет которых Алина не могла разглядеть, беззастенчиво разглядывали ее, закутанную в плащ, как в кокон. Несмотря на страх, Алина успела заметить, насколько позволял тусклый свет от факела, что мужчина молод и хорош собой. Натренированное тело одето в брюки и черную футболку. Выглядел он опрятным. На ногах блестели ботинки, как будто их только что натерли кремом. Гладко зачесанные назад волосы отливали черным. Даже при таком освещении было заметно, какая смуглая у него кожа.

Мужчина не спешил приближаться к Алине. Он молча изучал ее испуганное лицо.

— Старуха умеет преподносить сюрпризы, — негромко произнес он. — Кто ты и что здесь делаешь? Как ты очутилась в этом месте, забытом и покинутым Богом?

Он сделал несколько шагов в сторону Алины. Даже захотев, она вряд ли смогла бы ответить. Страх парализовал голосовые связки. Лишь глаза становились все больше, да слабый писк вырвался из трусливого горла по мере его приближения.

— Чего пицишь? — усмехнулся парень. Он остановился в метре от нее и опустил на корточки. Испуганные глаза Алины встретились со светло-коричневыми, почти желтыми, глазами. Кроме любопытства, в них больше ничего не было. Это немного успокоило Алину. Она считала себя неплохим физиономистом и решила, что обладатель такого взгляда вряд ли задумал что-нибудь плохое. — Не бойся! Я людей не ем! Даже так приятно пахнущих, — он опять повел носом, принюхиваясь и иронично улыбаясь.

Алина продолжала молчать, голос отказывался подчиняться. Мужчина протянул руку и дернул накидку вниз. От испуга подбородок Алины начал подрагивать.

— Да чего ты трясешься? — немного раздраженно воскликнул он. — Я что похож на людоеда?

— Н-н-нет... — нашла в себе силы, наконец, вымолвить Алина.

— Ну... тогда чего же ты боишься? — он протянул руку, в попытке еще ниже стянуть накидку.

— Не трогайте меня! — жалобно пропищала Алина, с трудом отодвигаясь от него.

— Все, не трогаю! Видишь? — он примирительно поднял руки вверх ладонями вперед. — Только не пици и, что еще хуже, не плачь.

Из закутка, где спала Ада, донеслось недовольное покашливание.

— Кого там принесло? — проскрипел старческий голос. Затем последовало сердитое бормотание на тему, что старость не радость и в этом месте является только помехой. Видно, встать с первого раза у нее не получилось. — Кто там? — из-за угла показалась ее взлохмаченная голова. — Ты, что ли, Захар?

— Я, — ответил парень, вставая и поворачиваясь к старухе.

— Чего ночью приперся? — недовольно проворчала она, неуклюже ковыляя по землянке.

— Ну для кого ночь, а кому и день. Забыла, старая? — беззлобно рассмеялся парень.

— Тьфу ты! Забыла, — скривилась бабка. — Ну и приходил бы тогда ночью.

— Чего раскаламбурилась, старуха? — не переставал он смеяться. — Ух, я и

забыл, как ты воняешь! — скривившись и резко перестав смеяться, сказал он и картинно зажал нос, когда Ада доковыляла до него.

— Так не нюхай, проваливай отсюда, — она сердито кивнула в сторону лестницы.

— Ладно, ладно, молчу, — вновь улыбнулся парень. — По делу я к тебе шел, а тут — такое... — он указал на Алину. — Откуда она взялась? Признавайся! А то она язык, похоже, от страха проглотила.

— Не твое дело! — огрызнулась старуха. Алина испугалась, что незнакомец сейчас разозлится, но, не заметив в его лице признаков гнева, сразу успокоилась. Она даже позволила себе выпустить накидку, почувствовав защитницу в лице Ады. — Не про твою честь!

— А жаль, — Захар снова окинул плотоядным взглядом Алину, которая непредусмотрительно раскрылась. Она тут же опять натянула накидку до самого подбородка. — Я бы порезвился с ней, — расхохотался он, заметив ее испуг.

— Хорош балагурить попусту! — рывкнула Ада. — Говори, чего пришел? А ты, детка, не бойся. Не тронет он тебя! — уже мягче обратилась она к Алине.

— Пришел за смолой твоей волшебной, — перестав дурачиться, серьезно сказал Захар. — Никак не могу добыть такую же. Вроде, делал все так, как ты говорила... Ан не получается — гаснет факел едва разгорится и все тут.

— Ну, не бестолочь ли? — всплеснула руками Ада. — Сколько раз объяснять? От примесей цедил?

— Цедил!

— Над огнем вываривал?

— Ну, да!

— А плесень добавлял?

— Нет, забыл!

— Ну, я же говорю, бестолочь! — удовлетворенно кивнула Ада. — Без плесени, милок, ничего не получится! Поэтому и не горит!

Алина, опять забыв про страх, заинтересованно слушала диковинную беседу. Они ей сейчас напомнили сказочных героев, вернее злодеев, говорящих о приготовлении колдовского зелья.

— Да как же я ее соберу, эту плесень-то? — возмутился парень. — Она же в руках расползается. Только ржавые пятна и остаются!

— Да ты еще бестолковей, чем я думала! — разозлилась Ада. — Кто ж ее руками-то собирает? Только дураки, такие, как ты. Возьми чего-нибудь... Да хоть кусок коры... Ей и собирай. Только, не забудь накрыть потом, чтобы ветром не развеяло. А то не донесешь до места, по дороге растеряешь.

— Понял, понял, — пробубнил Захар, — не дурак. Дай хоть чуть-чуть, на первое время, пока свою не приготовлю...

— Ох и надоел ты мне, дармоед! — проворчала Ада, направляясь, однако, в свой волшебный закуток. — Ходит тут, попрошайничает! Самому слабо, что ли? — голос ее затихал по мере удаления и добрел одновременно. Было заметно, что сердится она не всерьез, что такое внимание ей даже льстит.

— Злобная старуха! — с ответным дружелюбием произнес Захар и подмигнул Алине. К тому моменту она уже перестала бояться. — Как тебя зовут, красавица?

— Алина, — осмелилась произнести она.

— И что же ты тут делаешь, все-таки? Здесь не место таким...

— Каким таким? — удивилась она.

— Живым, глупышка! — рассмеялся он.

Алина вздрогнула. Опять накатила волна страха от мысли, что она единственная живая в огромном мире, где все мертвые и возродились для вечной жизни-муки. Захар неправильно истолковал ее реакцию:

— Не бойся, — сказал он, — я тебя не обижу. Но... здесь не все такие добрые, — если он хотел ее успокоить, то получилось у него с точностью до наоборот. Она лишь еще больше испугалась. — Да чего ты так смотришь на меня? — всполошился он, увидев расширившиеся от страха глаза Алины. Она уже во всю боролась со слезами. — Я даже пальцем тебя не тронул!

— Просто... просто... — пролепетала она, — просто... мне страшно от твоих слов стало, — выдавила она, наконец.

— Ах это? — расслабился он. — Ну... тут, конечно, есть чего бояться... Но, думаю, старуха не даст тебя в обиду. Да и я теперь тоже, — немного помолчав, добавил он. И посмотрел так выразительно, что у Алины опять по телу побежали мурашки, только уже не от страха. — Но ты так и не ответила, что делаешь тут?

— Я ищу...

— Ты чего привязался? — громко перебила ее Ада. — Нечего тебе тут спрашивать, понял? По делу она! А по какому, так не твоего ума дело! Понял?

— Ты чего разоралась-то? — грозно сдвинул брови Захар, а Алина опять испугалась.

— Ничего! — воинственно ответила Ада. — На вот... — она сунула ему в руки небольшой сверток. — И давай, уматывай!

— Ничего не скажешь, гостеприимная хозяйка, — обиделся Захар, но сверток взял. — Ладно, я не прощаюсь, — он посмотрел на Алину. — И еще, если что, живу я тут неподалеку. Могу оказаться полезным! — зыркнув напоследок в сторону Ады, он скрылся на лестнице.

— Ходят тут всякие... — ворчала старуха, подкидывая веток в очаг и разжигая его вновь, — только спать мешают. Теперь вот попробуй усни!

— А кто это был? — поинтересовалась Алина.

— Захар-то? — переспросила Ада. — Да... в общем-то, неплохой парень, безвредный... Его единственный недостаток, что родился от колдуньи...

— Значит, он тоже колдун?

— Он-то? Нет, — закудаhtала старуха, что в ее устах означало смех. — Колдуньей была его мать! Очень сильная колдунья, — Ада присела рядом с Алиной и протянула костлявые руки к огню. — Страшные вещи творила при жизни. Она даже оборачиваться могла...

— Как это? — удивилась Алина. Она тоже придвинулась ближе к огню. После бури наверху вниз проникала влага, неприятно холодя кожу.

— Ну, это значит в животных могла превращаться в разных. То в волка обернется, то в лису. Ходила по деревне, кур таскала. Душила их да бросала... Вредила, в общем. Один раз превратилась в медведя лишь для того, чтобы задрать нескольких односельчан. Резвилась ведьма...

— Кошмар! — прошептала Алина. — Это же сколько злости должно быть в человеке!

— А ты думала сюда добрые попадают? — Ада смотрела на нее, прищурив-

шись не по-доброму.

— Ну, я... — Алина не знала, что и ответить на это.

— Нет, дорогуша! Здесь все злые, — жестко добавила старуха. — Сюда не за заслуги ссылают, а за бесчинства человеческие! Здесь сплошь и рядом одни отбросы, обреченные и всеми забытые! Это гораздо хуже самой мучительной смерти. А знаешь, что самое страшное? — она пытливо смотрела на Алину, которая боялась произнести хоть слово, чтобы еще больше не разозлить старуху. — Самое страшное, что лишь не многие прозревают здесь. Основная масса остается такими же злыми и продолжает творить свои бесчинства против себе же подобных!

— А как же Захар? — «И Иван?» — про себя подумала Алина.

— Да, Захар... — голос старухи смягчился. — Он не такой. Мать-то его перед самой смертью передала ему свой дар. Только сделала она это против его воли. Не хотел он становиться таким же. Противился всячески. Но разве будет ведьма кого-нибудь слушать? Не могла она унести свой дар в могилу. Вот и передала... — Ада замолчала, о чем-то задумавшись.

— А дальше? Что было дальше? — нарушила Алина молчание, когда оно затянулось.

— Дальше? — встрепенулась старуха. — Дальше стал он ведьмаком. Только... зла он никому не делал. Наоборот, старался помогать людям...

— А они, то есть люди? — допытывалась Алина, когда Ада опять впала в задумчивость.

— Люди... Люди, они ведь злые... Они еще хуже нас иногда бывают, — она тяжело вздохнула. — Падеж у них там скота случился... Ну и обвинили во всем Захара. А кого же еще? Нужно же найти козла отпущения. Короче, порешили они его! Самосуд учинили!

— Как это? — не поняла Алина.

— Что тут непонятного? Убили его! Ночью, прямо в постели, отрубили голову. А потом... Потом дом сожгли... Вот и все. Вот так он и оказался тут!

— Но почему?! Он ведь никому не причинил зла?

— А потому! Что ведьмин сын он! Таким, как он, — одна дорога...

— Но... это же несправедливо! — Алина была шокирована рассказом Ады.

— А с чего ты взяла, что все должно идти по справедливости? — во взгляде Ады опять появилась суровость. — Если бы так было, то многие из нас уже бы покинули это место. Не может быть все по справедливости, когда кто-то один берется решать все и за всех. Даже он не может уследить за всем!

«На Бога намекает, — поняла Алина, — но вслух не называет. Не признает его, видно».

— Ладно, давай-ка поспим еще немного, — Ада, кряхтя, поднялась. — Завтра у меня много дел. Да и у вас, наверное, тоже.

— Пойдите! — у Алины остался еще один вопрос: — А мать Захара? Она тоже тут?

— А где же ей быть, злодейке? Конечно, тут.

— Они живут вместе?

— Нет, — Ада остановилась на половине пути к закутку и повернулась к Алине. — Клавдия, мать его, живет отдельно, с теми, про которых я рассказывала. Забыла сказать тебе, они, Захар и мать его, то бишь, тоже могут жить на поверхности. Клавдия-то сразу примкнула к своим. Уговаривать ее не при-

шлось. А вот Захар-то категорически отказался. Не хочет он жить с ними. Мало того, — хихикнула она, — он еще и окапывается вот уже полвека поди. Построил себе временный шалаш на поверхности и роет хоромы. Упорный парень, всем наперекосяк пошел. Те бесятся, а ничего поделать не могут. Силен парень. Мать иногда навещает его, а он туда ни ногой. Видно, претит зло его душе...

Ада скрылась в «спальне», и почти сразу же по пещере стал разноситься ее залиvistый храп. «Крепкая старуха! — улыбнулась Алина. — А еще про бессонницу говорила! Мне бы так». Она лежала с открытыми глазами. Вспоминала лицо Захара — красивое и простодушное. «Вот ведь, сколько зла видел от людей, а сам таким не стал! Или стал? Да нет, не похоже. Не выглядит он злодеем! — она перевернулась на другой бок. — Что-то Миша с Кириллом задерживаются. Скорей бы уже вернулись! Не терпится рассказать им про Захара!»

Сон — коварная штука! Алина вертелась на жестком ложе, пытаясь найти позу поудобнее, уже и не надеясь уснуть. То жарко становилось, и она скидывала с себя накидку, то начинала мерзнуть и натягивала ее вновь. В голову лезли разные мысли. Картинки сменяли одна другую. И не было конца череде этих слайдов. А потом все закончилось. Волна крепкого сна накатила и накрыла с головой. Реальные картинки сменились сном. Она опять видела Захара. Он то становился злым и превращался в волка, то опять появлялся добрым и спасал Алину от зверя, в которого оборачивался кто-то другой. Сон, как отражение увиденного и услышанного.

Алина не слышала, как вернулись друзья.

Михаил остановился возле нее и какое-то время с улыбкой наблюдал, как она спит. Так хотелось поцеловать ее — родную и желанную с разметавшимися во сне волосами. Но он боялся разбудить. А еще не хотел разрушать очарование момента: так приятно было просто стоять и смотреть на нее.

Кирилл устало опустился на свое ложе. Ему хотелось одного: уснуть как можно скорее, дать возможность отдохнуть сознанию, которое, как ему сейчас казалось, взяло на себя слишком серьезную ответственность. Иногда он сомневался, что у них получится вырвать Ивана из цепких лап этого мира. В такие моменты он таился, как мог, чтобы никто не догадался, о чем он думает. Само это место заражало его пессимизмом. Михаил с Алиной были друг у друга. Любовь помогала закрывать глаза на многое, ничего не бояться. Кирилла же больше всего страшило влияние темного мира на его душу.

***

Приятно лежать в шезлонге возле прохладного водоема, потягивать бодрящий коктейль и ни о чем не думать. Виктор оставил запотевший стакан на столик рядом, приподнял очки с темными зеркальными стеклами и, в который раз, с любовью оглядел свои владения. Небольшой бассейн, выложенный небесно-голубой плиткой, манил окунуться в прозрачную, искрящуюся свежестью влагу. Магазинчик с вывеской «Добро пожаловать» над входом улыбался автоматически открывающимися дверями своему хозяину, который ласкал его взглядом собственника.

«Так, так... Не слишком ли много воды? — Виктор придирчиво переводил взгляд с бассейна на фонтан. Расстояние между ними было не больше трех метров. — Нет! Воды много не бывает! И потом, так приятно выйти погулять вечером и послушать звуки природы, пусть и созданные рукой человека», —

он горделиво выпятил грудь, ощущая себя гениальным изобретателем.

От роскошного сада остался только небольшой кусочек около дома. И то только потому, что так было угодно хозяину, для создания тени, чтобы прятаться от солнца, которое Виктор тихо ненавидел. Что он только не пытался с ним сделать, но оно как было огромным, закрывающим практически весь небосвод, так и оставалось таким, не подчиняясь мысленным приказам нового хозяина. Иногда, в порыве раздражения, Виктор выключал его раньше времени. Тогда место небесного светила занимала скромная луна, всегда в одной и той же фазе — полнолуния.

Виктор гордился переменами и осовремениваниями, как он выражался, Оазиса жизни. Гладкая асфальтированная поверхность плавно переходила в ярко-зеленый коротко стриженный газон вокруг бассейна. Хозяин пожелал, чтобы всегда пахло свежескошенной травой, будто каждое утро здесь проходились газонокосилкой.

«Эх, сюда бы сейчас пару цыпочек, — мечтательно прикрыл глаза новоявленный нувориш. Он представил, что по бокам стоят еще два шезлонга с загорающими на них длинноногими блондинками. — Нет! Одна — блондинка, другая — брюнетка! Хорошего помаленьку! И почему я не могу пожелать людей?! Хоть резиновых укладывай!» — Виктор в раздражении нахмурился и с остервенением припал к соломинке, пока не осушил бокал до дна.

Глава 22

Светлана

— Красиво, правда?! — с придыханием спросила Елена. Андрей не верил своим глазам. Перед ними возвышалась настоящая средневековая крепость с мощными высокими стенами, с выступающими вперед круглыми оборонительными башнями по краям. Еще чуть-чуть и они услышат крики лучников, вдохнут дым костров и увидят ожесточенное сражение.

Крепость была выложена из крупных блоков утрамбованной глины, а основания стен укрепляла каменная кладка из неотесанных валунов. Перед ней находился ров, заполненный водой. Сейчас мост был опущен и гостеприимно приглашал войти внутрь опасного жилища.

— Да, уж! — вновь потрясенно произнес Андрей. Он посмотрел на Таню, спокойно взирающую на оборонительное сооружение. В ее лице не было ни капли удивления, что и понятно — она-то уже все это видела.

— Ну, пойдете! Что же вы застыли? — засмеялась Елена. — Вот Паночка обрадуется! — она первая ступила на мост, приглашая следовать за ней.

Мост представлял собой крепкий дровяной сруб с наколоченными сверху шлифованными временем досками. Держался он двумя толстыми цепями, уходящими в стены. Никакого намека на перила по краям не было.

Андрей с Таней с опаской ступили на шаткое устройство. Однако он оказался гораздо крепче, чем выглядел, — даже не пошатнулся под ними.

Массивные ворота были наглухо закрыты, но Елена открыла калитку, не замеченную Андреем ранее, и ловко юркнула в нее. Андрей с Таней последовали за ней.

То, что находилось внутри крепости, никак не соответствовало ей. Широкая площадь, мощенная булыжником, упиралась в настоящий трехэтажный русский терем в окружении фруктового сада.

По бокам от площади, вдоль крепостных стен тянулось два ряда жилых изб. Все выглядело чистым и ухоженным. Чувствовалась рука хозяина.

— Вот тут мы и живем, — сказала Елена, приводя в движение нехитрый механизм по поднятию моста и любовно осматривая площадь. — Светлана ругает, если мы забываем его поднять, — словно оправдывалась она.

Следом она проворно закрыла калитку на засов.

— Ну, вот! Теперь можно идти, — улыбнулась она.

— Вы все живете в тереме? — поинтересовалась Таня. Она специально медлила, пытаясь оттянуть момент встречи со Светланой.

— Нет, что вы! — простодушно ответила Елена. — В тереме живет Светлана. А у остальных есть собственные избы. Вот видите, их ровно четыре. У Паночки еще нет своей избы. По нашим правилам она должна немного пожить в тереме, пока не привыкнет и не перестанет тосковать по мирской жизни. Через это проходили все мы. Светлана для всех нас была наставником. — Говоря о Светлане, Елена становилась непривычно серьезной. В глазах появлялся священный трепет.

«Понятно! Зомбирует!» — подумал Андрей, а вслух спросил:

— И что, она живет совсем одна в огромном тереме?

— Ну что вы? — рассмеялась она. — У нее большая челядь. Они выполняют всю работу по дому, в саду... по хозяйству, одним словом.

— А вы и... ваши родственницы? Вы живете по одной?

— Нет, Светлана нам всем выделила по девушке, которые помогают в хозяйстве. Она добрая! Так заботится о нас! Обедаем мы всегда в тереме.

«Держит руку на пульсе», — опять подумал Андрей.

— Она любит собирать нас всех за одним столом, — продолжала рассказывать простодушная Елена. — Интересуется, о чем мы думаем, чем занимаемся. Дает разные советы. Когда я сюда только попала... первое время мне было очень плохо... Так же, как Паночке. Я все время плакала, тосковала по маме... и дочери. А она, Светлана, помогла мне справиться с горем. Поселила меня в девичью башню, во-о-он там... — она указала на самый верх круглой башни. — Какое-то время меня кормили лишь маленьким кусочком хлеба и водой. Пока душа не очистилась... не освободилась от посторонних желаний. А потом Светлана разрешила мне поселиться в собственном доме, — Елена радостно улыбалась. На ее лице читалось неподдельное счастье.

«Боже мой, нужно срочно вытаскивать отсюда Пану. Иначе ей, да и нам, грозит беда», — подумал Андрей.

— И сколько времени ты провела в башне на хлебе и воде? — вслух спросил он.

— Ровно месяц, — улыбнулась Елена. — Под конец я так ослабла, что не могла сама спуститься по лестнице. Но добрая и справедливая Светлана выходила меня. Я жила у нее, пока не поправилась. Представляют, мне ничего не разрешали делать. Как королева! — она звонко рассмеялась.

Андрей с Таней переглянулись, поняв друг друга без слов.

— Но что же мы стоим? Пойдемте! — спохватилась Елена. — Сейчас как раз время обеда. Светлана будет сердиться, если я опоздаю.

Она торопливо двинулась через площадь. Андрею с Таней ничего не оставалось, как последовать за ней.

Они поднялись по широкой лестнице, что вела в терем, и, миновав массивную дверь, оказались в просторном помещении.

— Андрей! — он не успел сообразить, как к нему на шею бросилась рыдающая Пана. — Забери меня из этого ужасного места, забери, — твердила она, обильно смачивая его тунику слезами.

— Успокойся, успокойся... — Андрей пытался оторвать ее от себя, но она только еще крепче вцепилась в него. — Мы для этого и пришли, чтобы забрать тебя, — шептал он ей на ухо.

— Что ты, Паночка, что ты? — суетилась вокруг Елена. — Ты радоваться должна, что друзья навестили тебя, а не слезы лить!

В центре комнаты стоял длинный стол, во главе которого восседала красивая девушка. С Паной у них был общим лишь цвет волос. В остальном они совершенно не походили друг на друга. Глаза красавицы были такими темными, что казались черными. Они выделялись на лице молочной белизны, окрашенном слабым румянцем. Прямой нос и алые полные губы завершали картину, достойную кисти великого художника. Гладко зачесанные пепельные волосы заканчивались толстой косой, свободно спадающей на спину.

Таня внимательно наблюдала за реакцией Светланы, а она, в свою очередь, пристально рассматривала Андрея, пытающегося успокоить Пану. Если она и

удивилась появлению гостей, то виду не подала. Ее лицо оставалось спокойным.

— Пана, успокойся! — встряхнул Андрей рыдающую девушку. — Успокойся и отпусти уже меня. Иначе я рискую промокнуть насквозь, — пытался шутить он.

— Я не могу! — прорыдала она. Мелкая дрожь сотрясала ее от кончиков пальцев до самой макушки. — Я не могу остановиться!

— Теперь все будет хорошо, я тебе обещаю, — тихо уговаривал он.

— Паночка, выпей водички! — Елена уже успела сбегать за водой и сейчас скакала с полным бокалом вокруг рыдающей Паны и пытающегося успокоить ее Андрея.

Светлана медленно поднялась со своего места и направилась в сторону гостей. В ярком сарафане, надетом поверх белой вышитой блузки, она напоминала героиню сказки. Двигалась она плавно и уверенно. Ее взгляд был по-прежнему прикован к Андрею, и Тане это очень не нравилось. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что хочет преградить путь этой красавице и выяснить отношения, заявив, что Андрей только ее.

— Пана, прекрати, — произнесла Светлана, когда подошла ближе. — Ты ведешь себя смешно!

От ее низкого и красивого голоса та вздрогнула и мгновенно перестала плакать. Андрей разомкнул ее руки и отодвинул ее от себя. Только сейчас он заметил, как Пана изменилась. Ее лицо осунулось и похудело. Под огромными серыми глазами залегли тени. Плечи поникли, а и без того худенькие руки стали, как пруттики.

Она затравленно уставилась на властную красавицу, не в силах вымолвить ни слова.

— Ступай за стол! — миролюбивым велела Светлана. Пана не рискнула послушаться. Андрей подбодрил ее взглядом, как бы говоря: «Иди и ничего не бойся!» — А вы, значит, друзья Паны? — Светлана наконец-то удостоила взглядом и Таню. — Ты — Посланица! Этот мир открыт для тебя. Но что делает здесь он? — она вновь посмотрела на Андрея.

— Можешь считать это экскурсией, — без тени улыбки ответила Таня. — Я решила ему показать светлый мир, а заодно и навестить Пану.

— Что ж. Тогда, будьте нашими гостями... И милости прошу за стол, отобедать с нами.

Светлана познакомила их с прапра и так далее бабушками Паны. Все девушки были чем-то похожие между собой и с Паной. Андрею понравились их приветливые и добрые лица. Елена широко улыбалась, довольная собой, ведь это она привела дорогих гостей.

Кроме членов семьи за столом было еще несколько человек: четверо мужчин и три женщины. Светлана представила и их, как своих помощников.

«А у них тут демократия, как я погляжу, — размышлял Андрей, с удовольствием поглощая нехитрый обед, состоящий из горячей ухи и отварного картофеля, с большим количеством свежих овощей и еще теплого хлеба. — Нет деления на слуг и хозяев. Все едят за одним столом!»

— У вас очень необычное жилище, — обратился Андрей к хозяйке, когда все приступили к десерту из печеных яблок, — настоящая крепость! Есть опасность в нападении?

— Я так захотела, — просто ответила Светлана. — Вы еще не видели, что с другой стороны...

— Ох, не советую смотреть! — воскликнула Елена. — Это очень страшно! Дом построен на скале, на самом краю, над обрывом, у подножья которого бушует океан... — она осеклась, поймав на себе строгий взгляд Светланы.

— Да, — подтвердила она, — советую вам аккуратно гулять по саду. Кроме низкой ограды, ничто не отделяет его от обрыва...

— Это неожиданно, — произнес Андрей.

— Я люблю смотреть на стихию. Когда огромные волны с силой обрушиваются на скалистый берег, не имея ни единого шанса пробить его броню, я чувствую себя сильной, непобедимой, — взгляд Светланы затуманился, уносясь в фантазии.

За время обеда Пана не проронила ни слова. Она не притронулась к еде. Сидела, низко склонив голову и вытирая одинокие слезы, скатывающиеся по щекам. Андрей периодически бросал обеспокоенные взгляды на нее, ловя такие же взгляды Тани.

— Вы к нам надолго? — спросила Светлана, вернувшись из мысленного путешествия, которое длилось несколько минут.

— Нет. Завтра планируем отправиться обратно, — ответил Андрей, а сам подумал, что было бы неплохо забрать завтра Пану и смыться отсюда. Это место не казалось хорошим, несмотря на блаженное выражение на лицах его обитателей.

— Так быстро? — воскликнула Елена. — Но зачем? Погостите немного!..

Сказав это, она вновь была награждена строгим взглядом хозяйки. До нее, наконец-то, дошло, что говорит что-то не то. В продолжение обеда она не проронила больше ни слова.

— Пана! Пойдем, погуляем в лесу после обеда? — предложила Таня. Та вздрогнула и со страхом и надеждой воззрилась на Светлану.

— Нет! Пана не разрешено покидать территорию крепости, — спокойно ответила за нее хозяйка.

— Но почему? — в вопросе Татьяны не было удивления. Она готова была к такому ответу.

— Пока ее мысли не потекут плавно и в правильном направлении, она должна оставаться здесь. Ее разуму нужно очиститься и отбросить все мирское. Скоро она другими глазами взглянет на мир и смириться с новой жизнью.

Пана вновь тихонько заплакала, бросив мучительный взгляд на Таню.

— Но зачем ей все забывать? — спросила та. — Не лучше ли оставить себе воспоминания, такие приятные сердцу?

— Воспоминания убивают! — в голосе Светланы появилась сталь. — Они губят душу, съедая ее изнутри! У Паны есть еще несколько дней, чтобы добровольно смириться. Иначе ее ждет заточение, чтобы закалить дух.

«Она сумасшедшая! — окончательно уверился Андрей. — Пана в серьезной опасности!» Он жалел всех, кто жили со Светланой и подчинялись ей. Она зарила их своим представлением о счастье, затуманила мозги и растоптала волю.

— Но какое право ты имеешь распоряжаться Паной, лишать ее свободы выбора? — не выдержала Таня.

— Право самой старшей тут и главной! — взгляд Светланы полыхнул злобой, приоткрывая завесу над истинной сущностью.

— Этот мир создан специально для того, чтобы человек чувствовал себя в нем счастливым, — продолжала Таня, хоть и понимала, как опасно злить Светлану. — Ты нарушаешь основной его закон.

— Это мир такой же, как и все остальные! В нем побеждает сильнейший!

Все притихли. Казалось, что родственницы Паны, боятся даже дышать. На их лицах застыло одинаковое испуганное выражение. Первый раз они слышали, чтобы с их королевой кто-то разговаривал в подобном тоне!

— Неужели ты вытравила из своей памяти все воспоминания о человеческой жизни? О любви? — слова Татьяны, словно удар хлыста подействовали на Светлану. Она побагровела, сразу перестав быть красивой, и затряслась всем телом.

— Любовь?! О какой любви ты говоришь? О той, что стала причиной моего попадания сюда? Что хорошего принесла мне эта любовь?!

— Так случилось по вине злодейки. Мне жаль тебя и твою загубленную жизнь, — голос Татьяны немного смягчился. — Ты страдала. Долго не понимала, что произошло. Но зачем ты заставляешь страдать других? Они ведь тоже приходят сюда не по своей воле...

— Оставим этот пустой разговор, — Светлана быстро успокоилась. — Все будет так, как я решила. Это моя территория и правила здесь устанавливаю я. Василий! — она обратилась к коренастому мужчине, во взгляде которого читалась безграничная преданность. — Приготовь нашей гостье комнату в мансарде с видом на океан! А молодого человека... — она смерила взглядом Андрея, — мы поселим в мужской башне...

В этот момент Андрей заметил испуганный взгляд Елены. Три другие девушки тоже резко присмирели. «С чего бы это? — подумал он. — Что их так напугало? Нужно будет поинтересоваться у болтушки Елены!»

— Ну хоть в сад-то ты разрешаешь ей выйти? — когда все начали подниматься из-за стола, громко спросила Таня.

— Она вольна выходить из дома, но только в пределах стен и в сопровождении Прасковьи, — равнодушно ответила Светлана, уже не глядя на гостью. — Забавно, да? Что имена у них одинаковые, — рассмеялась она. Но никто ее не поддержал. Все продолжали хранить молчание, не глядя друг на друга.

Андрей, Таня и Пана в сопровождении сухонькой и бледной женщины вышли из терема и направились в сад.

— Давайте, не будем подходить близко к ограде, — попросила Пана, — мне там страшно.

— Можно просто посидеть на лавочке, — предложил Андрей, заметив в глубине сада скамейку.

— Как там Иван? — робко поинтересовалась Пана, когда они все устроились под деревом.

— Ты только не переживай, — предупредила Таня, — но Иван сейчас в темном мире! — взгляд Паны стал испуганным. — Он пропал одновременно с тобой. Ты не помнишь, как попала сюда?

— Нет. Я уснула, а проснулась уже здесь...

— Я так и думала, — кивнула Таня. — Так же и Иван...

— Но это?.. Это... опасно для него? — прошептала Пана.

— Не знаю, — честно ответила Таня. — Туда отправились Кирилл, Миша и Алина. Но они еще не нашли его...

— Боже мой! — Пана страдальчески воздела глаза к небу. — Ему, наверное, там очень плохо... Гораздо хуже, чем мне здесь... А я опять, как эгоистка, думаю только о себе.

— Не казни себя! Ты такая, какая есть, — Пана только отрицательно замотала головой на слова Тани.

— Разрешите прервать вашу беседу? — раздался тихий голос Прасковьи. Она смотрела на Таню воспаленными и добрыми глазами. — Деточка, зря ты так разговариваешь с нашей благодетельницей. Она добрый человек, но в порыве раздражения способна быть жестокой. Не перечь ей... Хотя бы ради Паны... Вы уйдете, а ей жить тут... со всеми нами... Не злите матушку...

— А почему вы ей служите? — задал Андрей вопрос, уже давно не дававший ему покоя.

— Но как же? — всплеснула руками добрая женщина. — Как же по-другому? Она попросила... Как можно отказать? И потом... Она заботится о нас всех...

— Но вы ведь можете жить так, как хотите...

— Но... я и живу так, как хочу, — она говорила правду. Андрей видел это по ее глазам. Ничего, кроме доброты и желания всегда быть полезной в них, не было. Он понял, что развивать дальше тему бесполезно. Есть такой тип людей, которые не могут жить ради себя. Им нужно постоянно о ком-нибудь заботиться. Вот, Прасковья была именно такой. Про таких говорят: «Последнюю рубаху снимет с себя и отдаст».

— И еще... — Прасковья запнулась, — я хотела сказать... вернее предупредить... то есть сказать, что видно ты, сокол ясный, чем-то разозлил нашу хозяйку...

— С чего вы взяли? — удивилась Таня.

— Так ведь поселила она его в мужскую башню, а место это нехорошее...

Глава 23

Неожиданная помощь

Алина поежилась. Что-то теплое прошло по ее губам и спустилось к шее. Но спать хотелось сильнее, глаза упорно оставались закрытыми. Сознание просыпалось быстрее, но, не успев вынырнуть на поверхность, снова проваливалось в обволакивающее спокойствие. Она пошевелилась, укладываясь поудобнее, с намерением спать дальше и наслаждаться ласковыми прикосновениями.

— Какая же ты у меня засоня! — услышала она тихий смех Михаила. — Куда делся тот жаворонок, что будил нас в детстве ни свет ни заря?

Алина приоткрыла один глаз и увидела его лицо совсем рядом. Она счастливо улыбнулась и потянулась, прогоняя остатки сна. «Вот так я хотела бы просыпаться каждое утро! Пусть так будет всегда! Пусть он всегда будет рядом со мной».

— Привет! — хриплым от сна голосом произнесла она. — Я не слышала, как вы вернулись.

— Ты спала как младенец, — несмотря на полумрак, Алина разглядела, что глаза Михаила улыбаются. — Тут можно было танцевать, а ты, все равно, не проснулась бы. Даже храп Ады на тебя не действовал.

— Ошибаешься, дружок, — еще шире улыбнулась она, — еще как действовал. Из-за него я не спала большую часть ночи. Уснула, наверное, перед самым вашим приходом.

— Да уж, старушка храпит, как богатырь! Я долго пытался подстроиться под ее ритм.

— Вас долго не было, — Алина уселась на своем ложе. — Как там Таня и Андрей?

— Они нашли Пану! И это самое главное! — Михаил коротко поделился новостями.

— А где Кирилл? — через какое-то время поинтересовалась Алина.

— Ада попросила его помочь. Они пошли на поверхность за смолой, плесенью и еще всякой всячиной, — развеселился окончательно Михаил. — У старушки появился раб, теперь ему не отвертеться.

— А знаешь, я тут познакомилась с интересным типом! — Алина рассказала про ночного гостя.

— Значит, он из них? — Михаил призадумался. — Ну вот тебе и план! Он нам может быть полезен. Раз мы не можем отправиться туда сами, то, возможно, Захар не откажется нам помочь и сходит на разведку.

— Если захочет, — возразила Алина. — Ада сказала, что он не бывает там. Сознательно отгородился от родственников.

— В любом случае, нужно переговорить с ним.

До них донесся звук открываемого люка и, следом шаги двух пар спускающихся по лестнице ног.

— Держи дрова крепче! — проскрипел недовольный голос Ады. — Они у тебя сыплются! Руки, чай, не дырявые?

Сначала в проеме появилась огромная охалка веток, и уж потом вынырнула взлохмаченная голова Кирилла, пытающаяся разглядеть, куда идти. За ним

гордо шествовала Ада, неся несколько свертков из древесной коры.

— Тащи все это на кучу! — скомандовала она. — Да полож в аккурат на самый верх, чтоб ничего не развалить там!

Ада освободилась от свертков, просто свалив их в кучу, и принялась хлопотать возле очага, разжигая огонь и вешая воду кипятиться.

— Пора чайку попить, — бормотала она, — в горле пересохло.

Кирилл, освободившийся наконец от объемной ноши, отряхиваясь на ходу, присоединился к остальным.

— Строгая старуха, — прошептал он, когда Ада скрылась в своем закутке, — замотала меня совсем.

Михаил с Алиной не выдержали и весело рассмеялись, так потешно он выглядел.

— Так вы хотите Захарку попросить помочь? — уточнила Ада, когда все собрались вокруг очага и потягивали горячий ароматный чай.

— Нам бы только разузнать все, — ответил Михаил, — там ли Иван, и в каком он состоянии.

— Что ж, думаю, парень не откажется помочь, — задумчиво произнесла старуха. — Только есть одна загвоздочка, — она многозначительно зыркнула на них. — Он туда никогда не ходит и вряд ли захочет пойти.

— Даже в виде исключения? — спросила Алина.

— Ну, разве что ради тебя, красавица, — ехидно проскрипела Ада, а Алина залилась краской. — Да, что попусту языками молоть! Нужно у него самого спросить, — она довольно потерла руки. — Вот и будет способ отомстить! Он меня по ночам будит, а я его!

Решено было, что к Захару пойдут Ада и Михаил. Последний категорически отказался брать с собой Алину.

— Нечего тебе лишний раз на поверхность выходить, — объяснил он. — Здесь безопаснее. Кроме того, ты будешь не одна. Кирилл, в случае чего, сможет тебя защитить.

Алина чувствовала, что дело не в безопасности, а в нежелании Михаила, чтобы она вновь встречалась с Захаром. Видно, слова старухи попали в цель.

Когда Ада и Михаил ушли, Алина обратила внимание, что Кирилл неестественно молчалив.

— Что с тобой? — вопрос вывел Кирилла из состояния задумчивости. — В последнее время ты какой-то грустный.

— Сам не знаю, — Кирилл устало провел руками по лицу, растирая его с небольшим усилием. — Наверное, этот мир так влияет на меня. Все жутко угнетает. Мрачность, одиночество, безысходность... И все это — длинную в вечность.

— Я понимаю тебя. — Алина тоже гнала от себя тоску, старалась не думать о всей глубине отчаяния населяющих этот мир. Стоило задуматься об этом, как осознавала беспощадность подобного наказания.

— Понимаешь, — задумчиво произнес Кирилл, — я вот все думаю, что создатель всего этого не оставил им ни единого шанса. Это тупик, как пожизненное заключение в человеческом мире. Даже еще хуже. Там хоть человек может надеяться на счастливую загробную жизнь, пребывая в полном неведении, что ждет его после смерти. — Он невесело усмехнулся. — А на самом деле,

скорее всего, у него одна дорога — в темный мир. И все получается еще ужаснее — отмучившись при жизни, искупив свою вину, человек обречен на муки вечности.

— Не стоит думать об этом, — Алина с ужасом поняла, на какую глубину погрузился Кирилл в своих размышлениях. Она серьезно опасалась за его рассудок. — Мы не в силах что-либо изменить. Значит, и казнить себя бессмысленно! Слышишь меня? — Кирилл сидел с опущенной головой и не смотрел на нее. — Кирилл? Почему ты не отвечаешь? — лишь слабое движение руки намекало, что он слышит ее.

Мысль, как яркая искра, вспыхнула у нее в мозгу. Она быстро достала корень жизни и отрезала от него маленький кусочек. Далее, как когда-то он ей, силой засунула кусочек Кириллу в рот, с трудом разжав стиснутые зубы.

— Бедный! — она держала его лицо руками, пока корень не начал растворяться. Вглядывалась в его пустые глаза, пока в них не появилась осознанность. — Ты слишком много времени провел на поверхности. А я, глупая, не сразу догадалась, в чем дело.

— Спасибо, — с трудом улыбнувшись, произнес Кирилл, и только тогда Алина позволила себе отпустить его лицо.

— Что же это за место?! — воскликнула она. — Еще минуту назад все было хорошо.

Слава богу, Кирилл уже мог улыбаться и говорить нормально.

Вернулись Ада с Михаилом и привели с собой Захара.

— Поспать не дали, так хоть на тебя полюбуюсь, красавица, — шутливо произнес он, за что тут же был награжден грозным взглядом Михаила. — Понял, понял, это была шутка.

Чем-то они были похожи: оба чернявые, веселые и неугомонные. Алине нравился Захар с его кипучей энергией и оптимизмом, которые он сохранил даже в темном мире. От ночных страхов не осталось и следа. Она чувствовала, что ему можно доверять.

— Значит, план таков, — уже более серьезно сказал Захар, — я туда не пойду! Но... — поспешил добавить он, заметив огорчение в глазах Алины, — сегодня, как раз, меня должна навестить мамаша. Попытаюсь что-нибудь выведать у нее.

Они еще поболтали немного, как старые закадычные друзья, и Захар отправился готовиться к встрече с матерью.

— Приду сразу, как смогу, — с этими словами он удалился.

Время текло с преступной медлительностью. Оно превратилось во что-то вязкое и неповоротливое. Складывалось впечатление, что оно существует независимо от всего остального и ведет себя, как ему вздумается: замедляя и ускоряя темп. Иногда казалось, что оно издевается над ними, насмехается над их ожиданием и попытками занять себя чем-нибудь.

Ада постоянно двигалась. Ее кипучей энергии можно было позавидовать. Откуда только силы брались в этом дряхлом теле? Несколько раз она уходила из дома и каждый раз возвращалась, что-то неся в руках. После чего скрывалась в своем закутке и долго копошилась там, занимаясь секретными делами.

Лишь один раз Алина попыталась предложить ей помощь, за что немедленно и гневно была выпровожена из каморки:

— Придумай себе дело и займись им! А ко мне не лезь, если не хочешь по-

лучить пинка!

Получив отпор и развеселив тем самым Михаила, Алина опять была вынуждена заняться ничегонеделаньем.

— Суровая старуха, — вновь обозвал ее Кирилл, — и неугомонная!

— Наверное, по-другому тут нельзя, — согласился Михаил и весело рассмеялся, заметив сердитое выражение на лице Алины. — Что, не можешь забыть, как она тебя погнала из тайного убежища?

— Грубая бабка, — пробубнила Алина. — Я всего лишь хотела помочь.

Михаил подошел к ней и несколько раз звонко поцеловал.

— Это утешительный приз, — улыбнулся он. Заметив румянец удовольствия на щеках Алины, удовлетворенно произнес: — Такой ты мне больше нравишься!

— Знаете, чего мне сейчас больше всего хочется? — через время спросила Алина. — Я хочу нашего детдомовского борща из кислой капусты, — она мечтательно закрыла глаза. — Да сметанки туда побольше! М-м-м...

Кирилл и Михаил не спешили ее поддерживать. Они одинаково внимательно смотрели на нее.

— Вы чего? — испугалась она. — Чем я заслужила такие взгляды?

— Дело в том, что мы, даже если сильно захотим, не сможем вспомнить, каков на вкус тот борщ, о котором ты мечтаешь, — спокойно ответил ей Кирилл.

— Ох, простите, — Алина искренне огорчилась. — Я не хотела вас обидеть. Просто у меня такое чувство, что мы всегда были вместе и никогда не расставались. Что не было всех этих лет вдали друг от друга.

— У меня тоже такое чувство, — кивнул Михаил, — но... вкус борща я все равно не помню и не прощу тебе попытку подразнить нас, — с этими словами он принялся щекотать хохочущую и отбивающуюся от него Алину.

Кирилл с улыбкой наблюдал за ними и в который раз подумал, что так веселиться могут только счастливые люди. В свои двадцать девять лет он еще ни разу не влюблялся. Да и не в кого было. Таня для него была все равно, что сестра. А все остальное вокруг — души, бестелесные сгустки энергии.

Михаилу повезло больше. Он оставил частичку сердца рядом с Алиной. Несмотря на непреодолимое препятствие, связь их только крепла, постепенно перерастая в любовь. И теперь они с полным правом наслаждались счастьем.

— Перестань уже, — застонала Алина, держась за живот и катаясь по полу, — мне уже дышать нечем...

— Будешь еще дразнить меня? — нависнув над ней, спросил Михаил нарочито грозным голосом.

— Уйди, — отпихивала его она, — мне смешно от одного взгляда на тебя, — и она опять громко рассмеялась.

— То-то же, бойся меня! — пробасил Михаил.

Они не заметили, как вернулась Ада. Она стояла в сторонке и тоже наблюдала за дурачащимися влюбленными. На ее губах появилась легкая улыбка, до неузнаваемости преобразившая лицо. Из злой ведьмы она превратилась в добрую старушку, сторбленную временем и непосильным трудом, но молодую душой. Она незаметно смахнула одинокую слезу, набежавшую в уголок глаза, и тяжело вздохнула, видно, вспоминая что-то из своей далекой молодости.

Кирилл украдкой наблюдал за ней. В нем поднялась волна жалости к загубленной душе, лишенной всего доброго и светлого. Одна мысль прочно засела в

его голове, что никто не достоин подобной кары, никто! «Ох, несовершенна модель, построенная тобой! Несовершенна!» — он тяжело вздохнул, и вздох разнесся по землянке, создавая непонятно откуда взявшееся эхо. Звук вывел Аду из задумчивости. Она нахмурилась и превратилась опять в вечно ворчащую старуху, проклинаящую все на свете.

— Чего расшумелись тут, что наверху слышать? — гаркнула она так, что Алина с Михаилом подскочили от неожиданности. — Хотите раньше времени сообщить тем о себе?

Пока они собирались с мыслями в поисках достойного ответа, старуха гордо отвернулась и прошествовала в свой закуток.

— Получил? — шепотом спросила Алина.

— Да, ладно... — весело отмахнулся Михаил. — Просто старушка сегодня не в духе.

— Тоже мне знаток человеческих душ, — съехидничала она. — Может она всегда такая? Ты ее знаешь-то всего сутки!

— Я все слышу, — донеслось из закутка. Алина от стыда покраснела и прижала руку ко рту. А Михаил снова чуть не прыснул со смеха. — Не смотрите, что я старая! Слух у меня что надо! — впрочем, злобы уже в голосе не было. Ада явно была чем-то занята и на разговоры времени не оставалось.

И опять потекло нерасторопное время, которое этот эпизод разнообразил на короткий промежуток.

Когда ожидание потеряло остроту и превратилось во что-то привычное, когда наступила пора готовиться ко сну, пришел Захар. Он неожиданно вынырнул с темной лестницы и как ни в чем не бывало присел возле очага. Никто не слышал, как открылся люк, или, как он спускался. Поэтому появление Захара стало для всех неожиданным.

— Как я, а? — улыбнулся он во всю ширь белозубого рта. — Напутал вас?

— Как ты смог так бесшумно подкрасться? — первым пришел в себя Михаил.

— Секрет! Могут быть у меня секреты?

— Научишь? — вновь спросил Михаил.

— Для этого тебе нужно стать колдуном!

— Тогда обойдусь! — Михаил легко тряхнул кудрявой головой и задорно улыбнулся. Алина им залюбовалась, сравнивая его улыбку с лучом солнца во мраке. Он обладал уникальной способностью — заражать всех вокруг оптимизмом. Когда она смотрела на него, все страхи уходили далеко-далеко.

«Никогда! Никогда не расстанусь с ним! — подумала Алина. — Я просто не смогу жить и дышать без него! Теперь он для меня как наркотик».

— Прошу прощения, что заставил вас ждать так долго, — вмиг посерьезнев, произнес Захар. — Моя мамаша сегодня припозднилась с родительским визитом! Я уже думал, что она и вовсе не придет.

— Это не страшно, — успокоил его Кирилл. Ада вышла из своего укрытия и присоединилась к ним. Ей явно было любопытно послушать новости о тех, кто считался элитой в темном мире. — Скажи лучше, что тебе удалось узнать?

— Собственно говоря, немного. Порадовать особо мне вас нечем. Никого нового мать там не заметила. Единственное... — он сделал паузу: — Она сказала, что есть у них одно семейство. Даже там они держатся особняком, мало с кем общаются. Их немного побаиваются: самая старшая у них уж больно страш-

на... Она с такой злобой пришла сюда, что аж почернела вся как сажа. Так вот, одна из материнских родственниц находится в услужении у того семейства. Она рассказывала, что с недавних пор заметила странности в поведении хозяев. Говорит, что зачастили они в подвал, куда раньше вообще не спускались. А сейчас, кроме них никто не имеет права туда ходить. Один раз в день самая главная спускается туда на пять минут, будто проверяя что-то.

— И сколько времени уже это длится? — спросил Кирилл.

— Дня три уже как...

— Иван пропал три дня назад, — кивнула Алина. — Неужели они его там прячут?

— Возможно, — согласился Захар. — То, что там кто-то есть это точно. Один раз, по незнанию, кто-то из слуг спустился в подвал. Так вот, за одной из дверей он слышал какие-то звуки. Хозяйка, когда узнала, что он был там, чуть не заковала его или ее в цепи. Мать сказала, что лишь случайность помогла спастись от кары. Больше она ничего не знает.

— Все сходится... — задумчиво произнес Кирилл. — Похоже, Иван именно там.

— Но почему его держат в подвале, словно преступника? Почему прячут от всех? — Алина была напугана. Она придвинулась ближе к Михаилу. Он обнял ее и прижал к себе, но страх все равно не покидал.

— Не знаю, — Захар пожал плечами. — Все, что знал, я уже рассказал.

— Если Иван там, значит нужно идти и спасти его! — Михаил произнес это так, словно собирался на прогулку.

— Да? — скрипучий голос Ады прорезал повисшую тишину. — И как же ты собираешься это сделать? — все молчали, ожидая от нее продолжения. — Знаешь ли ты, несмышленищ, что они в состоянии жизнь любого из нас сделать еще более адской? А теперь подумай, что они могут сделать с тобой, попади ты туда, или узнай они, что ты здесь?

— Но не можем же мы сидеть, сложа руки. Нужно действовать!

— Вы не можете отправиться туда, — спокойно заявил Захар.

— Что же нам делать? — заволновалась Алина.

— Туда пойду я! — янтарные глаза Захара обвели всех по очереди серьезным взглядом.

***

«Нужно меньше пить пива! — подумал Виктор, выбираясь из бассейна и держась за правый бок. — Печень не справляется с нагрузкой!» Постояв на сочной зеленой травке, немного обсохнув на солнце, он направился в сторону дома.

То что раньше было узенькой тропинкой, превратилось в метровую шириной дорогу, выложенную яркой тротуарной плиткой. Дом тоже изменился до неузнаваемости. На месте уютного коттеджа стояла теперь современная стеклянная конструкция причудливой формы. Прямоугольные линии комбинировались выпуклыми полукруглыми фрагментами. Крыша тоже превратилась в огромный стеклянный купол. Лишь задняя сторона дома была выполнена из камня и совершенно без окон — хозяин всего этого испытывал безотчетный страх перед густым туманом.

Автоматические стеклянные двери разъехались в стороны, стоило только Виктору подойти к дому. Прямо за ними начинался огромный холл, чем-то на-

поминающий гостиничный. Не хватало только стойки и администратора за ней. Вместо этого, прямо напротив входной двери, на полу из белого мрамора, расположились два кожаных кресла, больше напоминающими диваны, и стеклянный журнальный столик между ними.

На столе хозяина дожидался бокал с аперитивом, предусмотрительно пожелавшийся по пути к дому.

Виктор развалился в кресле, выставив напоказ мужское достоинство. Стесняться ему было некого, разве что безжизненной мебели.

«Ну почему я не могу пожелать телевизор, — с тоской подумал он, уставившись в раскрытые двери. — Скука же смертная! Хоть бы захудалую газетенку. Желтую прессу — соскучился по скандалам и сплетням! А еще лучше плейбойчик! Хоть одним глазком глянуть на аппетитных цыпочек! Блин, скука смертная!» Он в раздражении схватил книгу с нижней полки столика. Но даже не раскрыл ее, выбросил в двери.

— Тоска зе-ле-на-я-я-я... зе-ле-на-я-я-я... — пропел он, и голос его прозвучал неестественно громко в пугающей тишине.

Глава 24

Иван

Металл растирал запястья в кровь, впиваясь в плоть каждый раз, как Иван пытался дотянуться до воды. Не хватало каких-нибудь десяти сантиметров, на которые была короче толстая цепь, надежно закрепленная в стене. Взгляд его был прикован к небольшому изящному кубку с поблескивающей в нем жидкостью. Даже закрывая воспаленные глаза, он видел перед собой воду и представлял, как она струится по горлу, смачивая пересохшие внутренности. Губы потрескались и болели. Но эта боль казалась ничтожной по сравнению с головной, что мучила Ивана с момента пробуждения.

Он не понимал, что происходит. Проснулся и обнаружил, что находится в небольшом помещении, руки и ноги закованы в цепи. Они настолько коротки, что с трудом получается сидеть и лежать, если свернуться калачиком, как ребенок в утробе матери. Возможности выпрямиться или встать на ноги нет.

Его зачем-то раздели догола. Лишь толстые металлические кольца на запястьях и щиколотках прикрывали хоть какие-то участки тела. Даже очки забрали. Этому, впрочем, Иван не сильно удивился, так как засыпал без очков в уютной постели в Оазисе жизни, а проснулся здесь, не зная где. Он пытался припомнить, что случилось ночью? Но все бесполезно.

Иван, как мог, разглядел помещение. Мешал полумрак. Небольшое, метров десять квадратных, черное и блестящее. Казалось, что стены, потолок и пол покрыты керамической плиткой, только без швов. Ни дверей, ни окон в комнате не было. Откуда поступал слабый свет оставалось непонятным — он просто был и все, ровно такой, чтобы не находиться в крошечной тьме. Рядом с собой на полу Иван обнаружил углубление круглой формы с отверстием посередине. Конструкция напоминала воронку, вмонтированную в пол. Наверное, разновидность напольного унитаза. Как ни странно, запаха нечистот не чувствовалось, воздуха в комнате достаточно, и он свободно циркулировал в легких. Откуда вообще берется здесь воздух, для Ивана тоже оставалось загадкой — не считая унитаза, никаких отверстий он больше не заметил.

Холода Иван не чувствовал. Пол и стены были теплыми. Если можно так сказать про место, где человека приковывают к стене цепями, то здесь было комфортно.

Когда Иван проснулся первый раз, заметил рядом кубок с водой. Это было весьма кстати, пить хотелось ужасно. Кубок появлялся каждый раз, пока он засыпал. Только расстояние между ним и кубком постепенно увеличивалось. Каждый последующий раз он появлялся на несколько сантиметров дальше, пока не оказался слишком далеко.

Иван снова попытался дотянуться до воды, но только причинил очередную боль рукам, пронзившую его миллионами невидимых иголок. В пропитый раз он изловчился и достал кубок, умудрившись не разлить ни капли. В этот раз все попытки ни к чему не приводили.

Он в изнеможении повалился на пол, чувствуя боль во всем теле. Желудок яростно барахтался внутри, требуя пищи и воды. Голова болела так, что его тошнило. Но рвать было нечем. За все время, что Иван находился тут, еды ему не приносили, а сегодня лишили и воды.

«Видно, пришел твой конец, — философски подумал он, — кто-то или что-то медленно тебя убивает. Хотелось бы знать, за что». Ни паники, ни сожалений, лишь равнодушные мысли о смерти мелькали время от времени в его воспаленном мозгу.

Иногда всплывали воспоминания — Иван видел улыбающееся лицо Паны. «Милая, милая Пана... — пересохшие губы растянулись в улыбке, причиняя новую боль, на которую он даже не обратил внимания. — Так хочется обнять тебя, прижать к себе, утонуть в твоих огромных и всегда испуганных глазах. С самой первой нашей встречи я мечтал об этом. Только признаться боялся. Даже когда догадался, что ты испытываешь то же, все равно боялся. А чего боялся? Сам не знаю. Может, если бы признался, сейчас было бы не так обидно умирать». Мысль так же равнодушно покинула мозг, как и закралась в него. Опять затопила пустота. Если бы не физическая боль, то стало бы совсем хорошо: ничего не чувствовать, ничего не желать, а просто лежать и спокойно ждать смерти.

Волна короткого сна накрыла Ивана. Он нырнул в нее, оставляя боль и жажду за пределами спасительного убежища. Он научился не пускать ничего постороннего в свой сон. Труднее всего пришлось с головной болью, которая отвоевывала у сна большие промежутки времени. Но Иван победил и ее — научился не замечать, как до этого искусственно вызывать этот самый сон.

Он понятия не имел, сколько времени здесь находится. Черета бодрствования и сна изменила его представление о времени. То казалось, что он уже очень долго тут, то вдруг приходила мысль, что еще вчера все было хорошо.

Промежутки между снами, больше напоминающие обмороки, становились все короче. В один из таких моментов, открыв глаза, Иван увидел черное лицо с ярко горящими глазами. Они внимательно изучали его. Вспыхнули злобой, когда встретились с его. За что можно так ненавидеть?

Черное лицо склонялось все ниже. Ядовито-зеленый взгляд погрузился в сознание Ивана. Он прощупывал его воспоминания, пытаясь что-то отыскать в их глубинах. Он снова и снова заставлял Ивана мысленно прокручивать всю жизнь, с того самого момента, как он что-то начал помнить. Особенно интересовали этапы жизни Ивана, связанные с потерей работы, их взгляд прощупывал более внимательно, проходя по ним снова и снова.

Иван призвал на помощь все силы, чтобы избавиться от этих глаз. Но бесполезно.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Вспыхнув нестерпимой злобой, глаза пропали из поля зрения Ивана. К физической слабости и истощению добавилось моральное опустошение. Его словно вывернули наизнанку, хорошенько потрясли и вернули в исходное положение, как следует ударив об пол.

— Открой глаза! — враждебные интонации незнакомого голоса вибрировали в центре головной боли. — Открой глаза!

Иван с трудом приподнял опухшие веки и наткнулся на ядовитую зелень. Слово обжегшись, снова закрыл. Даже так глаза нестерпимо резало. Иван поморщился и тут же услышал презрительный смех.

— Что, слабак, не можешь посмотреть на свою сущность? Это именно то, что тебя ожидает!

Иван так ослаб, что не мог пошевелить даже пальцем на руке. Хотелось

спать. Кому принадлежит грубый низкий голос — мужчине или женщине?

Какая-то сила приподняла его над полом и усадила спиной к стене, удерживая в вертикальном положении. Сам он, лишись поддержки, сполз бы на пол, как бесформенное желе. Безразличие ко всему перемешивалось с самоиронией. Если бы он мог, то, наверное, рассмеялся, до такой степени комичной казалась ситуация.

— Открой глаза, слизняк! — «Точно, слизняк! Это слово лучше остальных подходит мне сейчас», — как по команде отреагировало сознание Ивана. — Если ты не откроешь глаза сам, мне придется прибегнуть к силе. Это плохой вариант — закрыть ты их потом не сможешь. Будешь таращиться, пока они не высохнут. Мечтаешь о таком конце? Сперва ослепнуть, а потом сдохнуть?

Иван приподнял веки. Не угрозы подействовали, а любопытство. Он почувствовал, что голос удалился, и ему захотелось разглядеть существо, что так настойчиво требовало зрительного контакта.

Однозначно, это женщина. Невысокого роста, с массивной нижней частью туловища. Возраст не поддавался определению. Она была черная как сажа, одетая во все черное. Черными были даже зубы, от чего открытый в злобном оскале рот казался черной дырой на черном лице. И лишь ее глаза сверкали, как две невероятно яркие лампочки на всей этой черноте.

Иван заметил воду, и жажда с новой силой заявила о себе.

— Пить, — полупростонал, полупрошептал он.

— Ладно. Дам тебе возможность еще раз напиться. Иначе вряд ли ты сможешь выдать хоть слово, — женщина подняла руку и направила ее на кубок, отчего он начал двигаться в сторону Ивана. Когда расстояние сократилось ровно настолько, что его можно достать, Иван сделал попытку поднять руку. Но тело не захотело подчиниться. Усилий хватило на то, чтобы слабо шевельнуть пальцами.

Женщина перевернула руку ладонью вверх — кубок стал медленно подниматься. Поверхность воды колыхалась, но ни одна капля не пролилась. Иван, как зачарованный, смотрел на воду. Все желания сконцентрировались сейчас в этом кубке. Он все приближался к губам и замер в нескольких сантиметрах от них.

А говорят еще, что вода не пахнет! Еще как пахнет! Она пахнет жизнью! Именно это чувствовал Иван, видя ее и не имея возможности испить. Запах был такой, что сил терпеть его не было. Ивана колотила дрожь, похожая на агонию. В комнате раздался издевательский смех.

— Как бы я хотела своими глазами увидеть твои последние секунды, — проговорила женщина, и Иван в который раз поразился силе ненависти, звучащей в ее голосе. — Но если ты умрешь, я не узнаю того, что так интересует меня, — она одним движением приблизила кубок к губам умирающего, и вода, этот источник жизни, наполнила его собой, вырывая из пучины смерти.

Откуда только силы взялись вцепиться зубами в край сосуда. Даже когда внутри не осталось ни одной капли, Иван продолжал сжимать челюсти.

— Хочешь закусить им? — вновь засмеялась женщина, с силой вырывая кубок. — Теперь у тебя появились силы, и ты сможешь ответить на несколько вопросов.

— Что вы хотите знать? — говорить все еще было трудно. Адская головная боль мешала привести мысли в порядок.

— Прежде всего, как ты попал сюда?

— Об этом нужно спросить у вас, наверное, — усмехнулся Иван и тут же поморщился от очередного спазма, скрутившего мозг в тугой узел.

— Не шути со мной! — вкрадчивым голосом предупредила женщина. — Я могу сделать так, что смерть твоя будет еще мучительнее.

«Куда уж более? — невесело подумал Иван. — Разве что будешь отрывать от меня по кусочку. Но вряд ли станет больнее. Что с моей головой? Из нее как будто вытягивают волокна, медленно, мучительно, по одному». Боль была так сильна, что не позволяла даже стонать, становясь невыносимой. Иван чувствовал, что чудом держится в сознании.

— Головная боль — это неотъемлемая часть превращения. Твое мышление перестраивается. Меняется его модель. Это должно произойти при жизни, раз уж ты здесь так некстати оказался, — она с брезгливым выражением наблюдала за гримасой боли на лице Ивана.

«Откуда такая ненависть? — вновь подумал он, наблюдая за злодейкой. — Что я такого сделал, чтобы заслужить ее?»

— Ты не должен был появляться на свет! — произнесла женщина, и Иван понял, что его читают, как открытую книгу. — Но ты родился! Что мы только не делали, чтобы избавиться от тебя! Но все оказалось без толку! И главное, мы не могли тебя просто убить! Это против правил...

— А сейчас... это не против правил? — даже в этот момент ирония перевешивала все остальные чувства. Иван чувствовал, что конец его близок, так почему бы не умереть с улыбкой на губах? Жаль, что ему никогда еще так не хотелось жить, любить и быть любимым.

— Повторяю вопрос: как ты здесь оказался?

— Я уснул... в Оазисе жизни, а проснулся тут... — Он еле шевелил губами.

— Я знаю это, идиот, — злость женщины достигла точки кипения. — Я спрашиваю, как ты оказался в Оазисе жизни?

От удивления Иван на секунду забыл о боли. Какое ей дело до Оазиса жизни?

— А какое это имеет отношение к вам? — вопрос невольно сорвался с кровоточащих губ.

— Вопросы здесь задаю я! А ты должен на них отвечать! — еще чуть-чуть, и она набросится на Ивана с кулаками.

— Вам я ничего не должен, — медленно, по слогам отчеканил он. — Если я кому-то и должен что-либо, то это своей матери! И то, лишь потому, что она родила меня. Видно, ей это стоило огромных усилий, раз воспитать уже сил не хватило...

— Ах, вот как ты заговорил? — голос злодейки вновь стал вкрадчивым. — А ты далеко не так прост, каким кажешься сначала, — какое-то время они буравили друг друга глазами. Иван не собирался первым сдавать позиции, хоть держаться уже не было сил. — Хорошо! Ты ответишь матери на этот вопрос! А пока... пока ты помучаешься... Ты узнаешь, что такое настоящая боль, — с этими словами она обвела его тело рукой и произнесла несколько слов на непонятном языке.

Все познается в сравнении. Иван это понял сразу же, как только незнакомка растворилась в воздухе. Его скрутила такая боль, что откуда только взялись силы кричать. Он заорал во всю мощь легких! Крик завибрировал в замкну-

том пространстве, грозя разрушить его своей силой.

Глава 25

Мужская башня

— Чем же так опасна мужская башня? — подозрительно спросила Таня. — Нехорошее это место! — опять произнесла Прасковья. — Нежилое! Поговаривают, что ходит там приведение. Оно влияет на головы мужчин, делая их одержимыми, — она замолчала и стыдливо потупилась.

— В каком смысле одержимыми? — допытывалась Таня.

— В смысле... в смысле женщинами... — покраснев, ответила бедняжка.

— Не поняла. После ночи в башне, они начинают бросаться на женщин? — Таня видела, что природное целомудрие собеседницы страдает, что такие разговоры ей не по нутру, но непременно хотела докопаться до истины.

Андрей молча слушал их беседу. Напутать его приведением после всего того, что он узнал с момента попадания в Оазис жизни, сложно. Это самое меньшее из зол. Он с опаской посмотрел на Пана. Та снова погрузилась в себя. Выглядела печальной и отрешенной. Она не участвовала в разговоре. Андрей сомневался, что она вообще что-то слышала, так далеко унеслись сейчас ее мысли.

— Они начинают вести себя непристойно? Становятся жестокими? — не отставала Таня от раскрасневшийся от стыда Прасковьи.

— Ох, я не знаю! — взмолилась женщина. — Они... они... в общем, они меняются.

— Я ничего не поняла, а ты? — обратилась Таня к Андрею.

— Единственное, что я понял, что это не опасно для жизни, — улыбнулся он. — Не мучь ее. Она уже сама не своя, — Прасковья на самом деле стала пунцовой от стыда. Сидела на краешке скамейки и озиралась по сторонам в поисках поддержки. Она с благодарностью посмотрела на Андрея, когда Таня решила прекратить допрос.

— Пойдем, Паночка. Милая, тебе пора отдыхать, — повторила Прасковья просьбу, когда Пана никак не отреагировала на ее слова. Она продолжала находиться в прострации. Андрей дотронулся до ее руки. Она вздрогнула и с испугом уставилась на них. — Пойдем, милая. Сейчас время отдыха, и ты должна поспать.

Пана вцепилась в руку Андрея, явно не собираясь никуда уходить.

— Иди и ничего не бойся, — успокоил Андрей, сжав ее руку. — Мы никуда без тебя не уйдем. Будем рядом.

Уводимая Прасковьей, Пана все время оглядывалась, мысленно умоляя их забрать ее скорее из этого места.

— Да уж, — выдохнул Андрей. — Кому нужен рай, если его навязывают силой!

— Послушай! — обратилась к нему Таня. — Я ничего не поняла про эту башню. Пойдем, поговорим с Еленой. Мне кажется, она тут самая общительная, не такая забитая, как остальные.

— Зря ты так волнуешься! — с улыбкой произнес Андрей, когда они направлялись к дому Елены. — Ничего серьезного мне не грозит. И уж тем более одержимость, — он рассмеялся, таким глупым ему показалось предположение.

— Не забывай, что ты не должен находиться в этом мире, — Татьяна оставалась серьезной, не отреагировав на его смех. — Это для них он не представляет серьезной опасности, поскольку они полноправные его члены. А для тебя он может стать опасным. Мы ни в чем не можем быть уверены наверняка.

Они издали заметили Елену, копошащуюся на огорожке возле дома. Она поливала цветы из небольшой лейки, весело напевая незамысловатую песенку. Заметив гостей, засветилась искренней радостью и пригласила их в дом:

— Пойдемте, я напою вас чаем и угощу вареньем собственного приготовления.

Домик у нее был небольшой и чистенький с просторной верандой у входа. Таня предложила посидеть на веранде и подышать свежим воздухом.

Елена проворно накрыла небольшой стол. Все спорилось в ее умелых руках. За считанные минуты в чашках уже дымился ароматный чай.

— Так приятно принимать гостей! Жаль, что такое редко случается. Я и раньше любила это делать, — с печалью в голосе добавила Елена. Но сразу же опять развеселилась. Андрей подумал, что эта девушка — самый жизнерадостный человек из всех, что ему приходилось встречать.

— Мы хотим кое о чем спросить тебя, — обратилась Таня к Елене, надкусывая нежное песочное печенье. — Это касается мужской башни, — Андрей опять заметил испуг, мелькнувший в глазах Елены. — Прасковья сказала, что это место опасное. И больше ничего... Как мы не пытались разговорить ее, она не смогла вразумительно объяснить нам, чем же опасна мужская башня?

Несмотря на испуг, Елена весело рассмеялась, чем сильно удивила гостей.

— Нашли, у кого спрашивать про мужскую башню! — веселилась она. — Представляю себе лицо нашей Прони! Да разве же можно говорить с ней на такие темы?

— А почему нет? — поинтересовалась Татьяна. Ситуация ее забавляла. Глядя на смеющуюся Елену, она тоже начала улыбаться.

— Все, что касается мужчин, для нее табу! Она мирскую жизнь прожила в одиночестве. Не выходила замуж, не рожала детей. А вы хотите, чтобы она рассказала вам про башню.

— Она девственница? — удивилась Таня.

— Конечно! Одна из самых суровых!

— Теперь понятно, почему она так краснела, — улыбнулась Таня. — А ты можешь подробнее рассказать нам про башню?

— В общем-то, я мало чего знаю, — вмиг став серьезной, ответила Елена, — да и запрещено нам говорить на эту тему.

— Запрещено Светланой? — уточнила Таня.

— Да. Но... думаю, что вам я могу рассказать то, что знаю сама. Хотя, пользы от этого мало будет, — она помолчала, собираясь с мыслями. — Эта башня, вернее, даже не сама башня, а та единственная комната в ней наверху... В общем, у нее не очень хорошая репутация... — Елена говорила медленно и вдумчиво, Таню так и подмывало поторопить ее наводящими вопросами. Но она заставила себя молча ждать продолжения, чувствовала, что вопросы спугнут рассказчицу. — Очень редко Светлана отправляет туда на ночь кого-нибудь из мужской прислуги. Даже не знаю, зачем она это делает. Ни разу не замечала, чтобы кто-то из них провинился. Ну вот... а после этого, обычно, она его выгоняет...

— Как, выгоняет? — не выдержала Таня.

— Ну, очень просто, — простодушно устала на нее Елена. — Он перестает служить у нее. Уходит отсюда. И больше мы его не видим.

— И это все? — удивилась Татьяна.

— Ну да... Подробнее не могу рассказать. Больше и я ничего не знаю.

— А она никогда не рассказывала, почему выгоняет их? Или может вы спрашивали у нее?

— Как-то Вера поинтересовалась. Просто... у нее... ну, в общем, чувства у них были... Служил тут Степан, красивый такой! Ну вот, выгнала его Светлана после ночи в башне. Вера так переживала, просила не выгонять. Но Светлана была непреклонна! А на вопрос: почему, ответила, что разум его помутился. Будто бес в него вселился, — Елена говорила неуверенно, спотыкаясь. Заметно было, что рассказ ее саму смущает.

— А как выглядели те мужчины после ночи в башне? — допытывалась Таня. Андрея сместила ее настойчивость. Он не думал об опасности. Все казалось не серьезнее детской шалости. Он красноречиво посмотрел на Таню, но та проигнорировала его взгляд, продолжая допрос: — Не замечали ли вы чего-нибудь необычного в их поведении?

— Как вам сказать?.. Они менялись... Только, что именно в них менялось, не пойму. Они становились более наглыми что ли, или, может, уверенными в себе? Не знаю, — она простодушно посмотрела на Таню, и та поняла, что большего от нее не узнает.

— Не нравится мне все это, — озабоченно произнесла Таня, когда они с Андреем покинули гостеприимный дом Елены, — она что-то задумала!

— Не переживай! Что бы она не придумала, я с этим справлюсь, — посмеивался Андрей, глядя на хмурое лицо подруги.

— Ее психика нарушилась после того, как она оказалась тут. Временами она выглядит совершенно ненормальной! Ты заметил, как быстро она выходит из себя?

Они, не спеша, шли в сторону сада. По двору сновали люди, но никто не обращал на них внимания. Светланы нигде не было видно. Скорее всего, сон-час был не только в распорядке дня Паны.

— Интересно, как там Виктор? — решил сменить тему Андрей, заметив, что Таня не на шутку разволновалась.

— Надеюсь, скучает, — немного расслабилась она. — Честно говоря, он меня не сильно заботит. А вот Иван, да. Интересно, нашли они его?

— Там хороший поисковый отряд, — больше себя, чем ее, успокоил Андрей. Он до сих пор испытывал неловкость, что выбрал менее опасное задание. Еще переживал за Алину. Не место ей в темном мире.

После очень скромного ужина Светлана приказала проводить Андрея в его покои. Молчаливый слуга знаками велел следовать за ним. Когда Андрей уходил, все взгляды были устремлены на него. Кто-то смотрел испуганно, другие — сочувственно, некоторые — с недоверием. Во взгляде Татьяны он прочел беспомощность и озабоченность. Глаза Светланы горели плохо скрываемым торжеством.

«Чему она так радуется?» — подумал он, стараясь не подать виду, что тоже взволнован.

Комната, отведенная ему для ночлега, располагалась на самом верху сторо-

жевой башни. В нее вела винтовая лестница с небольшой площадкой на самом верху, за которой сразу же располагалась дверь.

Пока Андрей в сопровождении хмурого слуги поднимался по лестнице, он заметил большие тенета паутины, свисающие, как гамаки, между балясинами перил. Неутомимые труженики покрыли тончайшим ковром всю лестницу. Разрываясь, она повисала бесформенными хлопьями на одежде. Андрей терпеть не мог паутину — считал ее признаком ветхости. Он брезгливо снимал ее с себя, и она медленно падала вниз, кружась в наполненном пылью воздухе.

Пыли здесь было еще больше, чем паутины. Она толстым слоем лежала на ступенях, выпархивая из-под ног и повисая в воздухе, как кадры в замедленном кино.

«Когда же последний раз ступала сюда нога человека?» — подумал Андрей. Он задал свой вопрос вслух. Но ответом была тишина и могучая спина идущего впереди мужчины.

Массивная дверь со скрипом отворилась и впустила Андрея внутрь просторной комнаты, где из всей мебели только огромная кровать стояла в центре. Свет, окрашенный закатом, проникал сквозь узкие окна-бойницы, занавешенные плотной тканью. Шторы колыхались от легкого сквозняка.

Комната была круглой формы, как и сама башня. Каменные стены, ни чем не отделанные изнутри, отдавали средневековьем. Андрею опять почудилось, что он слышит звуки сражения и стоны раненых и умирающих на сырой земле.

Пока он озирался по сторонам, суровый проводник сменил постельное белье на кровати. Когда тот стягивал покрывало, Андрей едва не задохнулся от пыли, взметнувшейся в воздух. Он громко чихнул, чем заслужил злобный взгляд исподлобья, вместо «Будь здоров!». Решив не оставаться в долгу, и не понимая причины подобной враждебности, Андрей одарил мужчину таким же взглядом. Даже сдвинул брови для пущей убедительности.

«Ладно, хоть постель чистая!» — хмыкнул он, когда проводник скрылся за тяжелой дверью, унося постельное белье. Андрей прислушивался и, не различив шума поворачиваемого в замке ключа, удовлетворенно кивнул. «Значит, я, все-таки, гость, а не узник!» Но радость его быстро померкла, когда, проделав обратный путь по лестнице, он обнаружил, что дверь в башню заперта, и выйти наружу нет никакой возможности.

Ничего не оставалось, как взбираться обратно в башню, чувствуя себя сказочным персонажем — Рапунцель. «Или я принц, ослепленный злой колдуньей? — невесело думал он, приближаясь к площадке на самом верху. — И там осталась моя Рапунцель?» Его мысли устремились к Тане. С каждым мгновением, ситуация все меньше нравилась ему. В душе росло раздражение против властной и деспотичной Светланы, нарушающей простые законы гостеприимства.

Пыль, которая лежала повсюду, выводила из себя. Он забрался с ногами на кровать — единственный островок относительной чистоты. В комнате постепенно становилось все темнее. Лампы или чего-нибудь другого Андрей не нашел. Когда и в окна перестал проникать свет от быстро прячущегося за горизонт солнца, комната погрузилась в темноту.

Постепенно затих шум, доносящийся со двора. Иногда только из рожи долетал одинокий вскрик ночной птицы, от которого становилось еще тоскли-

вее на душе.

Андрей приподнял подушку, оперев ее о спинку кровати, и улегся, закинув руки за голову. Он смотрел в грубо сколоченный деревянный потолок, освещаемый луной. Воспоминания, которые перестали преследовать с момента попадания в Оазис жизни, вновь нахлынули на него.

Вспомнился мальчик лет десяти, воспитанник детдома. Никогда раньше Андрей не думал о нем. Скорее, даже забыл о его существовании. И имени не помнил. А тут... Он отчетливо видел его — веселого и подвижного, непослушного заводилу в детских шалостях, двоечника и шалопаю. Что там тогда случилось? Андрей нахмурился, восстанавливая в памяти события давно минувших дней. Ах, да! Конфликт у него был, у того мальчика, с учительницей в школе. Вроде не любила она его... за непослушание. И накатала бумагу в Департамент образования, содержательную такую, с просьбой оградить учеников от пагубного влияния одноклассника.

Андрей хорошо помнил утро, когда за этим мальчиком приехала машина «скорой помощи». Отчетливо слышал его крики и видел растерянное лицо Зинаиды Сидоровны, когда того волокли двое санитаров. Мальчик пытался вырваться и брыкался. Директриса просила объяснить, что происходит, на что водитель «скорой» сунул ей какую-то бумагу под нос, после прочтения которой она побледнела, но перестала вмешиваться, молча наблюдая со стороны.

Дети высыпали на улицу, привлеченные криками. Как плакал тот мальчик! Как же его звали? Никак не может вспомнить имя. Да и неважно... Этого мальчика не было более двух месяцев. Андрей уже успел забыть о его существовании, тем более что друзьями они не были. А через два месяца он внезапно вернулся! Но какой?! Из худенького подвижного ребенка он превратился в толстый овощ, который почти все время сидел, уставившись в одну точку, и ни с кем не разговаривал. Перед мысленным взором Андрея всплыла картина: рыхлые, безвольные руки, висящие вдоль тела...

Больше он ничего не мог вспомнить, как ни напрягался. Что стало с тем мальчиком? Беспечное детство вбирает в себя только то, что ему интересно, а этот мальчик интересным не был. Андрей не помнил, сколько тот пробыл в детдоме, вернулось ли к нему прежнее состояние. Да и этот эпизод никогда раньше не всплывал в памяти. До сегодняшнего дня...

Сильный порыв ветра задул в окна, отчего занавески забились о каменные стены, как крылья раненой птицы, пытающейся взлететь. «Ни о чем не волнуйся... — услышал Андрей знакомый голос, принесенный ветром, — завтра мы уйдем отсюда навсегда...» Он улыбнулся. Таня установила с ним мысленную связь. Хороший же рыцарь из него получается! Сидит тут запертый в башне, а любимая собирается его спасти.

На смену иронии пришла злость. Да что она себе позволяет, эта Светлана?! Завтра он выскажет ей все, что думает! Он не собирается щадить ее чувства! Мог бы ей посочувствовать, веди она себя по-другому, достойно относясь к людям!

Мысли не давали уснуть. Они упорно лезли в голову, лихорадя сознание. А так хотелось, чтобы эта ночь побыстрее закончилась. Вспомнился пионерский лагерь. Целых три месяца удовольствия и строгой дисциплины! На все лето их отправляли в лагерь, чтобы отремонтировать детдом.

И вот, подъем, линейка, завтрак, мероприятия до обеда (тематические

кружки или подготовка к какому-либо конкурсу), обед, дневной сон, во время которого мало кто спал, но все должны были находиться в своих комнатах, купание в озере — самый любимый момент. А вечером, после ужина, — дискотека. И песни детства: «Светофор» Леонтьева, «Я буду долго гнать велосипед» Барыкина и, конечно же, «На недельку до второго» в исполнении Игоря Скляра.

Галстук нельзя повязывать на голую шею... На ногах всегда должны быть носки... Обязательная пробежка с утра к озеру... Романтика детства, наполненная жужжанием комаров и расчесанным до крови телом.

Андрей улыбнулся, вспомнив этих жутких кровососов. Как они устраивали заграждения от них из простыней, натягивая их между железными спинками кроватей. И ведь нормально же себя чувствовали! Взрослый бы точно задохнулся, но только не ребенок!

Забавная мордашка рыжей бестии никак не желала покидать мысли, отесняя сон, который постепенно накрывал. Андрей вспомнил, как она злилась, когда он приглашал какую-нибудь девочку на медленный танец. Она испепеляла его детским сердитым взглядом. А потом отказывалась разговаривать. Правда, хватало ее от силы на час. После отбоя, забыв обиды, она тайком пробиралась в их комнату и залезала к Андрею под одеяло, занимая место, которое считала своим. А на утро им обоим влетало. Но на следующий день все повторялось. И так бывало всегда, кроме тех дней, когда Таня болела, и ей запрещали вставать с кровати. Тогда она заставляла Андрея до ночи сидеть рядом, рассказывать всякие истории, пока не засыпала.

Глава 26

Мать Ивана

— Зачем ты это делаешь? — спросил Михаил у Захара, выйдя наверх проводить его.

— Что делаю?

— Зачем ты хочешь отправиться туда вместо нас? Для тебя, ведь, там тоже опасно?

— Ах, это! — Захар легкомысленно отмахнулся. — Ничего они мне не сделают, — хоть он и старался говорить спокойно, Михаил заметил, как в глазах его промелькнул страх.

Захар вертел в руках бутылочку с эликсиром и корень жизни, которые ему вручила Алина.

— Вот, возьми, — сказала Алина, — это может пригодиться тебе или Ивану. Она с благодарностью смотрела на него. Столько доверия и уважения было в ее глазах!

— Мне, вряд ли.

Захар отвернулся. Не понимал, что с ним происходит, когда смотрит на нее. Чувствовал, как внутри растет что-то большое и теплое, не изведенное ранее. А тоска гнала его прочь, заставляла бежать от Алины. Нельзя мечтать о несбыточном. Он схватил бутылку и корень и поторопился уйти. Лишь на поверхности позволил себе перевести дух, глотнув солидную порцию отравленного воздуха.

— Неужели этот корень так всемогущ? — сменил он тему, мазнув взглядом по Михаилу.

— Даже мы не знаем всей его силы. Но без него нам здесь не выжить... Ты не ответил на мой вопрос.

— Да, какая разница, зачем я это делаю? — Захар начинал закипать. — Не лучше ли думать об успешном исходе операции?

— Мы благодарны тебе, даже если ничего не получится.

— Не стоит, — сказал как обрубил Захар. — Я это делаю не ради вас, а ради себя.

Он стоял напротив Михаила, и в глазах его застыла мука, подсвеченная злобой. Он сжимал и разжимал пальцы обеих рук. Казалось еще чуть-чуть, и он бросится в драку. Михаил не мог понять причины перемены его настроения. Он пытался еще что-то сказать, но Захар оборвал его на полуслове:

— Ждите! Вернусь, как только смогу, вместе с вашим другом. Или не вернусь вовсе, — с этими словами он резко развернулся и удалился широкими упругими шагами.

Боль, расщепляющая тело на атомы! Боль от корней волос до кончиков пальцев! Она поглотила его целиком, убивала, лишала рассудка, заставляла кричать, забыв о стыде и страхе! Она управляла мышцами, как ей того хочется, расслабляя их и сжимая вновь, заставляя потеть и испражняться!

Никогда за всю свою жизнь Иван не испытывал ничего подобного. Он орал, пока голосовые связки справлялись. Постепенно крик перешел в хрипы. Затем затих вовсе. Лишь воздух вырывался из легких через широко открытый

рот. Глаза вращались в глазницах, рискуя выкатиться из них, порвав тоненькие нити крепления. Сознание не желало покидать его долго, пока он не выпил чашу боли до дна.

Иван не подавал признаков жизни. Бледное, измученное лицо было похоже на восковую маску. Тело неестественно выгнулось. Из рук и ног, где были оковы, сочилась кровь.

Таким застал его Захар, внезапно появившийся в комнате.

Первым делом он прижался ухом к груди Ивана и с облегчением вздохнул, услышав слабый стук сердца. Он поправил тело так, чтобы наручники не впились в разодранную плоть, и достал корень жизни. Отломив маленький кусочек, просунул его сквозь стиснутые челюсти Ивана, придерживая голову, чтобы тот не задохнулся. Чудо-корень моментально начал действовать, растворяясь во рту и вливая жизнь в беднягу.

Иван открыл глаза. В них все еще плескалась боль, переливаясь через край. Сознание возвращалось с трудом. Он обвел глазами комнату, не задержавшись на лице Захара, который продолжал поддерживать его голову, дожидаясь полного растворения корня.

Захар внимательно рассматривал его. Он был поражен детским и наивным выражением глаз Ивана. Даже запредельная боль не смогла стереть его. «Что же ты тут делаешь, дружок? — с грустью подумал Захар. — За какие такие грехи попал в этот забытый богом мир?» Даже в своей земной жизни он никогда не встречал таких глаз у взрослого человека!

Он так увлеченно думал, что не заметил, как Иван полностью пришел в себя и тоже разглядывает.

— Ты чего вцепился в мою голову? — Захар вздрогнул от неожиданности и выпустил голову Ивана. Она звонко ударилась об пол и слегка подскочила. — Ай!!! — Иван потирал ушибленное место, кое-как усаживаясь. — То держишь, как клещами, то бросаешь... Ты, вообще, кто? — он удивленно смотрел на Захара, ожидая, когда тот заговорит.

— Не бойся, — отреагировал, наконец, тот, — я — друг!

— А как ты попал сюда, друг? До сих пор сюда приходил только враг!

— Есть способы, — усмехнулся Захар.

— А зачем ты здесь?

— Ну, ты даешь! Конечно, для того, чтобы вытащить тебя!

— Можешь сказать, где я? — поинтересовался Иван.

— А ты не знаешь?! Ты в темном мире! Одним словом, в аду!

— Темный мир? — в первый момент удивился Иван. — Ах да, моя фиолетовая аура...

— Аура? Какая еще аура? — спросил было Захар, но тут же заговорил на другую тему: — Слушай, у меня тут эликсир... Надо бы капнуть на твои руки и ноги. Может, поможет, — он уже откупоривал маленькую бутылочку. — Ничего себе!!! — они оба таращились на запястья Ивана, наблюдая, как раны моментально затягиваются.

Мало того, браслеты начали истончаться, пока не исчезли совсем. То же самое Захар проделал с лодыжками Ивана, который на какое-то время утратил дар речи.

— Чудеса, — только и сказал он, когда смог заговорить.

— Да, уж! Такое даже мне в диковинку, — кивнул Захар, — хоть я и немало

повидал колдовства. Но чтобы так быстро, никогда не видел. На... — он протянул бутылочку Ивану, — тебе велено еще выпить немного для бодрости духа.

— Кем велено? — не понял Иван, послушно отхлебывая из бутылки.

— Твоими друзьями, которые пришли за тобой в этот мир, — Захар в раздражении уставился в стену. — Они настолько глупы, что взяли с собой девушку, — его лицо немного смягчилось, голос приобрел мечтательные интонации. Иван с интересом наблюдал за подобной сменой эмоций. А тот перестал обращать на него внимание, словно забыл, где и с кем он сейчас находится. — Она, как роза среди сорняков... И так замечательно пахнет! Никогда еще не встречал таких. Даже там, в далекой жизни. Эти глаза, цвета темного золота, они такие добрые. И так смотрели на меня. Никто раньше так на меня не смотрел.

— Алина. Ее зовут Алина, — пояснил Иван, когда наткнулся на непонимающий взгляд Захара. — А кто еще с ней?

— Еще двое, — сбрасывая с себя наваждение, ответил Захар, — Михаил и Кирилл...

— Понятно. И где же они?

— У Ады! — Захар снова стал буравить его глазами. — Не ожидаешь же ты увидеть их здесь? Если они попадут в руки к черной ведьме, считай их уже нет. Она сотрет их с лица земли и из человеческой памяти.

— А тебя она не тронет?

— Ну, убить она меня не сможет, — усмехнулся Захар, — а на остальное плевать...

— Хотел бы я знать, что ей от меня понадобилось? Почему она меня заперла здесь? — задумчиво проговорил Иван.

— Я отвечу на все твои вопросы!

Они резко повернулись. Возле стены стояла довольно молодая женщина. Она выглядела, как обычная деревенская труженица, в мешковатом платье и грубых ботинках. Крупная фигура с развитой мускулатурой. Лицо спокойное и задумчивое, довольно симпатичное.

Увлечшись разговором, Иван и Захар не заметили, как и когда она появилась.

Женщина не вписывалась в окружающую обстановку. Такое впечатление, что она только закончила месить тесто и лепить пироги. Ивану даже показалось, что у нее руки в муке, и пахнет от нее сдобой. Что-то неуловимо знакомое было в лице женщины. Иван пытался вспомнить, где мог ее видеть раньше.

— Кто вы? — спросил он.

— Я — твоя мать, — просто ответила она. Ее голос слегка дрогнул, произнося это извечное и священное слово. Она будто пробовала его на вкус. Глаза, не отрываясь, смотрели на сына. — Ты не изменился. Те же глаза...

— Мать? — потрясенно повторил Иван. — Я думал, моя мать умерла.

— Правильно ты думал. Недолго я прожила после твоего рождения. Всего-то два года, а потом... Потом я оказалась здесь.

— Как это? Как это умерла? Значит... значит... Ничего не понимаю. Сколько же вам сейчас лет?

Захар тайком усмехнулся, увидев ошарашенно-туповатое выражение на лице Ивана.

— Тогда мне было около тридцати, — женщина тепло улыбнулась. — Впрочем, сейчас мне столько же. И столько мне будет всегда.

— Вы хотите сказать?.. — Иван беспомощно оглянулся. — Вы хотите сказать?..

— Не волнуйся! Я не приведиение, — женщина сделала несколько шагов вперед. Иван вжался в стену. — Ты что не знаешь, что такое темный мир? Сюда попадают после смерти для того, чтобы жить вечно...

— Знаю, — пробормотал Иван. — Только... нормальные люди сюда не попадают, насколько я знаю, — он немного виновато взглянул на Захара. Тот никак не отреагировал на его слова.

— Правильно, — кивнула женщина, — нормальные не попадают. Так я и не утверждаю, что нормальная. И ты... ты тоже не такой, как все остальные, — она судорожно вздохнула и выпалила: — Ты производишь от колдунов...

— Постойте, постойте, — прервал диалог Захар. — Вы хотите сказать, что он родственник той... черной ведьмы?

— Она первая и самая главная ведьма в нашей семье, — при упоминании о черной ведьме, женщина поежилась, и на лице ее появилось упрямое выражение. — От нее идет наш род, — она замолчала на мгновение, а потом продолжила: — Ты не должен был попадать сюда так рано. Это должно было случиться по окончании земного цикла, после придания тела земле. Как ты оказался здесь? — заметив подозрительное выражение на их лицах, она тут же добавила: — Можешь не говорить, если не хочешь. Это ничего не меняет. Покинув пределы земной жизни и оказавшись в Оазисе жизни, ты стал виден этому миру. Он призвал тебя к себе.

— Но почему его заперли в подвале и приковали цепями? — спросил Захар.

— А, по-твоему, он может существовать в темном мире, будучи живым? — она спокойно смотрела на Захара. — Его заперли, чтобы умертвить. А так как черная ведьма — абсолютное зло, то она не может просто убить свою жертву. Она привыкла это делать медленно и мучительно.

Иван смотрел на свою мать и не мог поверить, что можно так спокойно рассуждать о предстоящей смерти собственного сына. На ее лице не дрогнул ни единый мускул. Абсолютное спокойствие.

— Если у меня была мать, — задумчиво произнес он, — то, как я оказался в детдоме? Мне сказали, что мать умерла при родах, и оставить меня было некому. Я всегда думал, что у меня есть одна-единственная родственница, какая-то седьмая вода на киселе... Она иногда навещала меня. По материальным соображениям она не могла оформить опеку, — он все реальнее осознавал, в каком обмане рос. — Можешь ты мне объяснить, как все было на самом деле? Как получилось так, что при живой матери я попал в детдом?

— Начнем с того, что ты не должен был родиться! — женщина внимательно смотрела на него. Во взгляде ее читалась жалость и грусть. — Испокон веков в нашей семье рождались только девочки. И тут я понесла тобой... Моя бабка... она сильная ведьма... узнала, что должен родиться мальчик. Что только они не делали, чтобы освободить меня от плода, — она тяжело вздохнула. — Только все оказалось тщетным. Видно, тебе суждено было народиться на этот свет, — она слегка улыбнулась.

— Постойте, постойте, — перебил ее Захар. — В вашей семье были одни женщины. Но ведь у детей же были отцы?

— Отцы?! — Она в раздражении махнула рукой. — Конечно, были! К сожалению, без них невозможно родить ребенка. Мы сами выбирали себе мужчин. Те, кто нам приглянулись, не в состоянии были бороться с колдовством. И потом... мужская сила нужна была в хозяйстве. Многие из наших женщин выходили замуж. Но только не я! — ее лицо опять стало упрямым. — Я не собиралась делать этого. Я даже не знаю, кто был твоим отцом. Уж больно страстной я была... тогда, — она говорила так спокойно, будто речь шла о самых обычных вещах. Иван же склонялся к мысли, что его мать была развратницей. — Одним словом, я понесла... и через девять месяцев родился ты, — она вновь замолчала, взор ее затуманился воспоминаниями. — Ты был такой красивый! Твои глаза... они были, как небо — огромные и прозрачные. Они и сейчас такие, — она улыбнулась, выныривая из омута прошлого. — Можешь не верить, но я полюбила тебя всем сердцем...

Ее голос дрогнул, и на глазах появились слезы. Она с мольбой смотрела на сына, молча прося поверить. А ему и самому до боли хотелось верить. От мысли, что его кто-то любил, пусть и совсем недолго, становилось теплее на душе.

Иван уже простил ее. Все грехи, что она несла перед ним, стирались несколькими словами о любви. Ведь если она любила, и у нее отняли сына, то трудно представить себе всю степень ее горя и отчаяния. Это гораздо хуже, чем переживать от мысли, что тебя никто и никогда не любил.

— Я сопротивлялась, — тихо продолжила она рассказ. — Не хотела расставаться с тобой. Но они... они сделали это тайком, когда я спала. Они выкрали тебя. И больше я никогда тебя не видела.

— И вы не знали, где я? — глухо спросил Иван.

— Я и сейчас этого не знаю, — промолвила женщина. — Они никогда не говорили мне, где ты...

— А где... где я родился? Где вы жили?

Женщина назвала место, и Иван аж подскочил от неожиданности.

— Это же поселок, рядом с которым находится наш детдом! — воскликнул он. — Получается, вы всегда были рядом, — с грустью добавил, — и я ничего об этом не знал.

— Ах, змеюка! Как же больно ты кусаешься! — женщина злобно погрозила кому-то кулаком. Она продолжила говорить, ни к кому не обращаясь. Ее грозный взгляд блуждал по стене камеры, а кулаки были крепко сжаты и побелели от напряжения. — Ты мне заплатишь! Все время, что я оставалась жива, он был рядом. А я не знала! О-о-о... — она взвыла и упала на колени. Уткнувшись в ладони, громко разрыдалась. Иван с Захаром пребывали в растерянности, не зная, что предпринять.

Глядя на плачущую мать, Иван почувствовал, как в груди зарождается что-то теплое, согревая ее. Глаза защипало от слез. Он подошел к женщине и робко, неуверенно погладил ее по голове. Она схватила его руку и прижала к своему мокрому от слез лицу. Потом и вовсе начала осыпать дрожащую руку поцелуями.

— Простишь ли ты меня когда-нибудь? — подняла она к сыну заплаканное лицо.

А он уже ей все простил. Иван присел и прижал голову женщины к себе.

— Я страдал едва ли больше, чем ты, — прошептал он, обнимая мать, которая была всего на два года старше него. — А как случилось, что ты так рано

умерла? Или они и тебя?..

— Нет! — не разжимая объятий, промолвила она. — Я сама... После твоего исчезновения, рассудок мой помутился. Я тогда чуть не порешила свою бабушку. А потом слегла... надолго. Не могла я больше жить, понимаешь? — она пытливо вглядывалась в лицо сына. — Через два года мучений, постоянных слез... Я их молила сказать, где ты... А потом... потом они сказали, что тебя нет в живых. Тогда и я решилась...

— Ты покончила жизнь самоубийством? — в ужасе прошептал Иван.

— Это была легкая смерть! Я уснула и не проснулась больше в мире людей, — она замолчала, и лицо ее вновь стало суровым и замкнутым. — Но если бы я знала, где окажусь, я бы так не торопилась. Кроме того, здесь я узнала, что ты жив. Одним словом, жизнь меня наказала дважды: первый раз, отняв тебя, а второй — поведав о том, что ты жив, и лишив возможности найти тебя.

Иван как никто умел сочувствовать людям. Чужие проблемы находили горячий отклик в его душе. Сейчас он видел всю глубину материнского горя.

— Я ведь даже не знаю, как тебя зовут...

— Люба! Твою горемыку мать зовут Люба, — она утерла слезы и серьезно посмотрела на него. — Я хочу, чтобы ты прожил счастливую жизнь! Нет ничего прекраснее человеческой жизни, полной любви и счастья! Я спасу тебя! Вас! — она взглянула на Захара, который деликатно сохранял молчание. — Но нам нужно поторапливаться, пока черной ведьмы нет дома!

— А как же ты? Что будет с тобой? — спросил Иван.

— За меня не переживай! — улыбнулась Люба. — Должок у них передо мной! Такой должок, что во век не расплатятся. Я сумела притупить их бдительность, замаскировав чувства, когда узнала, что ты тут. Они ничего не смогут со мной сделать. Сейчас я принесу тебе одежду, а потом выведу вас отсюда.

— Постой! Еще один вопрос... Значит, это черная ведьма прокляла род Паны?

— Паны? Какой Паны? — удивилась женщина.

Спохватившись, Иван вкратце рассказал, кто такая Пана.

— Ах, это?.. Нет! Черная ведьма жила задолго до этого! Она первая колдунья в нашем роду. А род этой девушки прокляла моя пра-пра-пра... в общем, наша далекая родственница... Она тоже тут... А как ты встретился с Паной? — внезапно спросила она, осененная какой-то мыслью.

Иван и это рассказал, но кратко — времени совсем не оставалось.

— А знаешь, мне кажется, что все это неспроста, — Люба улыбнулась, и лицо ее засветилось радостью. — Я думаю, что во всем этом есть какой-то смысл. Очень хорошо, что вы встретились, — размышляла она. — Марфа что-то знала, но что? Ладно, сейчас уже некогда решать эту загадку, — она встала с пола и поправила платье. — Нужно торопиться... Одно могу сказать, что никогда еще меня не обманывали предчувствия. А они говорят, что все будет хорошо. Я скоро...

Иван с недоумением наблюдал, как его мать растворяется в воздухе, пока не исчезла совсем.

— Ты тоже так появился? — повернулся он к Захару.

— А ты видишь здесь двери? — вопросом на вопрос ответил ухмыляющийся Захар. — Извини, но через отверстие в полу как-то нет желания просачиваться. Это самое простое — проникать сквозь стены. Ты забыл, где находишь-

ся?

— Честно говоря, если останусь жив, то вряд ли я когда-нибудь об этом забуду!

***

Виктор разглядывал идеально белый и ровный потолок, в поисках хоть какого-нибудь изъяна. Лежа на спине, раскинув руки, он не двигался, лишь водный матрац вздрагивал от его дыхания. Ни трещинки, ни зазубринки, ни даже малюсенького наплыва, ничего не мог рассмотреть Виктор, как ни приглядывался.

«Тьфу, блин! Слишком идеален! — он в раздражении махом сел на кровати, вызвав настоящий шторм под собой. Он долго еще подпрыгивал, уставившись в окно, где весело и фанатично занимался разбрызгиванием фонтан. — Все кругом правильно! Не единого недостатка! Надоело!»

В последнее время Виктор так привык разгуливать нагишом, что даже если захотел бы, не смог бы вспомнить, где валяется его одежда. Он соскочил с кровати, заставив волны возрасти до размеров цунами, и прямо через окно вышел в сад. Стремительно протопав по дорожке, минуя ровную и манящую гладь бассейна с предусмотрительно дожидавшимся его коктейлем на столике возле шезлонга, он остановился возле фонтана. Уставился на него исподлобья, словно тот был живым. Последний как ни в чем не бывало продолжал веселый танец, дразня хозяина.

«Чего ты тут разбрызгался?! — злобно подумал Виктор. — Пользы от тебя, как от козла молока! Лучше бы говорить научился! Впрочем, я, наверное, скоро сам разучусь это делать! — Он невесело усмехнулся. — Робинзон Крузо, хренов!»

— Ау-у-у! Ау! — что есть мочи проорал он, и сам же испугался громкого голоса, прорезавшего неестественную тишину. Вздвогнув от охватившего его священного трепета и в который раз ощутив всю глубину одиночества в Оазисе жизни, Виктор бегом пересек расстояние лужайки и, схватив бокал со столика, что есть сил запустил его в глянцевый бортик бассейна.

Взорвавшееся стекло окатило его мелкими брызгами, поранив в нескольких местах.

Он с удивлением смотрел на набухающие капли крови, превращающиеся в тонкие струйки, и по спине его бегали мурашки страха.

Глава 27

Одержимость Светланы

Андрей проснулся от того, что по его телу жадно шарили чьи-то руки, и шею обжигало горячее дыхание. Сначала он подумал, что видит эротический сон, в котором главными персонажами были он и Таня. Тело его с радостью пустилось в пляс в этом древнем танце. Он даже улавливал запах Тани — такой родной и манящий. Она ласкала его, а он отдавался во власть ее рук, беззастенчиво исследовавших тело. Глубокая дремота не давала открыть глаза. Тело парило между сном и явью, каждой клеточкой ощущая прикосновения.

Когда обжигающая влага коснулась шеи, и ненасытные губы стали осыпать его лицо поцелуями, он понял, что это вовсе не сон, что все происходит на самом деле. И еще одна мысль огнем опалила сознание: это не может быть Таня!

Андрей резко сел в кровати, прогоняя остатки сна, и уставился на ту, что была рядом, чье обнаженное тело, бесстыдно выставленное на показ, отчетливо белело в струящемся из окон лунном свете.

Светлана призывно улыбалась, непристойно раскинув ноги, не сомневаясь, что устоять против подобного великолепия не сможет ни один мужчина.

Андрей до такой степени растерялся, что в первый момент не мог сообразить, что нужно сказать или сделать. Он отодвинулся подальше и смотрел на девушку в немом изумлении.

— Ну, что же ты? Иди ко мне, — она протянула руку и провела ею по его бедру. Потом повернулась на бок, подперев одной рукой голову, а другой не переставая ласкать живот Андрея. — Я уже с трудом сдерживаю сжигающий меня огонь!

— Да ты что?! — наконец сообразил Андрей. В состоянии легкого шока он соскочил с кровати и прикрыл одеждой интимный участок тела. — Что ты тут делаешь?

Никак не мог справиться с брезгливостью. Он натянул тунику, чтобы не чувствовать себя настолько глупо — голым наедине со Светланой.

Она внимательно наблюдала за его движениями. Лицо Светланы становилось все более хмурым, пока не стало похоже на озлобленную маску.

— Значит, так? — она села в кровати, даже не пытаясь прикрыться, ни грамма не стесняясь своей наготы. Глаза упирались гневным взглядом в его лицо. — Ты меня отвергаешь?

— А на что ты рассчитывала? — Андрей старался говорить спокойно, ничем не выказывая растерянности.

— Никто еще ни разу не отказывался от возможности обладать мною, — медленно проговорила она, наблюдая за сменой эмоций на его лице. — Не так уж часто во мне просыпается желание предаться плотским утехам. Почему же ты не хочешь?

— Ты очень красивая, — произнес Андрей, стараясь не смотреть на нее голую. — Но я... я не свободен. У меня есть Таня.

— Посланица!? — засмеялась Светлана. — А какой от нее толк? Я имею в виду, что тебе дает простое созерцание? Она, как пламя, но совершенно бесполезна в любви! Неужели тебе нравится просто смотреть?

— Во-первых, так будет не всегда! — с жаром произнес Андрей. — А во-вто-

рых, мне все равно, какая она, — он, конечно же, лукавил. Ему было далеко не все равно, может он дотронуться до Татьяны или нет. Точнее, он мечтал об этом страстно с момента попадания в Оазис жизни. Но Светлане об этом знать совсем не обязательно. И потом, он считал, что правда только разозлит ее сильнее. А этого допускать нельзя. Сейчас он ломал голову, как выйти из сложившейся ситуации, чтобы гордость этой женщины, с изрядно пошатнувшейся психикой, наименее пострадала.

— Значит, ты любишь ее? — взгляд Светланы затуманился, проникая сквозь пространство и время, унося ее далеко. — Я уже забыла, как это любить. Я даже забыла его лицо. А ведь любила... До смерти, как говорят, — она говорила сама с собой. Андрей боялся шелохнуться, чтобы не спугнуть ее и еще больше не отравить ее сознание.

Машинально, не задумываясь о том, что делает, Светлана закуталась в одеяло, прикрывая наготу. Видно, сработала природная стеснительность, та, которая была раньше ей свойственна. Она не смотрела на Андрея. Возможно, вернувшись на несколько столетий назад, она вновь оказалась рядом со своим любимым, забыв, что вероломная и злостная колдунья так жестоко и подло разлучила их.

Андрей смотрел на нее, и волна протеста поднималась в его душе. Разве для этого создан светлый мир, чтобы его обитатели мучились? Ведь тот, кто был всему хозяином и основоположником, преследовал совсем иную цель. Что же получается, что есть какие-то силы, которые могут испортить первоначальный план и заставить человека испытывать муки там, где он должен быть сказочно счастлив?

— Смерти... Какой смерти?.. — продолжала тем временем Светлана. — Меня лишили даже этого! Не дали дожить до старости и умереть. Мне было очень плохо! — она посмотрела на Андрея. Он вздрогнул от неожиданности. Оказывается, в продолжение речи, она ни на минуту не забывала о нем. — Знаешь ли ты, как я мучилась? Известно тебе, какого это больше всего хотеть умереть, чтобы не видеть всего этого, и не мочь этого сделать? — голос ее становился все громче, а черты лица теряли мягкость и нежность, навеянные воспоминаниями. — В этом огромном мире счастья я чувствовала себя диким животным, запертым в тесную клетку, без надежды на спасение. Сначала я вообще не могла понять, что происходит, как я здесь оказалась... — она опять погрузилась в воспоминания. — Прошло много времени, пока я поняла, где я... Здесь люди до всего доходят собственным умом. Кому-то нужно больше времени, кому-то меньше... Мне потребовалось очень много. Полностью я поняла всю глубину горя, когда появилась Вера. Она, как оказалось, моя племянница — дочь моей родной сестры. Я помнила ее малюсенькой девочкой. И вот, она оказалась тут... — Светлана замолчала лишь на мгновение, а потом продолжила. Голос ее дрожал от едва сдерживаемого гнева: — От нее я узнала о проклятии. Одного не могу понять, причем тут моя сестра? Она-то что плохого ей сделала? Хотя, зло не выбирает подходящую жертву. Оно набрасывается на первого попавшегося.

Андрей наблюдал за лицом Светланы, на котором сейчас можно было читать все эмоции. То оно становилось задумчивым и несчастным, то вдруг ожесточалось до уродливости. А когда она говорила о любимом, ее лицо становилось по-настоящему красивым. Тогда ее глаза загорались пламенем, бросав-

шим отблески на все остальные черты.

— И... от нее же я узнала, как сложилась его судьба, — сейчас ее лицо напоминало морду волка, оскалившегося перед жертвой. Андрею даже стало немного жутко. — Как быстро он утешился! И женился! И на ком?! На дочери злодейки!..

— Он это сделал не по своей воле, — решил нарушить молчание Андрей, отчасти чтобы прогнать собственный страх. — Его околдовали!

— А вот это уже не имеет значения, — Светлана выпрямилась и высокомерно взглянула на него. Ее ледяная душа, как никогда до этого, сейчас просвечивала сквозь глаза. — Это было последней каплей...

— Но ведь он тоже не был счастлив, — Андрей пытался защитить того, чья судьба была не менее искалечена колдовством, чем судьба Светланы. — Я слышал, что радость померкла для него в тот момент, как ты пропала.

— Думаешь, мне от этого легче?! — закричала она. С силой сдержнула сарафан со спинки кровати и принялась натягивать его на себя. Так нелепо у нее получалось, что Андрей почувствовал щемящую жалость. Только сейчас он осознал, до какой степени она несчастна. Она никак не могла справиться с плотной материей. Хоть подходи и помогай ей. Чего делать категорически не следовало — ее гордость не вынесет еще и этого унижения. Наконец, ее злое и раскрасневшееся лицо показалось в вырезе сарафана. Она с силой натянула его, отчего ткань затрещала по швам, но выдержала, не порвалась. — Из-за него я сюда попала. А он... он прожил долгую жизнь. Пока он жил, у него рождались дети, — на последнем слове, голос ее дрогнул. — Он их растил... воспитывал... любил...

Андрей отчетливо представлял себе бездну, полную отчаяния, на самой глубине которой барахталась Светлана, не имея возможности выбраться. Столетиями она пыталась научиться в ней жить. Он сочувствовал ей всей душой, но не находил оправдания ее поступкам. Осуждал он ее сильнее. Не мог понять, как она могла, хлебнув столько горя, не проникнуться сочувствием к другим людям, повторившим ее судьбу.

— Почему же ты лишаешь их права выбора? — не выдержав, спросил Андрей.

— Кого? — опешила Светлана в первый момент. — Ах, этих?.. — она неопределенно махнула рукой в сторону. И столько пренебрежения и высокомерия было в этом жесте. — Да я им делаю одолжение. Они же все как одна слабые! Без меня им в этом мире не выжить!

— Никого еще и никогда принуждение не делало счастливым!

— Да с чего ты это взял?! — Светлана смотрела на Андрея, будто у него не все в порядке было с головой. — Видел бы ты их растерянность, когда они впервые оказались тут! — она зло рассмеялась. — Поток слез и отчаяния. Глупые и бесполезные стенания! Они, словно бесхребетные черви, ползали и просили меня о помощи.

— И ты помогла им, — задумчиво произнес Андрей, не глядя на Светлану, — заставив их жить по-своему.

— А что плохого в моей жизни?! — она возмущенно буравила его глазами.

— В твоей — ничего! Ты тут королева, — высказав мысль, Андрей заметил, как ее глаза заблестели от удовлетворения. — А они — твои слуги. По-твоему, о такой жизни мечтает свободный человек?

— Да что ты заладил? — она в раздражении встала с кровати и заходила по комнате. — Какую жизнь способен построить слабый человек? Бестолковую! Они все не приспособлены жить отдельно! Здесь им не нужно ни о чем думать. Всем занимаюсь я! Они лишь пользуются плодами того, чем я их окружила. Можешь спросить любую из них, и она ответит, что счастлива.

Во время ее гневного диалога, Андрей старался вспомнить лицо Елены, когда они только встретили ее и услышали рассказ о Светлане. А ведь и правда, она казалась счастливой. Лишь один раз ее лицо затуманилось чем-то похожим на страх, когда рассказывала про женскую башню. А потом оно вновь засветилось счастьем. Может, Светлана права, и они не хотят другой жизни? «Но только не Пана! — он тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли. — Мы пришли за ней, и сделаем все, что в наших силах, чтобы вытащить ее отсюда». Что-то подсказывало, что никогда Пана не станет здесь счастлива, как и Светлана. Глядя на эту сильную и красивую девушку, Андрей понимал, что понятие счастья она утратила навечно. Оно осталось в ее воспоминаниях, которые она и близко не подпускала.

— ...Поэтому не надо мне говорить, что делать! — уловил он обрывок фразы и понял, что отвлекся и перестал ее слушать. — Ни вам решать, как нам тут жить! Вы тут на экскурсии, а мы — навечно. И с этим нам нужно жить!

— Ты права. Они сами выбрали такую жизнь! — сейчас он говорил не только о родственницах Светланы и Паны, но и о тех мужчинах и женщинах, что добровольно находились тут в услужении. — Но это не для Паны! — голос Андрея был очень тверд. — Завтра мы вместе с ней покинем это место! И ты не станешь нам мешать!

— Ха-ха-ха... — отрывисто и сухо рассмеялась Светлана. — А что вам это даст? Вы поможете ей обустроить свой собственный райский уголок? Окружите ее всеми удобствами?.. Дальше что? — она без злобы смотрела на него. В лице ее читалось равнодушие. — Научите ее чувствовать себя счастливой здесь? А сами благополучно покинете светлый мир и вернетесь к своей нормальной жизни?

— Это уже не твоя забота! — Андрея начинало выводить из себя ее категоричность и упрямство.

— Вы просто глупцы, если думаете, что сможете ее вытащить из этого мира! — теперь уже она смотрела на него с сожалением. — Здесь она могла бы научиться быть счастливой... Но никто и никогда не возвращался из светлого мира обратно! Его стены — тюрьма для таких, как мы.

На какую-то долю секунды в душе Андрея шевельнулось сомнение, что они поступают правильно. Но в следующий момент он отогнал эту мысль. Даже если у них ничего не получится, и Пана останется здесь навсегда, они сделают все, что в их силах.

— Ладно, мне пора, — устало произнесла Светлана. Андрей в который раз подивился быстроте смены ее настроения. Уже в дверях она обернулась и спокойно сказала: — Ты прав, завтра вы покинете это место. Никто не остается здесь после ночи, проведенной в башне. Правда, в какой-то момент, я решила было сделать для тебя исключение. Но ты сам все решил...

— Постой! — Светлана уже вышла за дверь, когда Андрей окликнул ее. — А почему... все мужчины уходят после ночи, проведенной в башне?

— А ты не догадываешься? — она с улыбкой смотрела на него. — Я не могу

допустить привязанности! Никогда! Слышишь? Больше никогда мое сердце не будет принадлежать ни одному мужчине! — с этими словами она быстро удалилась, оставив Андрея наедине со своими мыслями.

Он устало опустился на кровать, почувствовав, как сильно хочет спать. «Она так и не ответила, отпустит ли добровольно с нами Пану? Или нам придется сражаться с ней?» — эта мысль последней мелькнула в утомленном мозгу перед тем, как он уснул.

Проснулся он на удивление рано, за окнами едва лишь занимался рассвет. Спустившись, с радостью обнаружил, что дверь в башню не заперта.

В эти утренние часы еще все обитатели крепости спали, двор был пуст.

Дойдя до сада, Андрей заметил одинокую фигурку, сидящую на скамейке.

— Привет! — улыбнулась ему Таня. — Ты такой же, как я: встаешь с рассветом?

— Нет. Обычно я люблю поваляться в постели... Но не в таком месте.

— Туго тебе пришлось сегодня ночью? — увидев удивленный взгляд Андрея, она пояснила: — Я знаю, что она приходила и догадываюсь, зачем. Сначала я хотела нестись на разборки, — она слегка улыбнулась. — Но потом решила не делать этого, не унижать ее еще сильнее.

Андрей вкратце пересказал ей содержание ночной беседы, умолчав о пикантных подробностях.

— Я много размышляла сегодня ночью, тоже... — задумчиво произнесла Таня. — И пришла к мнению, что не стоит вмешиваться в их жизнь. Наверное, они действительно счастливы, только по-своему...

— Я тоже так считаю, — кивнул Андрей.

— Предлагаю дождаться завтрака и отправляться в обратный путь.

— Как думаешь, будет она чинить нам препятствия? — неуверенно поинтересовался Андрей.

— Я бы на ее месте так не поступала, — в голосе Тани появились суровые нотки. — У меня найдутся другие пути воздействия на нее. И она сама об этом знает. Хоть она и находится в этом мире, но она жива, не прошла через врата смерти. Мое прикосновение для нее так же опасно, как для тебя, — она с грустью посмотрела на него. — И кто знает, куда она попадет после смерти?

— Об этом-то я не подумал! — несмотря на суровость последствий, подобная перспектива показалась Андрею спасительным выходом из положения. Светлана не может не бояться Тани. Она создала себе жизнь, которой дорожит отчасти.

— Мы вернемся к матушке Анастасии? — через какое-то время спросил он. — А что потом?

— Потом нам останется надеяться на нее, что ее мольбы подействуют, и нам разрешено будет покинуть этот мир вместе с Паной.

— А если нет?

— Тогда... тогда мы уйдем без нее, — голос Тани стал грустным. — Большого мы не сможем сделать. Одно хорошо, что она останется с матушкой. Так ей легче будет приспособиться к этой жизни.

Как же гадко становилось на душе Андрея от таких мыслей! Он отказывался мириться с бессилием. Его возмущала несправедливость всего, чему он стал свидетелем.

За завтраком Пана выглядела еще бледнее, чем вчера. Она вновь не приоткрылась к еде. Взгляд ее почти не отрывался от тарелки. Лишь изредка она бросала его на Андрея с Таней, тогда искра надежды на миг озаряла ее лицо.

Когда скромная трапеза подходила к концу, Светлана привлекла внимание всех к себе, легонько постучав ложкой по бокалу.

— Дорогие мои, — ласково обратилась она к сидящим за столом, — после завтрака наши гости покидают нас. Им пора отправляться в обратный путь, — лица всех присутствующих оставались спокойными. Они молча слушали свою королеву, ничему не удивляясь. Лишь Пана начала заметно волноваться и теревить руками салфетку. — К сожалению, должна вам сообщить, что наша горячо любимая Пана отправится вместе с ними, — при этих словах Андрей с Таней незаметно с облегчением вздохнули, а глаза Паны засветились радостью. — Она будет жить в другом месте, где в ней нуждаются. Надеюсь, что иногда она будет приходить к нам в гости, — взгляд, которым Светлана наградила Пану, способен был заморозить на месте. В нем не было ни тепла, не приветливости, лишь ледяное равнодушие и хорошо замаскированная злоба.

Вековая дрессировка сыграла свою роль: никто не задал ни единого вопроса. Ни намек на здоровое любопытство. Лишь добрая Елена с явным огорчением посмотрела на Таню и Андрея, за что тут же была награждена грозным взглядом хозяйки. Андрей уже начал переживать, как бы ее не наказали за непослушание после их ухода, не посадили бы в женскую башню на энное количество дней.

Впрочем, эта маленькая девушка-женщина оказалась гораздо более храброй, чем можно было от нее ожидать. Когда Светлана гордо удалилась в свои покои, не сказав больше ни слова, Елена вызвалась проводить их до березовой рощи.

Она обняла счастливую и взволнованную Пану и сказала на прощание:

— Я надеюсь, дорогая моя, что все у тебя будет хорошо! — она ласково прижимала ее к себе, и в глазах у нее стояли слезы. — Как жаль, что мне не довелось увидеть твоего рождения и взросления. Меня не было рядом с тобой, когда моя бедная дочка погибла и, кроме моей суровой матери, никому было тебя утешить, — она посмотрела на Андрея с Таней. — Я надеюсь на вас, что вы поможете ей выбраться из этого мира, — заметив удивление в их глазах, с улыбкой добавила: — Конечно, я догадалась об истинной причине вашего визита. Я рада, что у Паны есть такие друзья. Не место ей в этом мире. Никогда она не сможет привыкнуть, как это сделали мы все. И со временем... она рискует стать такой же, как Светлана, — при этих словах, она испуганно оглянулась, будто последняя могла ее услышать. И почему-то эта мысль не показалась Андрею абсурдной. Казалось, что у этого места повсюду есть уши. — Я желаю тебе найти свою любовь, деточка, — она вновь обняла несопротивляющуюся Пану. — Пусть твоя жизнь сложится удачно! И еще одно, — уже собравшись уходить, добавила Елена, — снимите проклятие с нашего рода, чтобы женщины перестали мучиться и терять любимых...

Глава 28

Спасение

— Вот! Наденьте это, — Люба поспешно протянула Ивану с Захаром по черному плащу с глубокими капюшонами. — Такие носят наши слуги, что заняты на самой грязной работе. Черная ведьма не может смотреть на их безумные лица. Так вы станете похожими на них. И никто не заподозрит побега.

— Да уж, там есть, на что не хотеть смотреть, — пробормотал Захар, облачаясь в плащ. — Картина еще та!

— А почему они такие? — поинтересовался Иван. Он уже полностью пришел в себя и даже проникся материнской защитой.

— Это те, кто живет на поверхности, кто не успел вовремя окопаться, попав сюда, — пояснил Захар. — Не переживай, тебе такое не грозит. Ты производишь из рода, у которого иммунитет к губительному воздуху. Как и я, собственно.

— Нужно поторапливаться, — прервала разговор Люба, — времени у нас совсем мало!

Когда черные плащи скрыли их фигуры и лица, Люба велела Ивану занять место между ней и Захаром. Что произошло дальше, Иван так и не понял — перед его глазами что-то промелькнуло, и он оказался на поверхности, посреди большого двора.

Несмотря на то что капюшон жутко мешал, любопытство брало верх. Иван не удержался, чтобы не выглянуть и не окинуть взглядом двор. Увиденное заставило застыть его от изумления! Они находились рядом с огромным сооружением, достаточно бесформенным, но настолько экзотическим, что какое-то время он не мог оторвать от него взгляда.

Посреди мрачной сырости высился черный блестящий дом, без окон и дверей. Он был выполнен из того же материала, что и камера, в которой держали Ивана. Глянцевые поверхности соединялись между собой под различными углами, отчего дом напоминал гигантский минерал, выросший прямо из земли.

Иван не заметил, как отстал от матери и Захара, настолько зрелище захватило его. Очнулся он только, когда услышал рядом злобный шепот, больше похожий на шипение змеи:

— С ума сошел? Чего встал как вкопанный?! Это тебе не цирк-шапито, а ты не зритель. Топай быстрее, если хочешь остаться живым, — из-под капюшона с возмущением выглядывали глаза Захара. Иван заметил, что Люба ушла достаточно далеко. Она беспокойно топталась на месте, ожидая, когда они соединятся.

— Промедление опасно, — с укором произнесла она, когда они догнали ее. — С минуты на минуту вернется черная ведьма.

— Я просто никогда в жизни не видел ничего подобного! — попытался оправдаться Иван. — Из чего все тут сделано?

— Этот мир можно заставить работать на себя, чего и добилась черная ведьма. Тут есть много умельцев, делающих поразительные вещи, — скороговоркой объясняла Люба, торопливо шагая в сторону калитки, устроенной в таком же черном заборе.

Иван не мог заставить себя смотреть под ноги и бросал любопытные взгляды по сторонам. Он заметил во дворе несколько человеческих фигур, в таких же черных плащах. Они двигались, как запрограммированные, размеренным шагом, поворачивая строго под прямым углом. Кто-то что-то переносил с места на место, кто-то чистил огромные емкости, предназначенные неизвестно для чего. У одного существа, натирающего забор возле калитки, капюшон съехал с головы, и Иван рассмотрел лицо. Впрочем, лицом это трудно было назвать. На землисто-серой поверхности выделялись темные глазницы. Безумные вытаращенные глаза постоянно вращались. Из уголка безвольно приоткрытого рта капала слюна. Она медленно стекала по подбородку и впитывалась в плащ, оставляя на нем белесые следы. Бесформенный язык, неестественно распухший, не помещался во рту и вываливался наружу. Он противно колыхался в такт движениям бедняги.

«Да уж! Такого я еще не видел», — подумал Иван, не отрывая взгляда от серого лица. Краем глаза он заметил, что Захар с Любой брезгливо отвернулись. «Ничего удивительного, что черная ведьма прячет их под плащами. Зрелище не для слабонервных».

Они уже почти приблизились к калитке, когда во дворе произошли перемены. Фигуры в черном замерли на местах, кто где находился, низко опустили головы, полностью скрывая лица капюшонами.

— Не успели! — услышал он голос матери. — Сюда идет черная ведьма!

Как только она это произнесла, калитка с силой распахнулась, и в проеме показалась черная фигура, ярко-зеленые глаза которой остановились в аккурат на Иване. Рядом с ней стояла еще одна ведьма в прямом смысле слова: сторбленная, сморщенная старуха с торчащими во все стороны седыми лохмами. Ее лицо было сплошь покрыто бородавками, а из-под бровей выглядывали маленькие злые глаза, больше похожие на буравчики.

— Так, что это у нас тут? — насмешливо произнесла черная ведьма. — Так ты мне помогаешь? — она перевела взгляд на Любу. — И ты здесь? — посмотрела на Захара. — Идеальный червяк! — ее губы презрительно скривились.

— Он мой сын! — с вызовом ответила Люба, загоразживая собой Ивана. Захар тоже вступил вперед и встал рядом. — Я не могу позволить тебе убить его! Он должен вернуться в свой мир!

— А кто его звал сюда? Зачем он покинул человеческий мир? — голос черной ведьмы звучал на удивление спокойно. — Я не прикладывала к этому усилий. Но раз уж он тут, то должен умереть! И ты знаешь об этом не хуже меня. В темном мире нет места живым!

— Ты должна отпустить его! — Люба смело смотрела в глаза черной ведьмы. Голос ее звучал уверенно и неестественно звонко. — Его жизненный цикл еще не закончен! Так или иначе он окажется тут, но не раньше, чем умрет своей смертью!

— Ты мне угрожаешь? — повысила голос черная ведьма. Старуха рядом противно захихикала и затряслась костлявым телом. — Никто не смеет угрожать мне! — она подняла руки, собираясь произнести заклятие. Чистильщик забора еще сильнее сторбился под своим черным плащом и заметно задрожал.

— Постой! — вскричала Люба. — Помнишь, ты обещала мне услугу, за то, что я добровольно покинула мир живых молодой, а не превратилась в такую же старуху, как все те, что тебя окружают?

Черная ведьма опустила руки и с любопытством уставилась на нее.

— Да, я никогда не отказываюсь от своих слов, — медленно произнесла она.

— Так пусть этой услугой будет мой сын. Отпусти его. А я за это еще преданнее буду служить тебе.

— Но ему все равно не выбраться из Оазиса жизни. Глупая, как ты не понимаешь, что через какое-то время он опять вернется сюда.

— Я должна сделать все, чтобы помочь сыну! — голос Любы звучал грустно. — Позволь ему уйти сейчас, а что будет дальше, время покажет.

На лице черной ведьмы отразилась борьба, которую она вела сейчас сама с собой. Желание убить пересиливало, но и нарушить данное Любе обещание она не могла.

— Будь по-твоему, — наконец с усилием произнесла она. — Надеюсь, он вскоре вернется, — ведьма зло усмехнулась и посмотрела на Захара. — А ты!.. Если бы не заслуги твоей матери, я бы стерла тебя в порошок и разметала бы по мертвой земле. Еще раз ты позволишь себе переступить границы моего владения, кара свершится. Повторяю, скажи спасибо матери, что я прощаю тебя на первый раз.

— Уф! Спасибо, матушка! — пробормотал Захар, когда черная ведьма в сопровождении старухи прошествовали мимо, и они благополучно оказались по другую сторону ворот.

Люба выглядела задумчивой и грустной. Иван заметил ее подавленность и приобнял за плечи, заглядывая в глаза:

— Что с тобой?

— Какие у тебя все-таки удивительные глаза, — улыбнулась она, погладив его по щеке. — Они никого не могут оставить равнодушными, — улыбка снова сошла с ее губ, уступая место грусти. — Черная ведьма права! Если ты не найдешь способ вернуться в мир живых, то вскоре снова окажешься тут. Этот мир тебя притянет. И я уже ничем не смогу помочь.

— Не переживай так сильно, — философски изрек Иван, с улыбкой глядя на мать. — Больше всего мне сейчас хочется жить и... любить. Но если случится так, как ты говоришь, то по крайней мере мы будем вместе.

— Расскажи мне про Пану, — через какое-то время попросила Люба. — Ты ведь любишь ее, я правильно догадалась?

— Пана... Она замечательная! — лицо Ивана посветлело. — Я никогда раньше не встречал таких. Она очень наивная и мудрая одновременно. И еще... очень красивая! Интересно, как у нее дела? Скучает она хоть немного по мне?

— Ты не уверен в ее чувствах? — Люба внимательно разглядывала сына. — И ей ты еще не открылся?

— Да, понимаешь... Я понял-то, что люблю ее только тут, когда уже почти умер. Меня словно осенило, и так захотелось жить. Никогда еще я так не любил. Все, что я испытывал раньше, было не больше, чем увлечение...

Захар, до это молчавший и внимательно прислушивающийся к их разговору, перебил его:

— Я слышал от твоих друзей про какую-то Пану. Если это та, про которую ты говоришь, то она в светлом мире.

— Ее туда тоже силой забрали? — заволновался Иван.

— Не переживай. У вас хорошие друзья, — грустно произнес Захар. — Ее тоже отправились спасать, только вот кто, я тебе не скажу, не знаю.

— Бедняжка... она тоже меченая, — Люба с грустью смотрела на сына. — Светлый мир — это призрачная мечта для каждого из нас. Но выбраться отсюда не легче, чем отсюда. Заведенный порядок суров, — она сокрушенно вздохнула. — Дай бог, не побоюсь этого слова, чтобы у вас получилось избавиться от проклятия, и эти два мира больше не притянули вас.

— Если бы только знать, как это сделать, — уныло проговорил Иван.

Тем временем они уже почти дошли до землянки Ады.

— Дальше я не пойду, — Люба остановилась метрах в десяти от входа. — Не рады мне там будут. Ада и такие, как она, не принимают вассалов черной ведьмы, как нас называют. Поэтому давай простимся здесь, — она заметно волновалась и прятала глаза, чтобы скрыть слезы.

— Но я хотел познакомить тебя с друзьями, — расстроился Иван.

— Не стоит, — грустно улыбнулась она, — не стоит мне их видеть. Иначе... иначе прощание будет еще тяжелее.

— Неужели мы вот так расстанемся, и я никогда больше тебя не увижу? Мама... — Иван с трудом произнес это слово. Слезы душили его, разрушая все мифы о том, что мужчины не плачут. — Мама... — рыдания вырвались из его груди, и он припал к крепкому женскому плечу. Она тоже плакала, перестав стесняться, крепко обнимая сына.

— Спасибо тебе! Спасибо, что ты попал в Оазис жизни, и у меня появилась возможность встретиться с тобой, — всхлипывала Люба, в попытке утешить его. — Тебе пришлось страдать тут, но я все равно рада, что мы встретились. Теперь я знаю, какой ты стал замечательный, повзрослев. А ты, я надеюсь, хоть иногда... будешь вспоминать свою непутевую мать, которая тебя любила больше жизни и будет любить всегда... Все, идите, — твердо произнесла она после короткой паузы, в течение которой крепко обнимала сына. Она оторвала от себя Ивана, по щекам которого, не останавливаясь, текли слезы. Развязала фартук и вытерла им его лицо.

Иван держал мать за плечи и все смотрел и смотрел на ставшее внезапно самым родным лицо. Он хотел запомнить каждую его черточку, малейший изгиб. Мысль, что они вновь должны расстаться, убивала. Слезы постоянно наполняли глаза и переливались через край. А Люба их вытирала и вытирала, а сама кусала губы, чтобы тоже не расплакаться.

Захар деликатно отошел в сторону и не смотрел на прощающихся мать с сыном. Он терпеливо поджидал Ивана возле входа в Адово жилище. Первый заметил, как запахнулся люк, и выбежала Алина. Не обращая на него внимания, она рванула в сторону Ивана.

— Иван! — радостно закричала она, бросаясь ему на шею. — Как замечательно! Как я рада тебя видеть! — она никак не хотела его отпускать, продолжая тискать.

— Ну перестань, глупенькая, — приговаривал он, пытаясь высвободиться из объятий. — Я в порядке... Все хорошо! Я хочу познакомить тебя кое с кем, — он наконец-то разомкнул ее руки и оглянулся. — А... а где она?!

— Она ушла, — ответил Захар.

— Как ушла? — Иван растерянно смотрел на него.

— Да кто ушел? — спросила Алина. — Ах, та женщина, что была рядом с тобой?

— Это не просто женщина, — тихо промолвил Иван. — Это была моя мать.

— Мать? — только и смогла вымолвить Алина.

— Она спасла нас и вывела из дома черной ведьмы, — Иван грустно смотрел на нее.

— Прости, я не знала...

— Ничего... Я думал познакомить вас с ней, но она не захотела. Решила оставить все, как есть.

— Я даже не разглядела ее, — Алина готова была заплакать от огорчения.

— Зато я запомнил ее на всю жизнь! — голос Ивана немного окреп. — Ее образ настолько отчетливо впечатался в память, что я попробую написать ее портрет сразу же, как только мы вернемся.

Захар грубовато окликнул их, напомним, что ядовитый воздух опасен для Алины.

— Ада! Старуха! — закричал он с лестницы, пытаясь разогнать атмосферу унылости. — Почему не встречаешь гостей?

— Ее нет, — смеясь, ответила Алина. Она не могла долго печалиться из-за матери Ивана. Счастье, что последний нашелся, переполняло ее. — Кирилл она тоже забрала с собой. Ада решила запастись дровами, наверное, на половину вечности и выбрала себе безотказного помощника. Она использует его, как вьючного мула, нагружает с головой и гонит домой.

В пещере их поджидал улыбающийся Михаил. Он заранее почувствовал приближение Захара и Ивана и сообщил об этом Алине, вот она и выскочила на поверхность встречать их.

— Ну, привет, пропащий! — Михаил протянул руку Ивану. Тот недоверчиво уставился на нее. — Не бойся, здесь я не опасен.

— Тогда и тебе привет, — Иван пожал протянутую руку и в следующее мгновение уже оказался в медвежьих объятьях Михаила, тискающих и похлопывающих. — Э-э-э, парень, поаккуратнее, раздавишь, — смеялся он. — Я не такой крепкий, как это кажется на первый взгляд.

— Извини, перестарался. В кои то веки делаю то, о чем мог только мечтать, — с этими словами он притянул к себе Алину, молча стоявшую рядом и наблюдающую за встречей друзей. — Я могу дотронуться до любимых и дорогих мне людей, — никто из счастливой троицы не заметил, каким несчастным в этот момент выглядел Захар, не имеющий сил отвести взгляда от Алины.

Вскоре вернулись Ада с Кириллом, вернее, с горой веток. Как он только умудрялся их все удерживать?

— А-а-а, вернулись, — проскрипела старуха, ведя своего добровольного и несчастного помощника в закуток.

Кирилл не смог даже кивком поприветствовать Ивана, пока не освободился от ноши. Затем он первым делом сунул кусочек корня в рот, и снова начались объятья и бурные приветствия, которые Иван выдержал с честью.

— Ну-ка, ну-ка, милоч, дайка я посмотрю на тебя как следует, — произнесла баба Ада, расталкивая их и пробираясь к Ивану. Она развернула его лицом к факелу и впиалась в него внимательным взглядом. — Вот, значит, какой ты — сын колдуньи и потомок черной ведьмы! Да-а-а, — покачала она головой, — как же ты таким уродился-то у них? Тебе прямая дорога в светлый мир, а спасают тебя из темного... Не место тебе здесь, не место. Не сможет твоя душа прижиться здесь даже после смерти, — вынесла она вердикт.

Пришло время отправляться в обратный путь. Не стоило дольше задерживаться в темном мире.

— А как там Пана? — робко поинтересовался Иван. — Удалось ее вырвать из светлого мира?

— Думаю, что Андрей и Таня сделают все для этого возможное, — ответил ему Кирилл.

Алина подошла к Аде, копошащейся в своем закутке.

— Прощайте, бабушка, — обратилась она, — и спасибо вам за все, — с этими словами она обняла растерявшуюся ведьму и поцеловала в морщинистую щеку.

— Да уж, — проскрипела та, — меня и при жизни-то никто не обнимал и не целовал, а тут... — губы ее задрожали. — Спасибо тебе, девушка.

— Это вам спасибо за все — что приютили и помогли спасти нашего друга.

— Не стоит благодарить меня. Пустое это все, — проворчала старая женщина.

— Я даже не представляю, чем мы можем отплатить за вашу доброту? — Алина растерянно развела руками.

— Отблагодарить, говоришь? — усмехнулась Ада. — Ну, если ты иногда будешь вспоминать меня добрым словом во время твоей долгой и, надеюсь, счастливой жизни, то... и на том спасибо, — она быстро смахнула одинокую скупую слезу, набежавшую в уголок глаза. — А еще можете оставить мне корень жизни, вам ведь он уже будет без надобности.

Настала очередь прощания с Захаром. Мужчины крепко пожали ему руку со словами благодарности за оказанную помощь. А Алина и его одарила поцелуем. Он немного задержал ее руку в своей.

— Не выйдешь на минутку на поверхность? — робко предложил он. — Я хочу сказать тебе несколько слов наедине...

— Конечно! — ответила Алина и поймала обеспокоенный взгляд Михаила. — Я скоро вернусь, — успокоила она его.

— Я решил, что ты должна знать, что я испытываю... по отношению к тебе, — заговорил Захар, когда они оказались на поверхности. — Никогда, даже в своей земной жизни, я не встречал таких девушек, — он быстро прижал руку к губам Алины, пытающейся заговорить. — Не говори ничего. Просто послушай. Просто знай, что есть человек, вернее, существо, — горько усмехнулся он, — которое будет помнить тебя вечно... Ты покорила меня с первого взгляда, и отныне мое сердце принадлежит тебе. И оно, сердце, радо, что теперь находится в надежном месте. Воспоминания о встрече с тобой, о тебе... будут скрашивать мое существование здесь.

— Захар, — голос Алины звучал печально.

— Я не для того сказал все это, чтобы услышать ответ, — вновь перебил он ее. — Просто... хотел, чтобы ты знала. И еще! — Он усмехнулся. — Если ты не против, то иногда, очень редко, я буду навещать тебя во сне. Там мы сможем немного поговорить, как старые приятели.

— Конечно! — улыбнулась Алина. — Я с радостью буду с тобой общаться. Послушай, — воскликнула она, осененная внезапной мыслью, — если ты можешь навещать меня во сне, то почему бы и матери Ивана не делать так же?

— Увы, это преимущества вольной жизни, — грустно улыбнулся он. — Чер-

ная ведьма не позволит ей этого, а она находится в полной ее власти. Я же нет. Я сам по себе и никому не подчиняюсь. Поэтому я могу иногда тебе сниться. И еще у меня есть одна просьба, — он выжидательно смотрел на Алину.

— Конечно...

— Можно я поцелую тебя? — она в замешательстве уставилась на него. — Всего один поцелуй на пороге вечности! Я поэтому и попросил тебя выйти со мной, ну, отчасти поэтому.

— Даже не знаю... — начала было говорить Алина, но Захар так быстро прижался к ее губам, что она не успела отреагировать. А потом решила ответить на поцелуй, ведь, это было то единственное, чем она могла его отблагодарить, и чего он не мог не попросить.

— Спасибо! — прошептал он, оторвавшись от ее губ и еще какое-то время удерживая ее лицо в ладонях. — Ты не представляешь, как много это значит для меня... Прощай!

Он развернулся и углубился в мертвый лес, не обернувшись и не помавав ей на прощание.

***

«О-о-о! А трава-то куда лучше, чем жесткий и искусственный шезлонг! Она так приятно холодит кожу. Мягкая, как перина, и пахнет замечательно, свежестью! — Виктор от наслаждения закрыл глаза, нежась в ненавязчивых солнечных лучах. — И зачем я только городил все это? Цивилизации видите ли ему захотелось! А цивилизация — это что? Да ничего, пустой звон, если рядом нет ни единой живой души... Она только действует на нервы».

Сад полностью вернул свой былой облик. От бассейна, супермаркета и фонтана не осталось и следа. Новомодный особняк вновь уступил место уютному коттеджику. Лишь огромное солнце, как молчаливый свидетель всех превращений, неизменно занимало весь небосвод.

Виктор тихо радовался. Он молчаливо бродил по дому, поглаживая потрескавшиеся от времени перила, трогая затертые корешки книг, вдыхая запах обжитости, представляя себе, что крутом, в каждой комнате его друзья, которые просто заняты и не могут составить компанию ему — бездельнику.

Он вышел в сад и в первый момент чуть не задохнулся терпкими испарениями зелени и цветов. А когда грудь начала вздыматься равномерно, поборов эмоциональный взрыв, довольная улыбка появилась на губах — улыбка удовлетворения. Он растянулся на траве и начал как обычно вести мысленную беседу с самим собой, к которым он так привык в последнее время. Только в отличие от предыдущих дней эта беседа была наполнена спокойствием, а не раздражением, готовым перерасти в бешенство.

Глава 29

Призыв о помощи и снисхождении

— Матушка, у вас талант! — смеясь, воскликнула Татьяна, глядя на матушку Анастасию. — За сутки вернуть кухне былую неряшливость — это настоящий дар!

Не застав матушку на огороде, Андрей, Татьяна и Пана зашли в дом и увидели ее копошащейся на кухне. Пана, если и была шокирована состоянием святого жилища, виду не подала.

— Ой! Напутала, — женщина схватилась за сердце, когда услышала громкий голос Тани. — Ты чего с порога голосишь? — но сама уже раскрывала объятия горячей любимице. — А это, значит, и есть та самая Пана? — спросила она, глядя на бледную и испуганную девушку. — Здесь тебе нечего бояться! Я не кусаюсь, а остальных ты хорошо знаешь. Считай мой дом своим домом, — она ласково смотрела на бедняжку, пока сердце последней не начало оттаивать, согреваемое добротой.

— Нам нужно поговорить с вами, — вновь обратилась Таня к святой. — Только сначала я наведу здесь порядок, — она рассмеялась. — Вы же знаете мое отношение к вашему образу жизни...

— Делай что хочешь, золотко. Ты тут главная, когда приходишь погостить.

— Я помогу тебе, — робко предложила Пана. Она ухватилась за возможность поработать физически, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

— Если я вам пока не нужен, — заговорил Андрей, — то, пожалуй, я прогулялся бы к морю.

— Иди, иди, касатик. Девчонки тут без тебя управятся! — напутствовала его мать Анастасия.

Шагая через небольшой лесок, Андрей надеялся, что у хозяина моря сегодня хорошее настроение. Так хотелось окунуться в прозрачную прохладу, смыть негатив от гостеприимства Светланы. Он издали начал прислушиваться, не донесется ли до него шум волн. Вроде, все тихо.

Море встретило идеальным штилем. «Спасибо тебе!» — поблагодарил он неизвестного хозяина. Быстро скинув вещи и пробежав по раскаленному песку, он окунулся в толщу воды, принявшую его, как родного. Широкими взмахами рук заплыл на глубину, и только там позволил себе расслабиться. Ему казалось, что чем дальше от берега, тем лучше смывается все плохое. Он перевернулся на спину, раскинул руки в стороны и отдался во власть морю, слегка покачиваясь на им же созданных волнах.

Мысли потекли плавно и последовательно. Что будет, если их попытки спасти Пану и Ивана ни к чему не приведут, если миры обратно заберут их, как неотъемлемую часть себя самих? Тогда они опять отправятся их спасать, и так до бесконечности, пока не состарятся. Это Андрея не устраивало. Значит, нужно искать какой-то выход. Сможет ли матушка Анастасия помочь им, направив мольбы к Создателю всего? Захочет ли он отпустить их? Или все тщетно, бессмысленно? И дело даже не в том, что они будут до бесконечности спасать друзей. Не заслуживают Иван и Пана такой участи!

Краем глаза Андрей заметил движение на берегу. Погрузившись с головой под воду, он вынырнул, протер глаза и взгляделся в далекий берег. Кажется ему

или там действительно Таня? Нет, это точно она! Андрей различил золотое сияние. Но что она делает?! Он с замиранием сердца следил, как она стянула тунуку и грациозно вошла в воду. Аккуратно, по-женски, Таня поплыла в его сторону. Лишь голова ее выделялась на ровной глади моря рыжим пятном.

Кое-как справившись с изумлением, Андрей поплыл ей навстречу. Боялся, что у нее не хватит сил дотянуть до него. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, он разглядел, что вода вокруг Тани переливается золотом, и в самом центре этого золота она, обнаженная, самая прекрасная женщина из всех виденных им ранее.

От восторга у Андрея перехватило дыхание. Он перестал грести, шевелиться. Не заметил, как ушел под воду. От неожиданности нахлебался. Вынырнул, отплеываясь и чихая. Таня счастливо, немного смущаясь, рассмеялась. Она держалась на расстоянии, пока не улеглись брызги.

— Не ждал? — спросила она, скрывая под нотками беспечности волнение. Она плавно двигала руками и ногами, краснея под жадным взглядом Андрея. Прозрачная вода не только не скрывала обнаженное тело, а подчеркивала каждый его изгиб.

— Я... я... — с трудом выдавил Андрей, заставляя себя посмотреть ей в глаза, — ты... ты — великолепна!

Она подплыла ближе. Ее тело находилось всего в нескольких сантиметрах от его. Он почувствовал, как вода нагрелась вокруг них, но лишь чуть-чуть.

— Вода гасит пожар, — прошептала Таня и покраснела еще сильнее. — Я сейчас не обжигаясь.

Андрей протянул руку и дотронулся до ее руки. Их пальцы переплелись. Жара он не почувствовал. Только лицу было нестерпимо жарко.

— Набери побольше воздуха, — попросил Андрей враз осипшим голосом.

Когда Таня сделала глубокий вдох, он потянул ее под воду, мгновенно завладевая ее улыбающимися губами. Он прижимал ее тело, чувствуя его каждой клеточкой. Они не смели закрыть глаза все время, пока длился поцелуй. Когда воздуха не осталось, они вынырнули на поверхность за новой порцией. Они любили друг друга так, словно всю жизнь стремились к этому и сейчас получили, наконец-то, заслуженный приз.

Уже возвращаясь обратно, Андрей смотрел на рыжеволосую красавицу, которая весело шагала немного впереди, и думал, что никогда и ничего не испытывал прекраснее в жизни. Он боготворил ее за то, как бесхитростно и открыто она позволила любить себя, как подарила себя ему всю без остатка.

— Я люблю тебя, — тихо сорвалось с его губ. Но Таня услышала и с улыбкой обернулась.

— Я знаю.

Вот так, все просто. Она знала, что любима так же, как любит сама. Не было сомнений или недомолвок, только горячее и чистое чувство.

Когда они вернулись в дом святой, Пана только проснулась. Перед уходом Таня настояла, чтобы она прилегла отдохнуть.

— У матушки сейчас начнется время молитв, — сказала Таня, глядя на солнце. Оно уже находилось далеко не в зените. — Нужно успеть переговорить с ней. Она, конечно, и без нас знает, что нужно делать, но лучше перестраховаться.

Святая как раз появилась из-за угла дома, направляясь в их сторону. Она

тщательно отряхивала безнадежно грязный фартук, как будто пыталась вернуть ему давным-давно утраченную чистоту.

— Матушка! — позвала ее Татьяна.

— Знаю, знаю, — кивнула та. — Знаю, что ты хочешь сказать! — она улыбнулась им, таким разным, но с одинаковым выражением на лицах. — Скажу даже больше: сегодняшние часы молитвы я решила посвятить тебе, деточка, — она посмотрела на Пану. — И больше никому. Мирские дела подождут. Я должна постараться убедить батюшку отпустить тебя. Поэтому к вам у меня будет одна просьба — не беспокоить, дать мне возможность побыть в тишине.

Она больше ничего не добавила — бодрым шагом направилась к дому.

— Матушка! — робкий голос Паны заставил ее замереть на самом пороге. — Матушка! Прошу вас! — Пана молитвенно сложила руки. — Умоляю вас, попросите еще и за Ивана. Не надо за меня одну. Без него мне все равно не нужна нормальная жизнь! Если темный мир его не отпустит, то и мне нечего делать на земле.

— Как мы сами-то не догадались! — потрясенно прошептал Андрей и разглядел в глазах Тани такую же растерянность. — Вот что значит зациклиться. Все остальное вылетело из головы.

— Эх вы, голубки! — с укоризной произнесла матушка. Впрочем, в голосе ее не слышалось осуждения. — А я все жду, когда же вы вспомните про вашего несчастного друга. Милая, я то про него ни на миг не забывала, — обратилась она к Пане. — Конечно, я буду молить за вас обоих. Ведь ему моя помощь нужна еще больше, чем тебе. Хотя... я уже ни в чем не уверена...

Ничего больше не добавив, она скрылась в доме.

— Господи! — не разжимая рук, Пана подняла глаза к небу. — Присоединяю свои мольбы к матушкиным! Помогите нам, пожалуйста! Освободи нас от этого проклятья! Разреши вернуться домой.

Матушка отсутствовала долго. Часы молитвы в этот раз затянулись почти вдвое. Сумерки уже окутывали светлый мир.

Все это время они терпеливо ожидали на лавке, боясь даже разговаривать громко. Если и делали это, то шепотом. Бросали друг другу отрывистые фразы. Каждый понимал, что от исхода беседы зависит их будущее. Их жизни сейчас целиком находились во власти Всевышнего. Они острее обычного осознавали, насколько мелкими песчинками являются в общем потоке. Опасались показаться нахальными, требуя к себе индивидуального внимания.

Сумерки сменились ночью. Единственным светлым пятном во дворе осталась лавка, на которой они терпеливо сидели. Аура Тани освещала ее. Наконец, матушка вышла из заточения, вытирая пот со лба. Выглядела она усталой.

Первым делом она выпила воды и лишь после этого заговорила:

— Трудная выдалась беседа. Сначала он даже слышать ничего не хотел. Разгневался! Сказал, что люди должны сами расхлебывать беды, созданные их же руками! Мои мольбы, конечно, смягчили его немного. Я пыталась объяснить ему, какие вы... Рассказала о дружбе и любви. В общем, как и он мне, я тоже не могу обещать вам ничего конкретного, — матушка тяжело вздохнула и покачала головой. — Он так ничего и не сказал, просто... ушел и все. Мне очень жаль, если из этой затеи ничего путного не выйдет.

— Что ж, — вздохнула Татьяна, — вы сделали все, что могли. Спасибо огромное! Даже если ничего из этого не выйдет. Будем тогда сами искать выход, — последнюю фразу она произнесла более уверенно. — На ночь глядя, думаю, не стоит возвращаться? — она вопросительно взглянула на Андрея и прочла в его глазах согласие. — А завтра, с рассветом, мы отправимся восвояси.

— И, все-таки, бог вам в помощь, — пробормотала матушка, отправляясь спать. От усталости она уже еле держалась на ногах. — Не может он лишить вас своей помощи, в которой вы так нуждаетесь.

На следующее утро они проснулись едва ли не раньше самой матушки. Не затягивая прощание, отправились в обратный путь.

— Матушка, — напоследок обратилась к святой Пана. — Если ничего не получится, и я вернусь сюда... Можно я останусь жить с вами? Не буду я вам в тягость? — лицо ее побледнело от бессонной ночи, под глазами залегли темные круги. Всю ночь она думала, что будет, если и ее, и Ивана опять заберут миры? Хуже всего становилось от мысли, что они никогда не увидятся.

— Могла бы и не спрашивать! — заверила ее матушка. — Несмотря ни на что, я буду рада видеть тебя у себя, — а про себя подумала: «Дай бог, чтобы этого не случилось никогда».

— Вот мы и дома! — Таня потянулась, разминая затекшие мышцы. — Виктор, похоже, еще спит.

На небосводе Оазиса жизни еще царила луна, радостно приветствуя хозяина.

Они направились к дому, уютно белевшему в глубине сада. На крылечке Татьяна щелкнула тумблером, и луна уступила место яркому солнцу.

— Как не крути, а для меня это место дом! — произнесла Татьяна, прохаживаясь по гостиной. — Здесь я провела большую часть жизни. И сюда люблю возвращаться после длительного задания, — она посмотрела на молчаливых Андрея и Пану. — Я понимаю, что вы не разделяете мои чувства.

— Я бы сейчас больше всего хотела оказаться у себя дома, — тихо сказала Пана, а Андрей подумал, что он бы тоже не прочь наведаться в свой особняк.

Несмотря на то что Андрей провел здесь не так и много времени, он скучал по нормальной жизни. Даже грубость проводницы сейчас показалась бы ему родной и приятной. Но туда он хотел только вместе с Таней. Андрей украдкой посмотрел на нее. В золотой ауре она опять стала неприступной. Без нее он не мыслил дальнейшей жизни. Понимал, что если его поставят перед выбором, отправляться домой одному или остаться здесь с ней, он выберет второе, лишь бы всегда быть рядом.

На лестнице послышались тяжелые шаги.

— Витек проснулся, — улыбнулся Андрей, прижимая палец к губам.

Дверь в гостиную с шумом распахнулась, и перед ними предстал голый Виктор, потирающий спросонья глаза и широко зевающий.

Таня прижала ладонь к губам, пытаясь сдержать смех. Пана в смятении отвернулась, уперев взгляд в беззвучно смеющегося Андрея.

Еще не до конца проснувшийся Виктор обвел взглядом всех по очереди. Несколько секунд ушло на осмысление, после чего он судорожно прикрыл ру-

ками срамное место и стремглав выбежал из гостиной, мелькнув напоследок белыми ягодицами. Взрыв громкого смеха сопровождал его до самой спальни.

Не прошло и пяти минут, Таня с Андреем еще даже не успели отсмеяться, как Виктор с гордым видом, будто ничего не произошло, вернулся в гостиную, на этот раз полностью одетый.

— Врпр...крбр, — нечленораздельно прокаркал он и громко закашлялся, чем вызвал новый приступ смеха. — Вер...ну...лись, — с трудом произнес он, не переставая кашлять.

— Да, Вить! Совсем ты тут одичал! — Андрей подошел к нему и несильно хлопнул по спине. — Человеческая речь с трудом дается, — он с улыбкой наблюдал за кашляющим Виктором, на глазах у которого выступили слезы.

— Да, блин... Оставили меня тут одного! Словом перекинуться не с кем! — проворчал Виктор, когда смог говорить нормально. Хотя он и ворчал, но глаза его светились неподдельным счастьем — наконец-то его уединение нарушено, теперь он не единственный живой человек в малюсеньком оазисе посреди беспредельной вечности.

И тут Виктора прорвало! Он затараторил без пауз и остановок. Рассказывал обо всем, что тут с ним приключилось. Как обиженное дитя жалуется матери, так и Виктор со всеми подробностями описывал свои неприятности. Это было похоже на комканую исповедь.

— ... И этот бассейн, и этот дом... все, в конце концов, мне осточертело! Я махом все вернул в прежний вид!.. И это было так здорово! И вот вы вернулись, и я... я просто счастлив! — он замолчал, растянув рот в блаженной улыбке. Друзья сейчас казались ему самыми родными существами в мире.

— И мы тоже рады тебя видеть, — Андрей снова дружески хлопнул его по плечу.

— Сразу хочу внести ясность! — спохватился Виктор, подняв вверх указательный палец. — Больше я тут один не останусь!

— Узнаю нашего Витю! — засмеялась Таня. — На первом месте условия!

Через пару часов к ним присоединились еще четверо, благополучно покинувшие темный мир. Когда с приветствиями и объятиями было покончено и гул голосов, обменивающихся впечатлениями, стих, перед всеми стал вопрос — что делать дальше?

— Так, давайте определимся, что мы имеем, — рассудительно произнес Кирилл.

— Мы вырвали Пана и Ивана из когтей темного и светлого миров, — ответил ему Андрей. — Однако мы ни на шаг не продвинулись вперед. Лишь вернулись к исходной точке и, по-прежнему, не знаем, что делать дальше.

— Нужно выбираться отсюда, — заговорила Алина, — иначе темный мир притянет Ивана обратно. И он... должен будет умереть.

— Нет! — воскликнула Пана. — Он не может умереть! Почему?! Как я тогда смогу жить! — она схватила Ивана, сидевшего рядом с ней на диване, за руку. Глаза ее наполнились слезами. Забыв, что в комнате, кроме них, находится еще шесть человек, она обратилась к Ивану. В тишине слова ее звучали, как пророчество: — Если ты умрешь, я тоже не смогу жить. Без тебя — это выше моих сил! В последние дни я только и делала, что думала, думала... И поняла одну вещь... я люблю тебя! Наверное, с самой первой нашей встречи я люби-

ла тебя всем сердцем! Только раньше я этого не осознавала. Поняла в светлом мире. И, знаешь, какая мысль преследовала меня там повсюду? Знаешь, чего я больше всего боялась? Не того, что обречена жить вечно вдали от дома, от друзей, от знакомых. Не того, что мой земной цикл так рано прервется. А того, что рядом не будет тебя! И если ты должен умереть, то я... — она замолчала и посмотрела в окно, через которое в комнату заглядывало солнце! — Господи! — воскликнула она. — Разреши мне отправиться с ним! Разделить его участь! Только не разлучай нас! Если ты не можешь исправить все то зло, которое свершилось не по нашей вине, то хотя бы сравняй нас. Сжался над нами и не разлучай! — ее голос упал до шепота. Она выпустила руку Ивана и склонила голову на грудь. На подол ее туники безостановочно капали слезы.

— Взгляните! — вскричала Татьяна, и голос ее прорезал звенящую тишину. — Их аура! Она становится нормальной!

Они видели чудо, которое совершалось прямо сейчас, у них на глазах. Фиолетовая аура Ивана и оранжевая Паны менялись! Зрелище зачаровывало — очень медленно, начиная с головы, с них спадало невидимое покрывало, постепенно открывая взору перламутровое свечение, такое же, как у Андрея, Виктора и Алины.

— Пана! Он услышал тебя! — прошептала Татьяна. — Ни молитвы матушки Анастасии, ни наши просьбы не могли заставить его вмешаться. А твое желание добровольно отправиться в темный мир решило все.

Если раньше, когда были окрашены в разные цвета, Иван и Пана выглядели, как две противоположности, несовместимые друг с другом, то сейчас, глядя на них, складывалось впечатление, что они являются двумя половинками одного целого.

Иван прижал к себе плачущую Пану и едва слышно одной ей прошептал на ухо:

— Я тоже люблю тебя. С первой нашей встречи.

Глава 30

Возвращение

Никто не понял, что произошло, только в следующий момент они оказались на том самом месте кладбища, которое покинули, совершив переход в Оазис жизни.

Густой и липкий туман рассеивался, уступая место предрассветным сумеркам.

Первым делом все, как по команде, отошли на приличное расстояние от злополучного места.

— Мы вернулись! — вскричал Виктор, театрально упав на траву и начав в ней барахтаться.

— Боже мой! Здесь ничего не изменилось за столько лет! — потрясенно произнесла Таня, обводя взглядом кладбище. — Та же часовня, тот же домик сторожа... Все так, как было раньше. И, еще, тут довольно холодно! — она обвела всех взглядом и весело рассмеялась. Все как один были одеты в одинаковые туники, отличающиеся только по цвету.

— Нам стоит поторопиться, если не хотим тут замерзнуть. Предлагаю вернуться в санаторий.

С предложением Андрея все согласились, тем более что находиться на кладбище в одних туниках становилось все холоднее.

— А пустят нас без документов? — с надеждой в голосе спросил Виктор. Он уже предвкушал отдых, наполненный комфортом: тренажерный зал, процедуры...

— Думаю, они не успели еще нас забыть, — уверенно кивнул Андрей. — А завтра мы заберем свои вещи и документы у Зинаиды Сидоровны.

Когда они подошли к кладбищенской калитке, грозный окрик заставил их замереть на месте:

— Стой! Кто идет? А ну-ка, руки вверх! — на крылечке сторожки, в свете яркого фонаря стоял сухопарый дедок, грозно щурясь и водя ружьем в разные стороны. — Кто тут бродит по ночам и спать мешает? А ну, выходи на свет!

— Дед, ты бы сам сначала из света вышел! — усмехнувшись, громко сказал Андрей. — А то мишень из тебя великолепная получается.

— Кто это? Кто тут? — дед испуганно повернулся в сторону говорившего, вслепую направив ружье прямо Андрею в грудь.

— Бежим! — скомандовал Кирилл, устремляясь к калитке. Одинокий выстрел запоздало прорезал ночную тишину.

Отбежав на приличное расстояние, они остановились отдышаться. пробежка позволила немного согреться. Они дружно посмеялись над незадачливым сторожем.

— Хотел бы я посмотреть, как бы вы смеялись, если бы в кого-нибудь из нас попал заряд дроби! — проворчал Виктор. Он один не поддерживал всеобщего веселья.

— Виктор дома, — прокомментировала Алина. — Возрождение природной вредности началось!

— На себя посмотри, — парировал тот.

— Стоп! — сказал Андрей. — Давайте оставим обмен колкостями на потом.

Все вновь успели замерзнуть по дороге к санаторию. Когда заспанный сторож открыл дверь, после пяти минут непрерывного стука в нее, у всех без исключения клацали от холода зубы.

— Вот так дела! — недоуменно уставился на них сторож. — Вы что передумали уезжать?

Андрей, Иван, Виктор, Алина и Пана с удивлением переглянулись. Получается, что они вернулись в тот самый день и час, когда отправились на кладбище.

— Да вот, встретили друзей и решили вернуться, — первым нашелся Андрей.

— А вы кто? Артисты, что ли? — сторож с интересом разглядывал их наряды. — На гастроли сюда приехали?

— Нет, на гастролях мы уже побывали, — улыбнулась Алина. — А здесь намерены отдохнуть.

«Гастроли длиною в полжизни», — грустная мысль пронеслась в голове Андрея, которую он тут же отогнал. Он обнял Татьяну и крепко прижал к себе. «Ничего не имеет значения, когда она рядом».

Кое-как им удалось сочинить правдоподобную историю, как на станции у них украли все вещи. Остались только театральные костюмы, в которые они до этого переоделись. После клятвенных заверений, что документы у них будут уже завтра, сторож допустил их до дежурного администратора, где им пришлось еще раз рассказать историю о краже. Только после этого администратор разрешила занять им прежние номера, пообещав завтра подобрать что-нибудь более подходящее.

— Теперь вы знаете всю историю от начала до конца, — произнес Кирилл, заканчивая рассказ.

Зинаида Сидоровна вытирала слезы. Когда она увидела их всех в сборе, с ней чуть не случился сердечный приступ. Пришлось даже «скорую» вызывать и делать укол. После того, как ей полегчало, последовали объятия со слезами и поцелуями. Работники и воспитанники детдома не понимали, что происходит с директрисой. Они с любопытством выглядывали, кто откуда, пока Зинаида Сидоровна не догадалась увести всех в свой кабинет. Там, в спокойной обстановке, прерываемой лишь всхлипываниями директрисы, Кирилл поведал всю историю, которая начиналась с рассказа Марфы.

— Боже мой! Никогда не думала, что на старости лет стану свидетелем такого!.. Значит, все закончилось хорошо? — наконец, уняв слезы, спросила Зинаида Сидоровна. — Проклятие снято? И больше роду Паны ничего не угрожает?

— А вот этого мы как раз и не знаем, — Кирилл сокрушенно покачал головой. — Дело в том, что все произошло настолько стремительно, что мы и опомниться-то не успели, а уж тем более понять что-то. Знаем только, что Пана и Ивану не угрожают больше темный и светлый миры, а все остальное для нас до сих пор является загадкой. И как разгадать ее, не представляю.

Зинаида Сидоровна ласково посмотрела на Михаила. Она не могла налюбоваться своим любимцем, который, повзрослев, превратился в красивого мужчину. Внезапно ее лицо озарила мысль:

— А почему бы вам не наведаться в дом Марфы? Насколько я знаю, там сей-

час никто не живет. Дом заколочен. Там все должно сохраниться так, как было при ее жизни.

— Может, и правда, стоит нам сходить туда? — Андрей вопросительно посмотрел на друзей. — Пана, этот дом, по всей видимости, принадлежит тебе, как единственной ее родственнице. Ты не против, если мы туда наведаемся?

— Ты так спрашиваешь, как будто Пана не пережила все вместе с нами, — с обидой в голосе ответил за нее Иван. — Она теперь нам такая же родная, как и все остальные.

— Да я совсем не это хотел сказать, — огорченно ответил Андрей. — Конечно, Пана родная нам. Но есть же права собственности, которые нельзя нарушать.

— Не ссорьтесь из-за этого, — Пана улыбнулась, теснее прижавшись к Ивану. — Конечно, можно, — обратилась она к Андрею. — Предлагаю пойти туда прямо сейчас. Зачем откладывать дело в долгий ящик?

Провожая друзей, Зинаида Сидоровна с улыбкой спросила:

— Как же вы теперь себя будете называть, когда вас стало восемь? Ведь, в обойме может быть только семь патронов?

— Мы, по-прежнему, обойма, — с улыбкой ответил Иван. — Раньше мы были кольцом с семью патронами, а теперь мы стали кольцом с семью патронами в обойме и одним в стволе!

До дома Марфы дошли быстро. Он стоял на краю поселка, рядом с кладбищем и детдомом.

Дверь маленького покосившегося строения была заколочена поперечными досками. Отодрать их не составило труда. За годы дерево превратилось в трухлявое.

Помещение встретило сыростью и запущенностью. За все годы, прошедшие со дня смерти Марфы, сюда никто не заходил.

— Я и не знала, что у нее был дом, — сказала Пана. — Думала, она жила в детдоме.

— Мы тоже так думали, — вторил ей Андрей.

— Что мы тут ищем? — спросила Алина.

— Что-нибудь, что поможет разгадать тайну, — ответил Андрей.

В доме было всего две комнаты, одна из которых была кухня. Вторая, побольше, служила одновременно и гостиной, и спальней. Из всей мебели там только и было, что массивный квадратный стол возле окна, два больших сундука, один из которых служил кроватью и несколько покосившихся стульев. Зато икон было великое множество! Они завешивали все изголовье сундука, служившего кроватью.

— Да, небогато жила Марфа-то, — грустно произнесла Алина. — Бедняжка, видно привыкла довольствоваться малым.

Пана обошла комнату по периметру, вспоминая пробабку, и замерла возле стола. Выдвинув единственный ящик, жалобно, словно возмущаясь, скрипнувший, она заметила аккуратно свернутый, пожелтевший лист бумаги. Он лежал на старых альбомах и будто только и дожидался, когда его найдут.

— Я что-то нашла! — воскликнула Пана, доставая лист. Она отодвинула пыльную занавеску на окне и впустила в комнату немного света. Затем развернула лист. — Это письмо! И написала его бабушка, я знаю ее почерк. Боже мой! — голос ее дрогнул. — Это письмо адресовано нам!

«Дорогие мои! — прочитала Пана. — Если вы нашли это письмо, и вас восемь человек, значит, все получилось!

Перво-наперво хочу слезно попросить у всех вас прощения! Я втравила вас в эту историю, по моей вине сгинули неизвестно куда трое мальцов, — в этом месте строчки были размыты. Видно, плакала Марфа, когда писала их. — Так простите меня, если сможете, — Пана прервала чтение и сочувственно посмотрела на Татьяну, Кирилла и Михаила. — Видит Бог, не со зла я все это затеяла!

Но начну по порядку... Вскоре после того, как появился у нас в приюте Ванечка, нашла я в часовне, куда ходила грехи свои замаливать интересное письмо, касательно проклятия, наложенного злой ведьмой на наш род. И сказано там было, что родился у одной из их семейства сын с ясными очами. Нетрудно было догадаться, что это наш Иван, ибо таких глаз я больше ни в ком не встречала...

Сказано было там, что чудом остался в живых Ванька. А раз так случилось, значит, вынуждены они написать инструкции, как снять проклятие. Ибо если не напишут, то рискуют на свои головы накликают проклятие! Из их письма мне стало понятно, что сами-то они не ждали, что все так повернется... Видно, не должен был Ванька родиться-то... А он родился, да непростой, а с даром.

Поняла я из этого письма, что проклятие будет снято, если полюбит Иван одну из проклятых моего несчастного рода. Но было одно условие, что нельзя ни ей, ни ему разглашать содержание того письма. Больше скажу, то письмо следовало сжечь первому, кто прочтет, иначе пророчество тоже могло не исполниться никогда.

Дальше вы все и сами знаете. Ту историю рассказала я вам специально, не особо рассчитывая на успех... А дальше все пошло не так. Не думала я, что сгинут на кладбище-то трое из вас. Я и рассказывала-то ее больше для себя, чем для вас. Думала, авось, вспомнят потом через много лет, да попытаются связать все ниточки. Ан, нет! Видно, сама судьба кручинушка ввязалась. По-своему распорядилась-то. А когда уж пропали мальцы-то, как я убивалась, одной мне и известно, да поделывать ничего не могла.

Простите меня, если сможете! Не могу я этот грех унести в могилу-то и рассказать никому тоже не могу. Вот и решила написать это письмо с риском для исхода дела.

Если все сложилось удачно, и вы все целехоньки и невредимы, то не поминайте лихом старуху, которая прожила не очень праведную жизнь, но сознательно никому не хотела причинить горе».

— Значит, проклятие снято?! — потрясенно спросил Виктор. Как всегда, к нему первому вернулся дар речи, когда Пана закончила чтение.

— Получается, что так, — Иван счастливо улыбался, глядя на Пану. — И теперь я могу попросить тебя выйти за меня замуж.

— А если бы мы не нашли это письмо, то ты никогда бы не попросил? — лукаво спросила она.

— Наверное, все равно попросил бы, но... немного позже, — ответил незадачливый жених.

— Тили-тили тесто, жених и невеста, — пропел Виктор.

— Ну, если ты не откомментируешь, это будешь не ты, Озеров ты наш доморощенный, — засмеялась Алина.

Все без исключения чувствовали, как огромный камень, давивший на их души вот уже пятнадцать лет, свалился и покатился восвояси, подальше от простых человеческих судеб.

Эпилог

На вокзале собралась приличная компания. Проводить Андрея и Таню приехали все, даже Зинаида Сидоровна.

— И все-таки я настаиваю, чтобы ты к нам приехал, — обратился Андрей к Кириллу. — Ну что ты тут будешь делать? После стольких лет тяжело тебе будет привыкнуть.

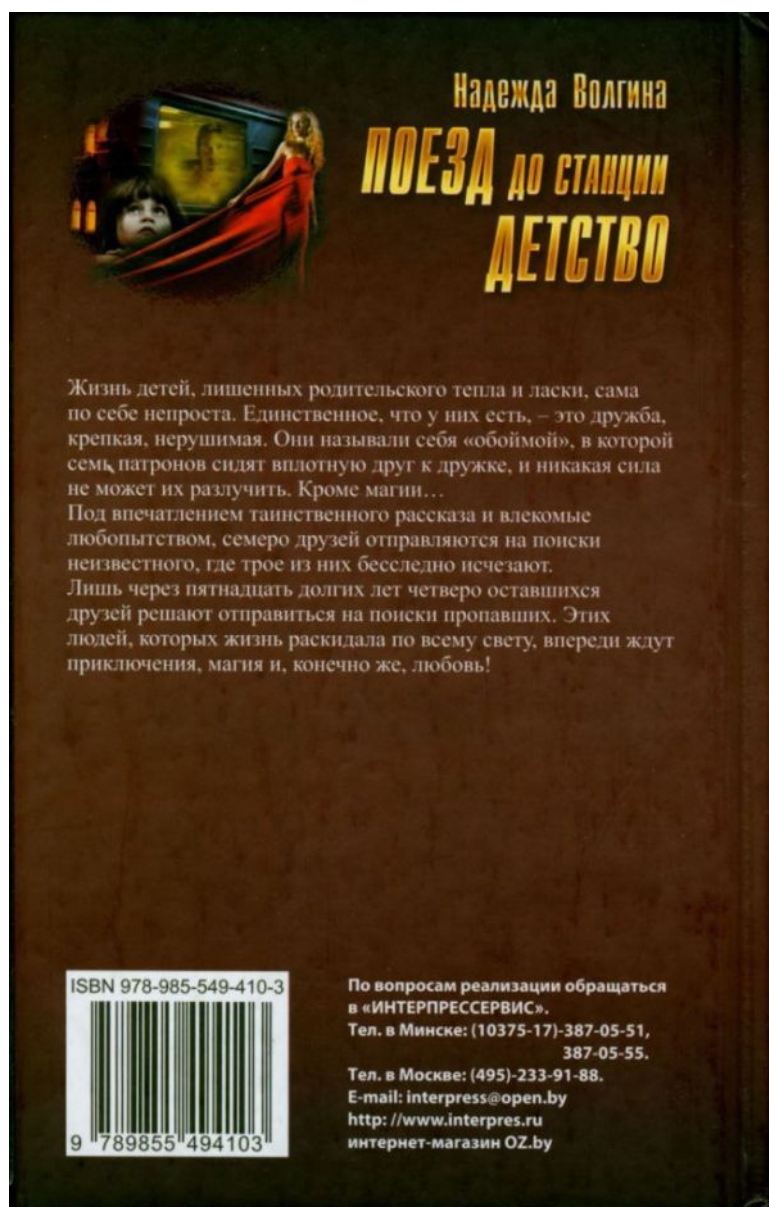
— Спасибо, конечно, но нет... Если только в гости, как-нибудь, — Кирилл с улыбкой смотрел на Андрея и Таню. Они стояли возле поезда и не могли не обниматься. Впрочем, такие они тут были не единственные: Алина с Михаилом и Пана с Иваном тоже так и светились от распирающего их счастья. Зинаида Сидоровна, как всегда, смахивала украдкой слезы, пряча глаза за большими стеклами солнечных очков. Погода выдалась замечательная. Не в пример сентябрю, октябрь стоял солнечный и теплый. — Ты за меня не переживай. Зинаида Сидоровна обещала устроить меня на работу в наш детдом. Есть у меня одна мысль: попытаться донести до детишек все то важное, что сам узнал за эти пятнадцать лет. А потом хочу написать книгу о нас. И пусть никто не поверит, что произошло это на самом деле, но мы-то знаем, что все это правда, хотя и смахивает на приключенческий роман.

— Значит, решил стать писателем по совместительству? — улыбнулся Андрей. — Но следующим летом, ты обязательно к нам приедешь, обещаешь? И вы все тоже, — обратился он к остальным. — Дом у меня большой, и места в нем всем хватит. Я больше не намерен расставаться так надолго.

— Мы-то приедем, — ответил ему Виктор. В черном плаще, с зачесанными волосами, в темных очках, он выглядел, как настоящий ловелас, что и подчеркивал на деле, провожая взглядом каждую хорошенькую девушку. — Вот что вам тут делать зимой, честно говоря, не понимаю.

Они договорились, что будут встречаться два раза в год — зимой в России, а летом в Бельгии.

— Как что? — удивился Андрей. — Нет ничего лучше, чем встретить Новый год в кругу большой и дружной семьи на исторической родине!

Надежда Волгина *ПОЕЗД до станции ДЕТСТВО*

Жизнь детей, лишенных родительского тепла и ласки, сама по себе непроста. Единственное, что у них есть, — это дружба, крепкая, нерушимая. Они называли себя «обоймой», в которой семь патронов сидят вплотную друг к дружке, и никакая сила не может их разлучить. Кроме магии...

Под впечатлением таинственного рассказа и влекомые любопытством, семеро друзей отправляются на поиски неизвестного, где трое из них бесследно исчезают.

Лишь через пятнадцать долгих лет четверо оставшихся друзей решают отправиться на поиски пропавших. Этих людей, которых жизнь раскидала по всему свету, впереди ждут приключения, магия и, конечно же, любовь!

По вопросам реализации обращаться в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51, 387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.